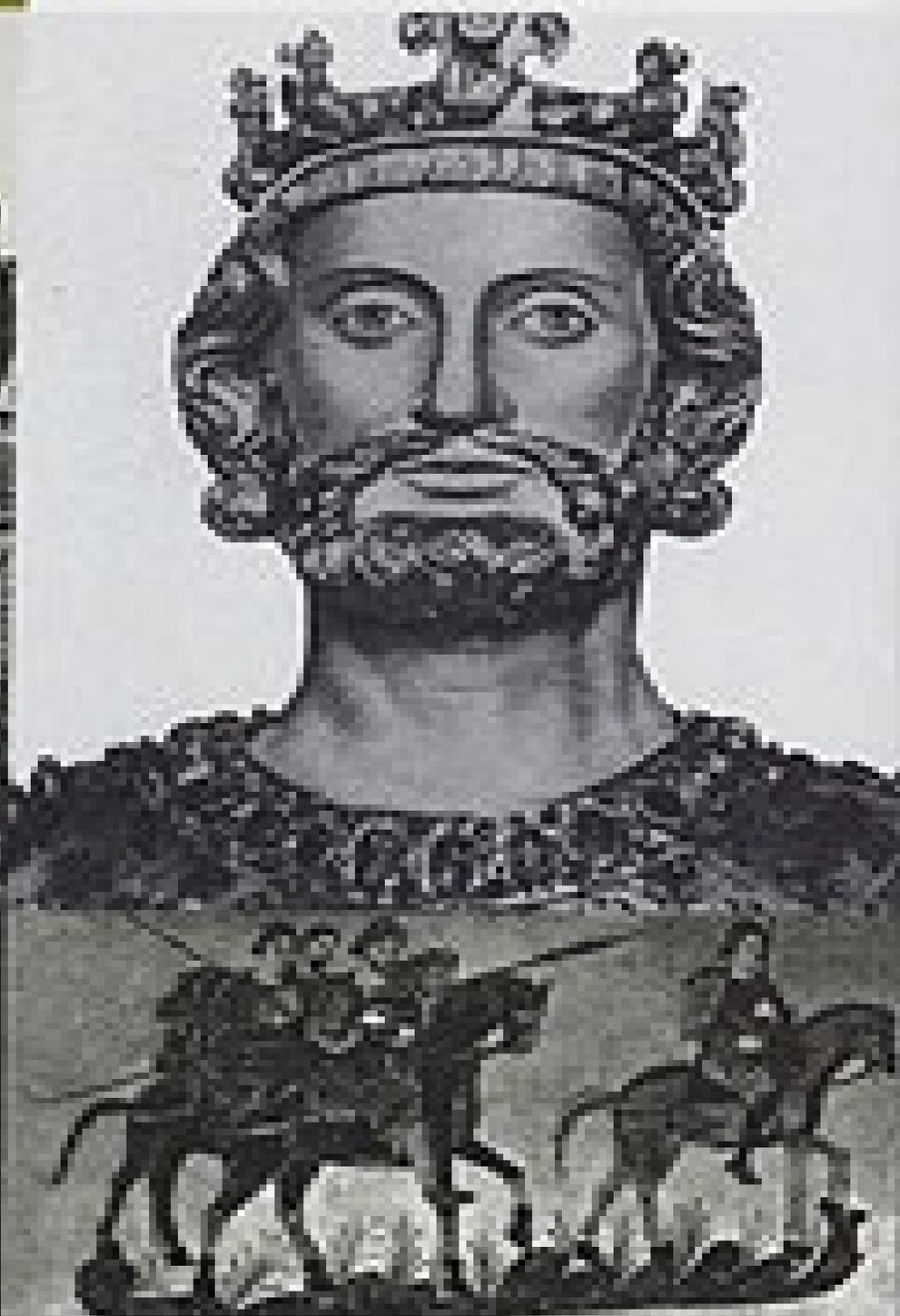

КАРА

ВЕЛИКИЙ

Анатолий
Леонидович

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Настоящая книга известного писателя-историка профессора А.П. Левандовского о Карле Великом – это не просто портрет знаменитого основателя Франкской империи, но, по существу, биография целой эпохи – периода становления средневековых государств Западной Европы – Франции, Германии, Италии. Автор рассматривает различные аспекты деятельности франкского короля и императора: административный, хозяйственный, культурный, духовный.

- [Карл Великий](#)
  - [К читателю](#)
  - [Пролог. Блуждая взором по карте Европы...](#)
  - [Глава первая. Предшественники](#)
    - [Под натиском «варваров»](#)
    - [«Франки» и «Франция»](#)
    - [Одно из «варварских» королевств](#)
    - [Короли и майордомы](#)
    - [Майордомы и церковь](#)
    - [Рим меняет ориентацию](#)
    - [С благословения папы...](#)
    - [Наследие отца и деда](#)
  - [Глава вторая. На пути к Империи](#)
    - [Первые шаги](#)
    - [Войны короля Карла](#)
    - [Италия](#)
    - [Бавария](#)
    - [Саксы](#)
    - [Авары](#)
    - [Славяне](#)
    - [Северо-запад. Британия](#)
    - [Юго-запад. Аквитания. Испания](#)
    - [Тайна императорского имени](#)
    - [Слон Харуна ар-Рашида](#)
    - [Византия](#)
  - [Глава третья. Император](#)
    - [Человек](#)

- [Хозяин](#)
- [Государь](#)
- [Демиург](#)
- [Зодчий «Града Божия»](#)
- [Ревнитель веры](#)
- [Град небесный и град земной](#)
- [Конец императора и начало легенды](#)
- [Глава четвертая. От Империи к Европе](#)
  - [Благочестивый наследник](#)
  - [«Ordinatio imperii»](#)
  - [Плод поздней любви](#)
  - [Отец и сыновья](#)
  - [«Воина трех братьев»](#)
  - [К новым государствам](#)
- [Глава пятая. От истории к традиции](#)
  - [«Милая Франция» и ее обитатели](#)
  - [Подспудный период](#)
  - [«Королевская жеста»](#)
  - [Загадки «Песни о Роланде»](#)
  - [Путешествие на восток](#)
  - [Кризис жанра. Связь времен](#)
  - [Прообраз или соперник?](#)
- [Эпилог. В начале было Слово](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)

- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)

Карл Великий

*Светлой памяти дорогого учителя Николая
Павловича Грацианского*

К читателю

Эта небольшая книжка для автора значит в чем-то больше, нежели остальные тринадцать увесистых «кирпичей», опубликованных им ранее: она – плод первой любви, а первая любовь, как известно, остается неизгладимой на всю жизнь.

Все началось с экзамена по истории средних веков, который я, гордый студент истфака университета, в 1939 году сдавал профессору Николаю Павловичу Грацианскому, славившемуся «людоедством». Я уже давно окончил свой «блистательный» ответ о Каролингах (не упомянув, правда, о какой-то новейшей теории – то ли Допша, то ли Зеелигера), а Грацианский все еще тербил свой длинный ус, так напоминавший мне всегда легендарные усы Карла Великого, потом решительно взял зачетку и вывел «хор.». То была моя единственная «четверка» за годы учебы в университете... Мог ли думать я тогда, что буду его учеником и стану заниматься как раз этими самыми Каролингами? Наверное, мог, если не думать, то чувствовать, потому что уже тогда боготворил его и считал, что только он достоин быть моим учителем...

А потом было много всякого, и вот уже окончилась война, и вот я – аспирант того же истфака – занимаюсь у него на дому в семинаре для избранных «счастливиц» и читаю доклад о саксонских войнах Карла Великого...

Свою диссертацию «Эйнгарт и каролингская традиция» я защищал уже без него, после его трагической гибели; и защита прошла не гладко, поскольку работа не отвечала установленным канонам; а один из оппонентов даже назвал меня «парадоксалистом». По-видимому, только его славное имя, да еще имя Евгения Алексеевича Косминского, согласившегося стать формально моим научным руководителем после рокового события, спасли работу от провала. Опубликовать ее мне, конечно же, не удалось – подобные темы в те времена в качестве «неактуальных» находились под запретом. И как было обидно, уже многие годы спустя, видеть, что в зарубежной литературе утверждается то одна, то другая «идейка», которая давно уже высказана тобой, но «там» об этом не знают...

Чувствуя бесплодность моей тематики в подобных условиях, я на долгие годы сменил ее, не порвав, правда, с историей Франции, которая на всю жизнь оставалась для меня единственным полем деятельности. Что же касается проблемы «Карл Великий и Европа», то здесь удавалось лишь

время от времени «пробивать» (с большим скрипом) отдельные статейки. Я подружился с хорошими людьми из Главного управления геодезии и картографии, и они помогли мне осуществить подготовку Атласа, который, увы, так пока и не вышел, хотя мои картографические наброски по эпохе Каролингов проникли во многие атласы и учебники – школьные и вузовские, а также и в обобщающие труды типа «Всемирной истории».

Теперь, на склоне лет, мне, что называется, вдруг «подфартило». Ситуация изменилась – старые запреты отпали. Сегодня можно публиковать все, хотя это очень трудно сделать по причинам уже иного порядка. И вот, в результате, появилась эта небольшая книжка. Конечно, это лишь крохи. Но сомневаюсь, что по условиям возраста и ряда других обстоятельств удастся сделать большее. А пока я счастлив, что удалось хоть в таком несовершенном виде обнародовать свою «общую идею». И если она заинтересует читателя, а может стать, и убедит его, то большего удовлетворения в этой жизни для меня быть не может.

Первое издание этой книги вышло в свет в 1995 году и встретило благосклонный прием у читателей. Новое издание значительно отличается от предыдущего. Учтены замечания, исправлены ошибки и неточности, переосмыслены отдельные положения. Кроме того, значительно расширены некоторые главы и параграфы, иные же – написаны заново.

Поскольку автору хотелось бы, чтобы наиболее любознательные из читателей могли хоть немного почувствовать «аромат эпохи», а заодно и познакомиться с творческой «лабораторией» историка, книга снабжена «Приложениями», в новом издании также расширенными и дополненными.

Пролог. Блуждая взором по карте Европы...

Еще при жизни он получит прозвища: «Славный», «Блистательный», «Победоносный», «Мудрый»; но одно вскоре возобладает над другими и пребудет в веках: «Великий». Оно неразрывно сольется с именем. «Carolus Magnus» латинских текстов, «Karl der Grosse» у немцев, «Charlemagne» у французов – таким войдет он в легенду, из поколения в поколение оставаясь эталоном для царственных подражателей – Фридриха Барбароссы в XII столетии, Филиппа Доброго – в XV, Карла Пятого – в XVI, Наполеона – в XIX.

Чем заслужил он подобную честь? Завоеваниями? – но они оказались эфемерными и едва пережили завоевателя; административными реформами? – но они почти не поднялись над уровнем установлении предков; экономическими преобразованиями? – но они были ничтожными; достижениями в области культуры? – но сегодня придуманный кем-то термин «каролингский ренессанс» обычно заключается в кавычки. Так в чем же здесь величие?

Не станем торопиться. И, прежде всего, заметим: вряд ли корректно мерки сегодняшнего дня применять к VIII–IX векам. Империя Александра Македонского тоже распалась после смерти завоевателя, не слишком усердно занимавшегося реформаторской деятельностью, и тем не менее в глазах потомства он остался Великим. Видимо, подлинную сущность явления определяет не то, что лежит на поверхности и может быть сведено к совокупности неких простых истин. Истина синтезирующая всегда много глубже и определяется не с первого взгляда, требуя проверки длительным временем. Франкский король и император Карл, сын короля Пипина, эту проверку выдержал, о чем свидетельствуют постоянно появляющиеся на Западе новые исследования о его жизни и деятельности, а с 1950 года в городе Ахене, столице империи Карла, проводится ежегодное присуждение премии его имени лицам или организациям, внесшим особый вклад в дело европейского единства.

Впрочем, здесь не все так просто и гладко, как может показаться на первый взгляд. Уже кое-кто из младших современников Карла относился к нему неоднозначно и даже предрекал душе его адский пламень. А позднее, как это бывает обычно, в дело вмешались политика и политические

амбиции, не раз осложнявшие восприятие образа великого императора. Ибо если в иные эпохи французские и немецкие исследователи рьяно оспаривали его друг у друга в качестве «основоположника» их национальной истории, то в других случаях они из тех же побуждений и с такой же ретивостью отреклись от него. Достаточно вспомнить позиции немецких историков и псевдоисториков во времена националистического угара франко-прусской войны и, в особенности, гитлеровского «нового порядка», когда основателю Каролингской империи не могли простить его истребительных войн против «арийцев» – саксов и даже называли его не Karl der Grosse, а Kari der Franken. И точно так же их французские оппоненты не раз отталкивали Карла и принижали его значение за «прогерманские» позиции и акты. Политика всегда остается политикой, и поскольку герой этой книги, строго говоря, не «немец» и не «француз», то националистическая историография ни там, ни тут не может испытывать к нему чрезмерных симпатий.

Но есть у этой проблемы один особый аспект – аспект, на наш взгляд, вполне способный примирить соперников, исключаящий в равной мере как «немецкий», так и «французский» подход. Для этого следует лишь обратиться к исторической географии.

Каждый раз, когда смотришь на карту Европы конца раннего средневековья, ловишь себя на мысли о том, как, в сущности, много на ней элементов современного мира! Правда, в политических границах – как будто бы никакого сходства. В глазах рябит от множества «королевств», «герцогств», «маркизатов» и «епископств». И все же немало такого, что хорошо знакомо. Возьмем, к примеру, названия государств: Англия, Франция, Германия, Италия, Венгрия, Польша; или областей: Гасконь, Бретань, Шампань, Лотарингия, Бургундия, Бавария, Ломбардия – все они существовали уже в X веке. Десять столетий назад! Это кажется особенно поразительным, когда берешь в руки карту VI–VII веков. Сходство исчезает мгновенно. Ни одного знакомого названия! Ни единого из существующих ныне государств!...

На первый взгляд, период с V по VIII век – время бесплодное, бестолковое: какое-то нагромождение бесконечных войн, вторжений, кровавых междоусобий, территориальных разделов и переделов. Когда изучаешь материалы этих четырех столетий, кажется, будто проходишь сквозь дикий, фантастический сон, кошмар, лишенный логики и смысла.

И вдруг, проводив феерически-бессмысленные века, удивленно раскрываешь глаза. Появилась Европа. Появились современные государства.

Мы отнюдь не оговорились: именно *современные*, существующие и сейчас на политической карте мира.

В горниле «бесплодных» превращений родилось новое: новые народности – предшественницы будущих наций, новые политические организмы, которые пронесут сквозь всю феодальную раздробленность и неустойчивость свою территориально-этническую основу.

И в фокусе всех этих трансформаций оказалась эпически мощная фигура императора франков Карла.

Никогда не понять ни средневековой, ни новой истории таких государств, как Франция, Германия или Италия, если забыть начало этой истории, если сбросить со счета их путь через империю Карла Великого, все те катаклизмы, которые заполняют раннюю, подспудную пору их жизни во франкский период.

Ибо шла она, история эта, от «варварских» государств раннего средневековья к государствам новых народностей, через Империю – к Европе.

Однако, чтобы принять этот тезис, а значит, чтобы понять степень величия Карла, следует прежде всего обратиться к истокам. Иначе говоря, выяснить и представить не только (и даже не столько) биографию самого Карла, сколько некий отрезок биографии Западной Европы, точнее – той ее части, судьбу которой в чем-то определили личность и дело императора.

Глава первая. Предшественники

Под натиском «варваров»

Начинать следует издалека, и, чтобы подойти к императору IX века, придется вспомнить о другой империи, гораздо более древней.

Двенадцать с лишним столетий господствовал античный Рим, сначала в пределах небольшой области, затем – страны, потом – целого Средиземноморья, пока не вырос в гигантскую державу, охватывающую своими щупальцами весь Древний мир от нижнего Рейна до Северной Африки и от Гибралтара до Месопотамии. Но Рим не просто абсорбировал этот мир; впитав его в себя, он многое усвоил и от него, создав новую цивилизацию, плодами которой мы пользуемся и по сей день, проезжая по римским мостам и дорогам, зачитываясь римской поэзией и прозой, обращаясь в судопроизводстве к нормам римского права.

Однако, подобно всем мировым цивилизациям, Древний Рим, пережив период подъема и расцвета, вступил в длительную фазу упадка и угасания. Во II веке прекратилась его территориальная экспансия; в следующем столетии вполне обозначился острый кризис империи, выхода из которого не виделось, ибо то был кризис всего социально-экономического строя, лежавшего в ее основе. Императоры Диоклетиан и Константин, стремясь как-то стабилизировать положение, попытались провести ряд экономических и административных реформ, но все они дали лишь кратковременный эффект. Не более спасительной оказалась и великая духовная реформа, предпринятая Константином, – превращение христианства из гонимой в дозволенную, а затем и господствующую религию.

Почти три века римские власти боролись с христианством и изуверски преследовали его приверженцев; их распинали на крестах, превращали в живые факелы, травили на аренах цирков. С лютым упорством Нерон и его преемники пытались изничтожить учеников Иисуса из Назарета, видя в них соперников своего единовластия. И только Константин понял, что новая вера при соответствующей корректировке может быть скорее полезна, нежели вредна гибнущей державе. Но его знаменитый Миланский эдикт 313 года явно запоздал: остановить глубинные процессы распада было уже невозможно, тем более что едва став на ноги, христианская церковь превратилась в арену конфессиональных раздоров. Не помогла новая религия и в борьбе империи с язычниками-«варварами», которые оказались весьма восприимчивы к заповедям Христа и охотно принимали

крещение. Но это отнюдь не увеличивало их симпатий к Риму.

«Варварами» римляне с давних пор называли всех неримлян, живших за пределами их государства. Собственно, оно-то как раз и создавалось за счет завоевания земель, населенных «варварами», и превращения последних в подданных или рабов. До начала II века, пока Рим все еще был силен, а «варвары», жившие родовым строем кочевников-скотоводов, сильно уступали ему в военной технике и организации, они продолжали оставаться объектом его захватов. В результате Рим поглотил кельтов Галлии, иберов Испании, многочисленные народы и племена Юго-Восточной Европы и Северной Африки. Но как раз в то время, когда империя начала слабеть и утрачивать прежний завоевательный пыл, «варвары», превращаясь в оседлое общество, почувствовали вкус к земле, а их вожди создали свои боевые дружины, готовые помериться силами с пресловутыми легионами римлян. И стороны словно поменялись местами: теперь обороняться пришлось тем, кто раньше непрерывно наступал. Особенную активность обнаружили племена, известные под общим этническим именем «древних германцев».

Страна к востоку от Рейна, «Германия» Плиния и Тацита, давно была предметом вождений римлян. В I веке н.э. она даже частично вошла в состав империи, но ненадолго: восстания местных племен быстро и радикально покончили с претензиями завоевателей, и последним не осталось ничего другого, как приступить к укреплению своих рейнско-дунайских границ. Между тем разрозненные германские племена стали объединяться в большие группы; одна из таких групп – «готы» – устремилась на юго-восток, дошла до Причерноморья, где и осела, разделившись на две ветви: вестготов (западных готов) и остготов (восточных готов). Но в IV веке сюда же с востока устремились дикие орды кочевников-гуннов. Гунны нанесли смертельный удар готскому племенному союзу. Часть его – остготы – оказалась вынужденной подчиниться победителям и вместе с ними ринулась дальше на запад, другая же часть – вестготы – отступила на юг, к границам Римской империи. Перемещения готов и гуннов во II–IV веках естественно сообщили движение другим, соседним группам племен; в результате началось их массовое перемещение, известное под именем «великого переселения народов». Перед шквальным натиском подобного масштаба одряхлевшая империя устоять не могла.

Не останавливаясь на частностях, отметим главные этапы ее падения.

В 375 году первые отряды вестготов пересекли дунайскую границу империи.

В 378 году они разбили войска римлян и устремились дальше в пределы их державы.

В 395 году империя окончательно разделилась на Восточную и Западную; в дальнейшем Восточная Римская империя с центром в Константинополе нашла в себе достаточно сил, чтобы противостоять «варварам», и под именем Византии продлила свое существование еще на десять с половиной веков.

В 410 году вестготы, хотя и ненадолго, овладели Римом, столицей Западной империи; со времен галльского нашествия (IV в. до н.э.) такого «вечный город» не знал.

В 419 году возникло первое из «варварских» государств на территории Западной Римской империи – королевство вестготов.

В 439 году таких королевств было уже три – вестготов, вандалов и бургундов.

В 455 году «варвары» (вандалы) снова взяли Рим и на сей раз подвергли его неслыханному разгрому и разграблению, сделав свое племенное имя нарицательным на все времена.

В 476 году Западная Римская империя прекратила существование. Здесь необходимо отметить одну деталь. Одоакр, предводитель германских наемников, овладев Римом, в отличие от своих предшественников, не ограничился грабежом и кратковременным пребыванием в столице. Он низложил последнего римского императора, малолетнего Ромула Августула, но не присвоил себе императорского титула; вместо этого он собрал знаки императорского достоинства и отправил их в Константинополь властителю Восточной Римской империи. Сим актом как бы подводилась черта: давно уже фактически развалившаяся Западная Римская империя теперь и формально прекращала свое существование. Отныне константинопольские императоры могли считать себя единственными наследниками империи в целом. При случае они каждый раз заявляли об этом и в середине VI века даже попытались «вернуть» утраченные земли Запада. Запомним этот факт. Он еще пригодится нам в дальнейшем.

Между тем в конце V века «варвары» добрали все то, что еще оставалось от бывшей Западной Римской империи; этими «остатками» овладели остготы, англо-саксы и франки.

Последние отныне будут постоянно пребывать в центре нашего внимания.

«Франки» и «Франция»

Термин «франки» (franci) вплоть до сего дня остается предметом бесконечных дискуссий. Историки и филологи, пытаясь выяснить корень слова «франк», объясняют его по-разному: одни как «бродячий», «блуждающий», другие как «храбрый», «отважный», «неустрасимый», третьи как «гордый», «благородный», четвертые как «дикий», «свирепый». Уже столь значительный разнобой в трактовке обнаруживает бесплодность поиска. Думается, однако, дело не в расшифровке понятия, которая вряд ли возможна (да и едва ли необходима), а в том, к кому и когда это понятие прилагалось.

В источниках «франки» упоминаются впервые в III веке, а точнее – в 242 году. По свидетельству современника, именно в этот год один их отряд вторгся в Галлию у нижнего Рейна и был разбит трибуном VI легиона Аврелианом, будущим императором, причем 700 «варваров» пали на поле боя, а 300 были захвачены в плен и проданы в рабство. Затем это имя снова и снова появляется на страницах хроник, каждый раз в связи с воинственностью и стремлением осесть на римской территории. Так, в 263 году целая орда франков прошла с боем через Галлию и Испанию; в 277 году они были разбиты императором Пробом близ Рейна, в самом конце III века – потерпели поражение от Констанция Хлора, а в начале следующего столетия были неоднократно разбиваемы Константином и его преемниками. Характерно, что успехи римского оружия не сломили натиска франков из-за Рейна; будучи сами теснимы соседями, они продолжали вторгаться в северную Галлию, и в конце концов императоры оказались вынуждены согласиться на их поселение в этом районе на правах федератов.

Что же представлял из себя этнос древних франков и какова была территория их первоначальных поселений? Комбинируя данные источников, мы можем довольно точно ответить на оба вопроса.

Областное имя «Франция» (Francia) и соответственно этнический термин «франки» в III – начале IV века прилагались к территории вдоль нижнего течения Рейна и к германским племенам, населявшим эту территорию: хаттам, хамавам, тенктерам, бруктерам, марсам, сугамбрам и другим. Обращает на себя внимание тот факт, что общий термин («франки») и частные, племенные термины не исключали друг друга и поначалу применялись параллельно. Понять это можно лишь учитывая, что

в период III–IV веков старые родовые отношения у германцев стали распадаться, быстро шло имущественное расслоение, усилилось значение войны, превратившейся в средство захвата добычи. Старые племена начинали консолидироваться в более значительные объединения – племенные союзы. Так еще раньше сложился готский союз, так возникли свевский, маркоманнский и аламанный союзы. Такого же, по-видимому, происхождения и франков – племенного союза, выросшего на основе объединения ряда других, более древних племен. Очевидно, что союз этот не отличался особенной прочностью – отдельные племена часто действовали самостоятельно; кроме того, франки, согласно современным свидетельствам, делились на «салических» и «рипуарских». Этимология этих терминов не сложна. Слово «салические» явно происходит от латинского «sails», что значит «морское побережье»; слово «гiра», корень имени второй ветви франков, также означает «берег», но уже не моря, а реки. Отсюда нетрудно сделать вывод, что салии расселялись вдоль побережья Северного моря, рипуарские же франки обитали от них к востоку, по нижним и средним течениям великих рек, протекавших по общей этнической территории.

Что же представляла из себя эта территория в IV веке? По сравнению с предшествующим столетием она значительно расширилась. Франки прежде всего освоили земли вдоль правого берега Рейна, от впадения в него Майна до моря. Салические франки, как мы видели, еще в III веке переходили на левый берег Рейна и стремились освоить нижнее течение этой реки, так же как и нижнее течение Мааса. К IV веку относится продвижение франков в глубь Галлии; этого продвижения не могли остановить энергичные меры римской администрации, и при императоре Юлиане (вторая половина IV века) они прочно удерживали провинцию Токсандрию вплоть до рек Соммы и Самбры на юге. Территория вдоль Шельды и нижних течений Мааса и Рейна стала, таким образом, историческим ядром будущего Франкского государства.

Следует отметить, что воспоминание об этом сохранится надолго: в IX веке, при Карле Великом и его преемниках, источники будут называть эту территорию «Древней Францией» (*Francia Antiqua*).

На рубеже V и VI веков процесс внутренней консолидации франков достигает такого уровня, что в начале не очень прочный племенной союз начинает превращаться в народность. Складывание единой территории ускорило этот процесс, усилив сознание общей этнической принадлежности. Если раньше, как уже отмечалось, наряду с общим именем «франки» существовали старые племенные названия («сугамбр»,

«марс» и др.), то теперь они совершенно исчезают, и термин «франк» вполне точно определяет этническую принадлежность его носителя: источники четко противопоставляют его «аламанну», «лангобарду», «фризу» или представителю какой-либо иной племенной группы. Добавим к этому, что именно теперь складываются те формы экономического единства франков, которые проявились в единстве их земельных распоряжений и стабилизации хозяйственных правил, зафиксированных позднее в «Салической Правде», и прочная основа формирующегося Франкского государства нам станет вполне ясна.

Одно из «варварских» королевств

Ему было суждено пережить все другие «варварские» государства и окончательно сложиться на основе их последовательного завоевания.

Обычно возникновение Франкского государства связывают с правлением Хлодвига (481–511). Подобное утверждение неоспоримо; но не следует забывать, что этот монарх (князь или король) имел предшественников, сыгравших определенную роль в утверждении его власти у франков.

Первым упоминаемым в источниках князем салических франков был Хлойо (или Клодион), разбитый в 431 году римским полководцем Аэцием. Позднее, оправившись от поражения, Хлойо захватил город Каморе и все побережье до реки Соммы, после чего сделал своей столицей Турне. Его преемником стал некий Меровея (или Меровег), личность мистическая, поскольку согласно преданию он был плодом противоестественного союза женщины с морским чудовищем. По всей вероятности, эта сказка принадлежит к числу этимологических легенд и представляет собой попытку объяснить имя «Меровея», что значит «рожденный морем». Как бы то ни было, но этому полулегендарному князю последующая история обязана наименованием первой династии салических франков – «Меровинги». Сын Меровея Хильдерик, князь Турне, был уже абсолютно реальным лицом, что подтверждает его богатое погребение, найденное еще в XVII веке; он-то и являлся отцом Хлодвига.

В отличие от своих предшественников Хлодвиг к концу правления уже по праву носил титул короля. Жестокий и неразборчивый в средствах «варвар», он отличался бурной энергией, страстью к завоеваниям и стремлением объединить под своей властью все соседние территории и племена. Начав с захвата остатков бывшей Западной Римской империи в Галлии (области между Соммой и Луарой, 486 год) и одновременно уничтожив многочисленных родственников – других князей салических франков, Хлодвиг сумел добиться покорности и от франков рипуарских, попутно вынудив платить дань аламаннов. На очереди оказались земли к югу от Луары, принадлежавшие вестготам. Но прежде чем совершить новый «прыжок», Хлодвиг сделал многозначительную паузу.

Хотя франки все еще оставались язычниками, их властитель давно понял, какой моральной силой обладает христианство. Он и прежде относился к христианскому духовенству вполне лояльно, теперь же,

учитывая политическую ситуацию, решил сделать на него ставку и принять новую веру. Дело в том, что его потенциальные противники – вестготы – были арианами, а их короли и князья находились в весьма сложных отношениях с местными церковными властями, считавшими оных «еретиками». Учитывая это, Хлодвиг поспешил до начала планируемого похода принять христианство в ортодоксальной форме и крестился вместе со своею дружиной в 496 или 498 году. Теперь можно было начинать задуманную акцию с надеждой на поддержку галло-романского духовенства. В 507 году Хлодвиг пересек Луару и нанес сокрушительное поражение королю вестготов, погибшему в битве. После этого почти вся южная Галлия перешла в руки победителя. Правда, пробиться к Средиземному морю ему все же не удалось – король остготов Теодорих, ревниво следивший за его победами, успел захватить побережье Септимании. Также не удалось Хлодвигу подчинить своей власти бургундов: их король Гувдобад, несмотря на временные успехи франков, сумел отстоять свою независимость. Впрочем, и без того успехи Хлодвига были достаточно велики; овладев двумя третями Галлии, он более чем удвоил территорию государства. Но главное было в другом.

Принятие христианства сблизило завоевателя с Византийской империей. Император Анастасий, узнав об успехах нового единоверца, письменно поздравил его, пожаловал званием консула и разрешил носить титул «достославнейшего короля». Этот акт завершился торжественной церемонией. Хлодвиг, с короной на голове, облаченный в пурпурную мантию, верхом на белом коне, совершил триумфальный въезд в тюрскую цитадель. Народ, которому он щедро разбрасывал пригоршни золотых и серебряных монет, приветствовал его громкими восклицаниями.

Но и после принятия христианства, став «достославнейшим королем», «варвар» остался «варваром» и, по обычаю предков, рассматривая государство как свою вотчину, незадолго до смерти разделил его между четырьмя сыновьями. Это породило нескончаемые распри, междоусобные войны, разделы и переделы, продолжавшиеся при внуках и правнуках Хлодвига. Характерно, впрочем, что, несмотря на усобицы, «длинноволосым королям» не было чуждо сознание общих интересов, и совместными силами они продолжали политику Хлодвига по расширению господства франков. Им удалось подчинить Бургундию, через Прованс получить долгожданный выход к Средиземному морю, покорить тюрингов и обложить данью саксов. Аламанны и бавары также были вынуждены признать гегемонию франкских властителей, сохранив при этом своих племенных вождей.

Исследователей давно мучит вопрос: почему именно Франкское государство, несмотря на все внутренние неурядицы VI–VII веков, оказалось гораздо более прочным, устойчивым (плюс – имеющим тенденцию к расширению своих границ), нежели все остальные «варварские» государства, постепенно исчезнувшие с карты Европы в течение этих же двух столетий? По-видимому, причины успеха франков коренились прежде всего в том, что, в отличие от других «варваров», они селились на первоначальных местах своего обитания компактными массами, в основном на пустующих землях, не растворяясь среди местного населения и не теряя прежних общинных порядков. Продвигаясь же в глубь Галлии, они не порывали связи со своей родиной (*Francia Antiqua*), откуда постоянно черпали материальные и людские ресурсы. При этом, в отличие от других «варваров», франки в процессе расселения не отбирали поместий у прежних собственников – для них хватало земель бывшего императорского фиска; естественно, подобная политика содействовала их постепенному слиянию с верхушкой галло-романского населения. Наконец, как уже отмечалось, после принятия христианства франкам оказывало поддержку духовенство, видя в них постоянную опору против «еретиков». Все это обеспечивало быстроту и сравнительную прочность франкских завоеваний. Но это же содействовало и противоположному процессу, проходившему параллельно.

Именно потому, что в ходе завоеваний и расселения по северной и средней Галлии франки ассимилировались местным населением (и тем в большей степени, чем дальше проникали в глубь страны), западные районы освоенной ими территории в этническом и социально-экономическом отношениях стали все больше розниться от ее восточных, исконных районов. Это выявилось в постепенном обособлении двух ветвей франкской народности. Смешиваясь с галло-романским населением, завоеватели образовали ту группу «западных франков», которая в источниках меровингской эпохи начинает противопоставляться «франкам восточным», сменив прежнее деление на «салических» и «рипуарских» франков. Равным образом это нашло отражение и в территориальных наименованиях. Источники четко выделяют область *Francia*, увеличившуюся по сравнению с *Francia Antiqua* и простирающуюся от средних течений Рейна и Майна до Луары и Ла-Манша, противопоставляя ее «Аквитании», «Бургундии» и другим областям, также входившим в состав Франкского государства (*Regnum Francorum*). Однако теперь эта «*Francia*» в свою очередь делится на два «королевства», соответствующих двум ветвям франкской народности – на «Австразию» (*Austrasia*) и

«Нейстрию» (Neustria). Эти названия говорят сами за себя: «Австразия» – «восточная страна» (ost reich), «Нейстрия» же – ее противоположность, «не восточная» (ne ost reich), т.е. «западная». Используя отдельные акты Меровингов, историки пытались установить границу между Австразией и Нейстрией. Но занятие это малопродуктивно по своей сути, поскольку такая граница вряд ли существовала как нечто постоянное и устойчивое; она была столь же неопределенной, как и этническое разграничение между восточными и западными франками. Самое большое, что можно сделать – указать ядро одного и другого королевства. Для Австразии это был район нижнего и среднего Рейна и Майна, для Нейстрии – бассейны Соммы и Сены.

Оба королевства, равно как Бургундия и Аквитания, силою обстоятельств ненадолго объединились в одних руках; это пришлось на царствования Хлотаря II (613–629) и Дагоберта I (629–639). Однако именно тогда началось возвышение тех, кому суждено было покончить с династией Меровингов – майордомов Франкского королевства.

Короли и майордомы

В царствование Дагоберта, казалось, вернулись времена Хлодвига. Король обуздал своеволие магнатов, возвратив часть расхищенных земель, значительно увеличил доходы казны и завел блестящий двор в Париже. Современники недаром прозвали деятельного Дагоберта «Соломоном франков». Он попытался, и не безуспешно, сыграть на Западе ту же роль, которую некогда играл Теодорих Остготский: вмешивался в интриги вестготов Испании и лангобардов Италии, договаривался с византийским императором о совместных действиях против славян, одновременно стараясь расширить пределы своего государства на юго-западе. Не меньшее внимание уделял «Соломон франков» и делам внутренним.

К этому времени общая структура государства, едва намеченная при Хлодвиге, окончательно сложилась. Она была нехитрой. Завоевания ускорили социальное расслоение франков, земельная собственность общины превращалась в частную, львиная доля которой сосредоточивалась в руках короля и знати. Король по-прежнему смотрел на государственную территорию как на свою вотчину: он делил ее, раздавал своим родственникам и сторонникам, вовсе не считаясь с интересом населения. В качестве преемника римского императора в Галлии он выступал как носитель высшей власти – законодательной, административной, судебной. Все эти функции Дагоберт осуществлял с помощью своих слуг – референдариев, стоявших во главе канцелярии, дворцовых графов, ведавших судебной процедурой, кубикюлариев, охранявших королевские сокровища, и маршалов – начальников конюшен. Главное место во дворце занимали сенешал (*senexscalcus* – «старший раб»), осуществлявший общий надзор, коннетабль (начальник маршалов) и майордом (*major domus* – «старший в доме»), управлявший королевскими поместьями и ведавший финансами. С течением времени последняя должность стала особенно многоплановой и престижной. Главным проводником королевской власти на местах был граф, сосредоточивавший в своих руках судебные, административные и военные функции. Рядом с графом находился епископ, причем епископальный округ – диоцез – обычно совпадал с округом административным (*pagus, civitas*). В целом правительственный аппарат был предельно прост, резко отличаясь от прежней римской бюрократии; но эта простота вскоре оказалась чревата для верховной власти весьма серьезной опасностью.

Первоначально Австразия, Нейстрия и Бургундия имели каждая свою администрацию, возглавляемую отдельным майордомом. Стремясь ослабить влияние знати, Дагоберт покончил с подобной практикой и установил одного майордома для всей страны. Подобной мерой он рассчитывал укрепить свое единовластие, однако это привело к противоположным результатам.

Дагоберт I был последним из Меровингов, умевших ограничить своеволие магнатов. После него началась эпоха «ленивых королей» (так назвал их современник). Строго говоря, они были не столько ленивыми, сколько недееспособными. Получая корону в младенческом возрасте, в 14–15 лет они уже становились отцами. С детства предаваясь различного рода излишества, преждевременно истощая себя физически и духовно, «ленивые короли» дольше 24–25 лет обычно не жили. Разумеется, государством управляли не эти слабосильные отроки, а те, кто устраивал их ранние браки и, умышленно потакая губительному образу жизни, до срока сводил юных монархов в могилу. В этих условиях и выдвинулся новый могущественный род майордомов: род, сумевший закрепить за собой этот важный титул и с его помощью подчинить прочих магнатов. То был род, получивший имя Пипинидов по имени своего основателя, Пипина Ланденского (или Старого), и еще в пору царствования Дагоберта соединившийся брачными узами с другим знатным родом, происходившим от епископа Мецкого Арнульфа и вследствие этого прозывавшимся Арнульфингами.

Пипиниды-Арнульфинги не сразу укрепились у власти. После майордома Пипина Старого и сына его Гримоальда, окончившего жизнь на плахе, им пришлось почти на четверть века отойти в тень и поджидать удобного случая. Во второй половине VII века такой случай представился. В 681 году один из потомков Пипина Ланденского, тоже Пипин, по прозвищу Геристальский, одержав блестящую победу над своими соперниками, вновь стал единым майордомом всех трех частей Франкского государства, окончательно отодвинув на задний план «ленивых королей» – Меровингов.

Победа Пипина II вовсе не означала, как думают некоторые историки, торжества германских элементов Австразии над романскими элементами Нейстрии. Нет, то была не более чем победа одного из могущественных аристократических родов франков над другими, подобными же родами, его мощный прорыв на пути к верховной власти. Пипин Геристальский был прадедом Карла Великого.

Майордомы и церковь

Большинство историков полагает, что название второй франкской династии «Каролинги» произошло от имени Карла Великого. Но с таким же успехом оно могло произойти и от имени другого Карла, его деда, сына Пипина Геристальского, тем более что прозвище «Мартелл» (Боевой Молот), которое он носил, традиция перебрасывает и на императора Карла. Так или иначе, но именно с Карла Мартелла начинается подлинное могущество Пипинидов, приведшее их к королевскому, а затем и императорскому трону.

Ничто в его юности не предвещало будущего взлета. Он даже не был законным наследником, происходя от наложницы Пипина. Но судьбе было угодно, чтобы оба легитимных потомка майордома умерли раньше отца; остались лишь внуки, от имени которых и попыталась управлять вдова Пипина Плектруда, предварительно упрятав Карла в темницу. Однако он бежал из тюрьмы, нашел приверженцев и вскоре заставил Плектруду отдать ему отцовские сокровища и власть. Не менее успешной была борьба Карла с другими магнатами. Лишив земель и суверенитета одних, заставив смириться других, он добился всеобщего признания в качестве единого майордома франков (814–841) и даже какое-то время обходился без «традиционного реквизита» – очередного «ленивого» короля-Меровинга. Одновременно, предприняв ряд внешних походов, Карл вернул государству утерянные области за Рейном и в Галлии. И наконец, он преградил дорогу на север исламу, выиграв у арабов, вторгшихся в Аквитанию, битву при Пуатье (732). Разумеется, для осуществления столь обширной программы одной личной энергии майордома-Молота оказалось бы недостаточно; нужны были ресурсы, и немалые. Откуда он их черпал?

Карл Мартелл явился пионером системы, которой предстояло стать основой общеевропейского строя, названного *феодализмом*. Он первый на Западе отважился прибегнуть к тому, что раньше просматривалось лишь sporadически и случайно: к постоянной практике *бенефициев*. «Бенефиции» (от лат. «bene» и «facio») дословно переводится как «благодаяние». Подобное «благодаяние», чаще всего в виде участка земли, давалось высшей властью свободному человеку за те или иные услуги; давалось не навечно, а как условное владение, на срок несения службы. По наследству бенефиции не передавался. Бенефиции Карла были *военными*: ими наделялись франки за несение исправной военной службы,

преимущественно конной. Каждый служилый человек должен был с доходов от полученного участка исправно содержать оружие и коня, дабы оказаться готовым по первому призыву майордома явиться в строй. Некоторые историки думают, что мысль о создании конной армии появилась у Мартелла после знакомства с арабской кавалерией; другие считают иначе. Но вряд ли можно отрицать, что именно он первый создал во Франкском государстве устойчивую боеспособную армию; недаром реформа была продолжена и расширена при сыне и внуке Карла.

Военная реформа имела важное социальное значение. Ведь земли давались бенефициариям не пустыми, а заселенными: на них сидели зависимые люди, превращавшиеся в крепостных крестьян. Таким образом, служилый человек получал и поместье, и работников, вследствие чего сам становился помещиком-рыцарем. Так в правление Карла Мартелла складывалось рыцарское сословие, которое майордом мог с успехом противопоставить (что он и делал) непокорным магнатам; отныне рыцарство станет постоянной опорой центральной власти в борьбе с крупными феодалами.

Но вот вопрос: откуда Карл черпал земли (а их нужно было много), чтобы нарезать достаточное количество бенефициев? Конечно, он мог бы использовать родовые владения Пипинидов-Арнульфingов. Но этого он делать не стал. Он помнил: «ленивые короли» превратились в прах именно потому, что в междоусобной борьбе растратили свои фамильные домены. Нет, в подобном положении мудрый майордом оказаться не желал и рисковать не собирался. Нужно было искать другой источник. И он был найден: им стали владения церкви.

Проблема, оказавшаяся деликатной, имела свою историю. С той поры, когда император Константин и его преемники стали насаждать христианство, новая церковь, превратившись из гонимой в господствующую, быстро трансформировалась в крупного землевладельца. Находясь в привилегированном положении, получая от центральной власти и частных лиц постоянные земельные дары, которые умело аккумулировались и из ее рук уже больше не уходили, католическая церковь на Западе завладела в период раннего средневековья почти третью обрабатываемых земель. Ее владения в отличие от доменов королей и магнатов обладали устойчивостью и стабильностью. И когда Карл замыслил свою реформу, сам Бог указал ему на источник.

Став на путь изъятия (секуляризации) части владений церкви, майордом подвел под это определенную теоретическую базу. Он исходил из того, что в прежние времена короли и майордомы жаловали монастырям и

епископствам земли не навечно, а лишь в пользование, которое могло быть прервано в случае государственной необходимости. И вот теперь такая необходимость якобы обнаружилась. В целях защиты и укрепления государства необходима армия, а для ее содержания необходимы фонды; церковь обязана их предоставить, поскольку именно она в первую очередь заинтересована в государственной защите. Так секуляризация церковных земель стала оборотной стороной бенефициальной программы.

Разумеется, она не могла вызвать энтузиазма у церковной элиты, и все объяснения властей оказались здесь бесполезными. До нас дошли потоки жалоб и проклятий в адрес Карла со стороны церковников разного ранга из многих областей. По-видимому, имели место и случаи неповиновения, поскольку правительство приступило к широкомасштабной смене церковного начальства. Однако стремясь подчеркнуть, что частичная секуляризация не имеет ничего общего с утеснением духовенства в целом, одновременно Карл принялся за внедрение авторитета христианской церкви во вновь присоединенных зарейнских областях. Так, завершив покорение Фризии, начатое еще Пипином Геристальским, он позаботился о расширении миссионерской деятельности в этой стране. Подобную же политику майордом проводил в Аламании, Тюрингии, Баварии и других германских землях, повсюду насаждая монастыри и упорядочивая структуру церковной иерархии. На этой стезе Карл имел деятельных помощников и агентов, из числа которых особенно выделялся англо-сакс Винифрид, привезший из поездки в Рим новое имя (в дальнейшем он будет именоваться Бонифацием) и благословение папы на христианизацию язычников-германцев. Бонифаций горячо взялся за дело, основав в Германии десятки новых монастырей и епископств (в числе последних – Вюрцбург, Эрфурт, Зальцбург, Регенсбург и Пассау). Новый апостол Германии постоянно подчеркивал роль майордома в насаждении столь пышной нивы. «Без покровительства правителя франков, – писал он, – я не мог бы ни руководить слугами церкви, ни защищать священников и верующих, без его приказа и страха, который он внушает, я не мог бы даже запретить языческие ритуалы и идолопоклонство».

Все это, даже если учесть теневую сторону бенефициальной политики Карла Мартелла, не могло не содействовать сближению Франкского государства с папским Римом. Но чтобы оценить по достоинству происшедшее и яснее представлять себе его будущность, необходимо еще раз вернуться к истокам.

Рим меняет ориентацию

Институт папства как главный центр управления западной христианской церкви складывался и укреплялся по мере разложения и распада породившей его Римской империи. Возник же он почти незаметно. Поначалу епископ города Рима был всего лишь одним из множества наставников и администраторов церковных округов. Конечно, поскольку Рим являлся исторической столицей империи, «Городом» с большой буквы, влияние римского епископа должно было превышать (и превышало) авторитет его собратьев. Но подлинное рождение папства как политико-юридической категории произошло лишь в середине бурного V века, в период понтификата Льва I, прозванного Великим (440–461). Этот прелат, популярный благодаря искусству, с которым он спас храмы и население Рима во время двухнедельного разграбления города вандалами (455), вдохновленный учением святого Августина о приоритетной роли церкви, попытался провести это учение в жизнь. Он вынудил императора Валентиниана III издать эдикт, провозгласивший «первенство апостольского престола, скрепленное заслугами святого Петра, достоинством Рима и соборными постановлениями, дабы никто не отважился на что-либо недозволенное, вопреки авторитету римской кафедры». Первым условием всеобщего мира признавалась вселенская власть папы. Он становился верховным судьей епископов, причем его приговор не нуждался в санкции императора, в то время как любое противостояние его воле объявлялось оскорблением веры и императорской власти, а главные органы центрального правительства превращались в проводников папской воли. Возникает, правда, вопрос, в какой мере действительность отвечала подобным теократическим предписаниям? Здесь все было непросто, и многое менялось в зависимости от конкретных жизненных обстоятельств. Во всяком случае между понтификатом Льва I, заложившего основы папской власти, и правлением Григория I (590–604), укрепившим и расширившим эти основы (за что его также называли «Великим»), лежал период в полтора столетия, пронизанный реваншистскими тенденциями со стороны верховной власти Константинополя. Император Юстиниан (527–565) сделал судорожную попытку реставрировать древнюю Римскую империю в ее прежних границах и с помощью своих талантливых полководцев добился частичной реализации этого замысла, отвоевав Италию у остготов, Северную Африку

у вандалов и южную Испанию у вестготов. И хотя при этом он объявил, что каноны имеют не меньшее значение, чем законы, и что «папа древнего Рима имеет первое место среди всех святителей», в действительности же, не желая терпеть соперника, властолюбивый император сделал все для того, чтобы превратить римского епископа в послушное орудие своей воли. Впрочем, этот своеобразный цезарепапизм оказался недолгим: духовные претензии Константинополя были столь же эфемерны, как и завоевания Юстиниана. В 568 году на севере Италии появились новые варвары – лангобарды, которые быстро продвинулись в глубь Апеннинского полуострова и к 573 году овладели всем им, за исключением области Равенны, где продолжал сидеть византийский наместник (экзарх), и Рима с соседними городами, остававшимися под властью папы. Новая ситуация неминуемо должна была сказаться на изменении позиции пап. Константинопольская империя переставала являться реальной силой, способной защитить римский престол. И хотя императоры сохраняли прежние претензии, что были у Юстиниана, в том числе и по отношению к Риму, действительными хозяевами Италии оказались ариане-лангобарды, с каждым днем становившиеся все более явственной угрозой для папства. В этих условиях архипастыри Рима неизбежно должны были сменить ориентиры. Нуждаясь в сильном защитнике, который одновременно оставался бы покорным сыном католической церкви, они все чаще стали обращать взоры с Востока на Запад, рассчитывая именно там найти могущественного покровителя, готового взять на свои плечи бремя Константина и Юстиниана, но в то же время достаточно далекого для того, чтобы пытаться реализовать опасные притязания на присвоенные этими императорами права. Подобным покровителем могло стать только Франкское государство, со времени Хлодвига ставшее католическим и в качестве такового усиливающееся и расширяющееся с каждым десятилетием. По-видимому, именно Григорий I наиболее полно проникся новыми идеями. Он уже вел деятельную переписку с франкскими королями, не останавливаясь перед неприкрытой лестью в их адрес. Так, в одном из его писем Хильдеберту II можно прочитать следующие слова: «... Насколько царское достоинство превосходит статус других людей, настолько величие Вашего царства превышает славу царств прочих народов. Ибо неудивительно быть королем, подобным другим королям, но пребывать истинным католиком, чего немногие достигают, – великое дело». Будучи, как и Лев I, верным учеником святого Августина, Григорий Великий добивался всемерного расширения своего авторитета, стремясь создать «Град Божий» на земле; и в этом его порыве франкским государям

отводилась не последняя роль. Впрочем, по мере изменения ситуации во Франкском государстве папы быстро переориентировались с «ленивых королей» – Меровингов на их новых хозяев – майордомов. Один из преемников Григория I, Григорий III, над которым нависла прямая угроза быть осажденным лангобардами в собственном городе, обратился за помощью к Карлу Мартеллу прямо и недвусмысленно, сопроводив свое слезное послание ценными подарками, в числе которых оказались (символический жест!) «ключи от гробницы святого Петра». Карл принял римское посольство с большими почестями, но ответил папе с вежливой сдержанностью: он не мог оказать Григорию помощь в борьбе с лангобардами, с которыми в то время находился в союзных отношениях. Реализации планов Рима было суждено осуществиться после смерти Карла, при его сыне и наследнике Пипине III.

С благословения папы...

Некоторые современные историки склонны полагать, что Пипина III, прозванного, как известно, за малый рост «Коротким», следовало бы вместо этого окрестить «Великим». Разумеется, такое утверждение (хотя об этом прямо не сказано) делается в ущерб знаменитому сыну Пипина – существование двух «Великих» подряд не годится, и возвеличивание одного рикошетом преуменьшает другого. Оправдано ли это исторически? Ответом на сей вопрос и послужит последующий рассказ. Пока же только заметим: думается, перед нами очередной из парадоксов, на которые столь щедро новейшая историография. Отнюдь не принижая дела Пипина, все же скажем, что в нем в лучшем случае можно видеть только предтечу, подготовившего почву для будущих всходов, тем более что первоначально Пипин действовал не единолично.

Незадолго до смерти (741) майордом Карл Мартелл передал старшему сыну Карломану Австрию с зарейнской Германией, младшему же Пипину – Нейстрию, Бургундию и Аквитанию.

При этом он не забыл и сына от наложницы Грифона, которого наделил землями, разбросанными в разных частях государства. Но Карломан и Пипин предпочли лишиться наследства побочного брата и бросили его в тюрьму. Это был опрометчивый шаг, поскольку, бежав из тюрьмы, Грифон стал центром притяжения всех антиправительственных мятежей. Ему немедленно оказали поддержку беспокойные магнаты, искавшие лишь повода для отделения от государства, в первую очередь герцоги Баварии, Аламании и Аквитании. Стремясь узаконить и укрепить свое положение, оба майордома извлекли из монастыря очередного «ленивого» Меровинга и провозгласили его королем под именем Хильдерика III (743). Затем они навели порядок в стране. Герцог Баварский подчинился, его аквитанский союзник бежал; что же касается Аламании, то, залитая кровью, она была разделена на два графства, отданные под управление правительственных чиновников.

Справившись со смутой, братья приступили к церковной реформе, начатой их отцом. Заметим, что в ее проведении Карломан участвовал в большей мере, чем Пипин, а душой предприятия оставался все тот же Бонифаций, тесно связанный с Римом. Реформа имела два основных аспекта: 1) упорядочение церковной иерархии с усилением ответственности и дисциплины всех категорий духовенства; 2) ликвидация

негативных для церкви последствий бенефициальной реформы Карла Мартелла. Что касается пункта второго, то он был разрешен довольно простым способом: земли, отнятые у церкви под бенефиции, продолжали оставаться в руках служилых людей, но за них пользователи обязывались платить регулярный оброк тем монастырям и епископствам, у которых земли были изъяты. С пунктом первым оказалось много сложнее; реформаторы натолкнулись на деятельное сопротивление местного духовенства, оскорбленного тем, что реформа пришла как бы со стороны. На соборы, которые созывал Бонифаций, съезжалось все меньше прелатов, и в конце концов сам реформатор вынужден был проститься со своей идеей и снова отправился во Фризию (754), где и нашел свой мученический конец. Еще раньше остыл к реформе Карломан, в 744 году отказавшийся от власти и ушедший в монастырь. Был ли этот поступок навязан ему со стороны? Или то была дань чрезмерной религиозности? Историки до сих пор не ответили на сей вопрос. Как бы то ни было, но именно с 744 года Пипин Короткий оказался единоличным правителем Франкского государства. Тогда-то он и приступил к реализации своего заветного замысла.

По существу Пипиниды давно уже были верховными властителями королевства. Их тяжелую руку ощущали на себе не только жители страны, но и ближайшие соседи. И римские папы, как мы видели, относились к этому с полным пониманием. Так, в упомянутом выше письме к Карлу Мартеллу Григорий III величает его «почти королем». Чтобы из «почти короля» превратиться в короля, нужно было сделать всего лишь шаг. И Пипин сделал его. Решив в компромиссном духе проблему бенефициев, он вернул симпатии духовенства, а усмирив непокорных магнатов, подготовил страну к спокойному восприятию своего демарша. Дело было за папой, которому надлежало выступить в роли верховного арбитра, и теперь можно было не сомневаться, на чьей он окажется стороне. Пипин отправил к папе Захарию послов, поставивших перед ним риторический вопрос: как относится святой отец «к королям, которые во Франции не имеют власти, и одобряет ли он подобное положение вещей?» Папа, разумеется, понял вопрос и дал на него не менее риторический ответ, заявив, что «лучше называть королем того, кто имеет власть, нежели того, кто ее не имеет». Но, в отличие от майордома, папа не ограничился риторикой. Вслед за этим он добавил прямо и недвусмысленно, что Пипин должен быть провозглашен королем, «дабы не нарушать существующего порядка». Какого порядка? Очевидно, речь идет о *провиденциальном* порядке: согласно формуле святого Августина, Бог, рассматривая мир людской как подготовительную

фазу к миру вечному, небесному, желал видеть в нем «Град Божий» на земле.

Заручившись высочайшей и столь серьезно аргументированной поддержкой, Пипин созвал в ноябре 751 года собрание в Суассоне и с согласия «всех франков» был провозглашен королем. Хильдерика тотчас возвратили в монастырь, откуда он был недавно извлечен, а галльские епископы торжественно помазали Пипина на царство.

Первый акт действия успешно закончился. Наступило время второго акта. Теперь Рим вполне мог рассчитывать, что полноценный король франков окажет ему ту военную помощь, от которой некогда уклонился «почти король». Новый папа Стефан II, сменивший Захария в 752 году, совершил поездку во Францию, где был торжественно принят Пипином, и в январе 752 года состоялись переговоры, в ходе которых король пообещал «вернуть» все захваченное лангобардами, а сверх того и Равеннский экзархат, ранее никогда не принадлежавший папе. В благодарность папа лично той же зимой совершил вторичное помазание на царство Пипина и его сыновей, присвоив им при этом титул «римских патрициев», иначе говоря, защитников римского престола.

Пипин сдержал свои обещания, хотя для этого после провала переговоров с королем лангобардов ему пришлось дважды водить войска в Италию (754 и 756). Результат был налицо: после второго похода уполномоченный Пипина смог положить на алтарь святого Петра дарственную и ключи от двадцати двух городов, отобранных у лангобардов. Так начал свое существование «патримоний святого Петра», так возникло светское государство пап. В его состав вошли область Рима («Римский дукат»), Равеннский экзархат и узкая полоса земли, соединяющая оба комплекса. Разумеется, свершившийся факт погрузил Византию в состояние шока. Но константинопольские императоры могли протестовать и возмущаться сколько угодно – изменить ситуацию они были бессильны. Полная переориентация Рима с Востока на Запад получила свое логическое завершение.

Что же касается короля Пипина, то оставшиеся годы своего царствования он провел в отвоевывании городов Септимании и в жестокой девятилетней войне в Аквитании, успешно завершившейся лишь в год его смерти (768).

Наследие отца и деда

Тот краткий очерк истории франков, который лег на предшествующие страницы, преследует лишь одну цель: показать, *что* получил Карл Великий в наследство от своих предшественников. Подводя общий итог, отбросив различного рода промежуточные звенья, видишь перед собой три главные фигуры, определившие ход истории V–VIII веков и подготовившие великое царствование, – Хлодвиг, Карл Мартелл и Пипин Короткий. Хлодвиг заложил первый камень в фундамент государства и церкви, Карл Мартелл наметил социальную основу нового общества, Пипин Короткий проложил путь к «Граду Божию». Впрочем, образ Хлодвига очень далек, его плотно заслоняют многочисленные междоусобия VI–VII веков, оставляя для потомства лишь некий символ. Зато дело майордома Карла и короля Пипина – прямое наследие, без правильной оценки которого время и дело другого Карла, прозванного Великим, никогда не могут быть понятыми до конца.

Известно, что в основе всей истории средневековья вплоть до XV века лежал феодализм. Эта социально-экономическая категория, являющаяся синонимом понятия «средние века» и выраженная в условном землевладении и системе вассалитета, полностью сложилась в IX–X веках, в годы Карла Великого и его преемников. Но понять и осмыслить ее абсолютно невозможно, сбросив со счетов бенефициальную реформу Карла Мартелла. Именно он заложил юридический фундамент всей системы, развившейся и укрепившейся затем повсюду на Западе. И еще одно важное для будущего дело совершил майордом Карл. Он остановил ислам в его устремлении на Европу. Мы лишь мельком упомянули о битве при Пуатье, но это была победа глобального масштаба, во многом определившая восточную политику Карла Великого. В целом дед Карла вполне заслужил свое прозвище «Молот» как символ боевого оружия, быстро и целенаправленно обрушивающегося на головы врагов. И разве можно простой случайностью объяснить тот упомянутый выше факт, что некоторые позднейшие хронисты называли Мартеллом и внука прославленного майордома?

Не меньше, чем дед, поработал для грядущего и отец; некоторые историки даже считают, что его вклад был много большим. Вряд ли, однако, стоит заниматься сравнениями подобного рода с весами в руках: каждый сделал свое. Представляется лишь, что некоторое разграничение

можно было бы провести не в количественном, а в качественном смысле. Карл Мартелл более трудился в плане *материальном*, закладывая социально-экономические основы; Пипину же был более свойствен *духовный* аспект в августиновском смысле. Конечно, речь идет только о нюансах, ибо, например, в принятии королевского титула в равной мере просматривалось как материальное, так и духовное; но нельзя не отметить, что в конце царствования Пипин опять принялся за прерванную было церковную реформу. Его активным помощником стал епископ Мецкий Хродеганг, сменивший на этом поприще Бонифация, и дело пошло довольно успешно. Таким образом, союз с Римом и франкским духовенством, увенчивающий принятие королевского титула и упорядочение церковно-административной проблемы, открывал широкую дорогу будущему – наследник Карла Мартелла и Пипина Короткого получал государство, в котором царил мир под эгидой закона и церкви.

И еще один факт, бросающий луч света в будущее, должен быть отмечен. Последний год жизни и царствования Пипина был ознаменован необычным явлением: прибытием посольства с мусульманского Востока от халифа Багдадского Аль-Мансура. К сожалению, подробности неизвестны. Но сам факт настораживает; он еще будет иметь последствия.

Глава вторая. На пути к Империи

Первые шаги

2 апреля 742 года у короля франков Пипина родился сын.

Впрочем, неизвестно, точно ли произошло это событие 2 апреля. Неизвестно также и место рождения ребенка. Известно лишь, что нарекли его – быть может, в честь воителя-деда – Карлом.

«...Поскольку о его рождении, детстве и даже отрочестве я ничего не нашел в книгах и в настоящее время нет никого, кто знал бы о том что-либо, я предпочитаю вовсе об этом не говорить...»

Так писал Эйнгард, современник и биограф Карла.

Но, видимо, искал он все же плохо, поскольку историку, живущему тысячу двести лет спустя, удастся к этому кое-что добавить.

Сохранились сведения, показывающие, что король Пипин рано начал приобщать своего старшего сына к государственным делам. Одиннадцатилетний Карл был послан встречать папу Стефана II. Мальчиком и юношей участвовал он в придворных совещаниях и генеральных сеймах. В 761 и 762 годах ему довелось сопровождать отца в аквитанских походах. Впрочем, во всех перечисленных случаях подлинная роль его для историка остается неясной; скорее всего, она была чисто пассивной. А шесть лет спустя, 24 сентября 768 года, успешно закончив войну в Аквитании, король Пипин скончался. Карлу тогда исполнилось 26 лет.

Несмотря на все политические амбиции и дипломатические хитрости, Пипину Короткому в своем представлении о государстве не удалось подняться над уровнем предшественников: подобно королям-Меровингам он смотрел на Франкское королевство как на свою частную собственность и незадолго до смерти разделил его, более или менее поровну, между двумя сыновьями. Карл получил часть, простирающуюся огромным полумесяцем от Аквитании до Тюрингии, вдоль морского побережья, среднего течения Рейна и Майна. Младшему, Карломану, досталась более компактная территория, заключенная внутри этого полумесяца, охватывающая бассейн Роны и верхние течения Луары, Сены, Мааса и Рейна.

9 октября того же года Карл в Нойоне, а Карломан в Суассоне были торжественно провозглашены королями франков. Однако между ними не

существовало ни любви, ни согласия, и их отношения практически сразу же приняли характер, угрожающий спокойствию государства. Враги не замедлили использовать ситуацию. В то время как на юге вновь подняли голову только что покоренные аквитанцы, дикие племена бриттов и саксов грозили вторжениями с запада и севера, а на юго-востоке складывалась мощная коалиция, ставившая под вопрос былой международный престиж Франкского государства. Главной фигурой на шахматной доске западно-европейской политики становился король лангобардов Дезидерий.

Пестрой и запутанной была политическая география Апеннинского полуострова в эти годы, разные политические интересы и претензии сталкивались на его территории. Северную и частично Среднюю Италию занимало сильное королевство лангобардов. В него вклинивались владения, утвержденные «дарением Пипина» за папами: извилистая фигура вдоль обоих побережий с городами Римом и Равенной. Южнее располагались два больших лангобардских герцогства – Сполето и Беневент; последнее по размерам и притязаниям мало отличалось от королевства. Наконец, самой южной оконечностью полуострова, а также рядом вкраплений на его западном побережье и островом Сицилией по-прежнему владели византийские императоры.

Король Дезидерий, располагавший огромными средствами и внушительной армией, давно мечтал о том, чтобы объединить всю Италию под своей властью. Он нарушил договор, некогда заключенный с Пипином, и всячески утеснял папу. Дезидерий пытался привязать к себе лангобардские герцогства юга и выдал одну из своих дочерей за могущественного герцога Беневентского. Вторую дочь он сосватал Тассилону, герцогу Баварскому. Это был весьма ловкий политический ход.

Со времени короля Пипина Бавария считалась страной, входившей в состав Франкского государства. Но если так полагали франкские монархи, то совсем иного мнения придерживался герцог Баварский. Хотя этот могущественный сеньор и давал неоднократно вассальную присягу Пипину, сам он смотрел на свои клятвы как на пустую формальность. В Баварии издавна были свои законы, свои генеральные сеймы и синоды, а документы, выходившие из герцогской канцелярии, датировались годами правления Тассилона. Окруженный в своей столице Регенсбурге блестящим двором, герцог управлял страной как независимый государь. Союз и матримониальное родство с лангобардским королем еще более укрепляли герцогскую власть: его сын Теодон, посланный в Рим, по требованию Дезидерия был крещен папой с церемониями, подобающими королю. Баваро-лангобардская коалиция не просто ослабляла Франкское

государство. Она угрожала его существованию.

Как реагировал на все это юный Карл? Просматривая события первых трех лет его царствования, нельзя отделаться от чувства недоумения. Кажется, он далеко не сразу сориентировался в общей политической обстановке. Почти все это время Карл скитался по своим многочисленным поместьям, охотился, отдыхал, давал вклады монастырям. Небезынтересно отметить, что будущий неутомимый воитель, позднее вдоль и поперек исколесивший Европу, более полугода подряд просидел в одном месте – на вилле в Валансьенне.

Впрочем, один самостоятельный поступок Карл в эти годы все же совершил, но то был, по существу, не более чем заключительный акт прошедшего царствования.

Хотя покорение Аквитании, стоившее Пипину таких колоссальных трудов, казалось законченным, кое-где огонь еще продолжал тлеть под пеплом, и достаточно было известия о смерти грозного завоевателя, чтобы в начале 769 года в западной части покоренной страны вновь вспыхнуло пламя освободительной борьбы, возглавленной местным вождем Гунальдом. Карл отреагировал немедленно. Симптоматично, однако, что поначалу он не рассчитывал на свои силы; он собирался привлечь к походу брата, и только после категорического отказа Карломана двинул армию в мятежную область. Подавление восстания оказалось неожиданно легким. Герцог Гасконский, на поддержку которого надеялся Гунальд, выдал его вместе с семьей Карлу, сам изъявив при этом покорность. Этим «Аквитанская война» и закончилась. Характерно, что во время этого похода Карл посетил многие аквитанские аббатства и храмы, стремясь наладить добрые отношения с местным духовенством. И не менее характерно, что перед своим возвращением король утвердил в Аквитании власть своих графов, не встретив ни малейшего сопротивления. Все это лишний раз доказывает, что юный государь отнюдь не вспахивал здесь целину, а лишь укреплял то, что было создано при его отце.

Нельзя, правда, забывать, что Карл был еще довольно молод и весьма неопытен. Привыкший ранее на все смотреть из-за спины сурового отца, теперь он всецело поддался влиянию матери. Вдовствующая королева Бертрада была женщиной властной и честолюбивой. При жизни Пипина она длительное время находилась с ним в серьезной размолвке, что едва не стало причиной развода супругов. Теперь она стремилась взять реванш.

Прежде всего королева постаралась примирить сыновей. Затем, летом 770 года, она предприняла путешествие в Италию, побывав по дороге и в Баварии. Она виделась с Тассилоном, получила благословение папы и вела

длительные переговоры с Дезидерием. В результате Бертрада возвращалась во Франкское государство, везя с собой младшую дочь лангобардского короля Дезидерату. Несмотря на то, что Карл был уже женат и даже имел сына, мать заставила его отвергнуть свою супругу Гимильтроду и жениться на Дезидерате. Свадьба была торжественно отпразднована в Майнце на Рождество 770 года.

Чего же добивалась вдовствующая королева? В первую очередь – укрепления своей власти. Она стремилась поднять свой авторитет за счет всеобщего умиротворения. Бертрада мечтала объединить братьев, установить добрососедские отношения с Тассилоном, ликвидировать соперничество между папой и Дезидерием в Италии и сделать последнюю постоянной союзницей Франкского государства. Одним словом, установить мифический «*Rex Romana et rex Christi*»^[1] на Западе. Потребовалось менее года, чтобы эта хитроумная политика оказалась перед лицом полного краха.

Дезидерий сориентировался мгновенно. Видя, что с севера отныне ему никто не угрожает, он резко усилил натиск на папу и стал отбирать у него область за область. Стефан III вначале забрасывал письмами обоих франкских государей, рассчитывая, что те, по примеру своего отца, придут на помощь Риму. Когда же стало ясно, что этого ему не дожидаться, папа отдался на милость Дезидерия. Франкская держава теряла свои позиции в Италии. Между тем Карломан направил своих уполномоченных к папе. Он решил вести самостоятельную игру, а заодно... Заодно подставить ножку старшему брату...

Умиротворение не удалось.

И тут что-то произошло вдруг с Карлом. Точно пелена спала с его глаз. Он понял, какую совершил ошибку, поддавшись уговорам Бертрады и слушая по ее подсказке лживые заверения Дезидерия. Уж если Стефан III изменил традиционному союзу с франками и стал петь осанну Лангобарду, то не было ли здесь доли вины и его, Карла, пренебрегшего прежними папскими предостережениями и пошедшего на брак с дочерью общего врага? Для раздумий времени не оставалось. И решение короля оказалось безоговорочным и радикальным. Словно тугая пружина, мгновенно распрямившись, выбросила запас его неизбывной энергии. Нерешительность покинула его, уступив место быстрым и целенаправленным действиям.

Он неожиданно, одним рывком, вышел из-под опеки матери, что нашло свое выражение во внезапном, без объявления причины, разводе с Дезидератой. Отвергнутая жена была немедленно отправлена в Италию, к отцу.

Подобный шаг мог означать лишь преддверие войны. Карломан так и понял это. Он занял угрожающую позицию.

Но тут, прежде чем Карл ответил, вмешалось Провидение: 4 декабря 771 года Карломан неожиданно скончался. Карл тотчас же наложил руку на его наследство и стал единоличным королем франков.

Оставалось собрать армию.

После трех лет неустойчивого равновесия снежный ком сорвался с кручи. Дорога завоеваний открылась.

Войны короля Карла

772 год начинает эпоху великих войн. С этого момента мы отыщем в хронике царствования короля Карла не более чем два-три «мирных» года. Остальное время будет заполнено походами, вторжениями, осадами... Каждая весна (обычно май) – военный сбор вблизи места запланированных операций. Затем два-три месяца (а иногда и больше) непрерывных схваток с врагом: либо завоевание новых территорий, либо отвоевание ранее завоеванных, либо усмирение мятежей непокорных. После этого зачастую еще один поход, вызванный какими-либо незапланированными событиями. Потом роспуск армии до следующего года и отдых в одной из королевских вилл; здесь празднуются великие христианские праздники – Рождество и Пасха; затем – подготовка к новому сезону военных действий.

Был ли у завоевателя какой-то долгосрочный продуманный план, как, скажем, у Александра Македонского? В этом можно усомниться. Создается впечатление, что каждый раз очередную акцию диктовали сиюминутные причины. И план, и система, впрочем, будут, но появятся они много позже – об этом речь впереди. Пока же войны следовали одна за другой по воле обстоятельств, и очень часто широко задуманная операция на одном фронте внезапно прерывалась из-за угрозы на другом: наступление в Саксонии останавливалось вследствие необходимости срочно перебросить войска в Италию, удачно начатый поход в Испанию не завершился из-за восстания саксов. Все это создает иногда ощущение какого-то хаоса, беспорядка, который военный гений Карла всегда, однако, умел распутать и свести к требуемым результатам. Он был непревзойденным стратегом, подлинным богом войны. И когда его биограф с восторгом заявляет о том, что достаточно было появиться Карлу, и война завершалась победой, то, несмотря на некоторое преувеличение, общий тон им схвачен верно.

Непрерывные войны требовали колоссальных и своевременно подобранных людских ресурсов. Чтобы удерживать завоевания, нужны были сильные гарнизоны. Карл, продолжая традиции отца и деда, практиковал смешанную систему набора. С одной стороны, он широко использовал и расширял военную реформу Карла Мартелла, создавая устойчивое ядро армии – «служилых людей», бенефициариев. За регулярную службу этим воинам, как и прежде, давались бенефиции – земельные пожалования из государственных фондов (что, кстати говоря, требовало постоянного увеличения этих фондов). Вместе с тем король не

пренебрегал и старинной системой призыва, сохранившейся от времен Меровингов. Каждый год он посылал приказы епископам, графам и крупным землевладельцам тех или иных областей, предписывая явиться в назначенное время на место сбора, имея с собой всех своих «людей», конных и пеших, вооруженных и обмундированных. За опоздание налагался высокий штраф, за уклонение – более суровая кара. Всеобщие призывы, губительно отражавшиеся на хозяйстве страны, были редки. Как правило, призывалось население тех областей, которые граничили с районами военных действий. Участие в войне обходилось воину очень дорого, поскольку он должен был снаряжаться за свой счет, а в то время конь, латы, щит, копье, меч и прочие походные атрибуты в сумме равнялись стоимости двадцати коров. Подобные расходы могли нести только держатели крупных бенефициев. Что же касается прочих, то устанавливались правила, согласно которым пять-шесть свободных людей объединялись, чтобы обмундировать и вооружить одного.

Описанная система, конечно же, корректировалась временем. Но к началу войн Карла Великого, стараниями его предшественников и помощников, она в основном была создана, и к ней завоеватель мог успешно прибегнуть уже в первом своем походе против лангобардов.

Италия

Лангобардский король был вне себя от гнева. Оскорбление, которое нанес ему Карл, казалось беспрецедентным. Надлежало принять ответные меры.

Прежде всего Дезидерий свел счеты со сторонниками франков среди своих. Начались репрессии, конфискации, изгнания. Затем был предпринят демонстративный шаг. После смерти Карломана его жена и дети бежали из Франкского государства. Они нашли приют у Дезидерия. Оказывая им всяческое покровительство, Лангобард потребовал, чтобы папа помазал на царство сыновей Карломана, как законных наследников своего отца.

Но здесь Дезидерий просчитался. В феврале 772 года Стефана III сменил на папском престоле Адриан I. Знатного рода, образованный, прошедший все ступени церковной иерархии, авторитарный и сильный характером, он был не чета своему предшественнику. На первоначальные заигрывания Дезидерия Адриан отвечал сдержанно, требуя гарантий. Гарантий Лангобард не дал, но принялся опустошать папские владения, рассчитывая взять упрямец измором. Папа призвал на защиту тосканцев, забаррикадировался в Риме и отправил срочную эстафету к франкскому королю, умоляя прийти его на помощь «Святой Римской церкви».

Карл не заставил себя ждать. В марте 773 года он принимал папского посла, а уже в июне начал готовить войска к далекому походу.

Чтобы успокоить пролангобардскую группировку, все еще достаточно влиятельную среди франкской знати, король дважды обратился к своему противнику с мирными предложениями, заранее зная, что Дезидерий их отвергнет. И, в самом деле, тот отказался вести переговоры. Тогда сильная франкская армия направилась к Альпам. Лангобарды закрыли и укрепили перевалы. Карл решился на обходный маневр. По тайным тропинкам бесстрашный франкский отряд подобрался к врагу с тыла. Опасаясь окружения, Дезидерий покинул перевалы и отступил к своей столице Павии, рассчитывая отсидеться за ее толстыми стенами. Франки с боем преследовали врага, по пути овладевая многочисленными городами Ломбардской равнины. Понимая, что Павия – превосходная крепость и осада ее может затянуться на многие месяцы, Карл, оставив часть своей армии у вражеской столицы, в феврале 774 года с основными силами направился к Вероне, второй по значению крепости страны. Верона сопротивлялась недолго. Взяв город, Карл овладел находившейся там

семьей Карломана, но упустил Адальгиза, сына Дезидерия, руководившего обороной. Адальгиз бежал в Константинополь, ожидая удобного случая для мести.

Победитель подошел к Риму. «Вечный город» с нетерпением ждал его как спасителя. В Страстную субботу, 2 апреля, Адриан I устроил Карлу торжественную встречу, выслав к воротам Рима толпы ремесленников с хоругвями и детей с пальмовыми ветвями. Сойдя с коня, король прошел пешком к храму святого Петра, где его уже ждал папа. Демонстрируя свою глубокую веру, Карл облобызал все ступени лестницы, ведущей к храму, и, взяв Адриана за руку, вошел вместе с ним в базилику под громкое пение церковного хора. В Риме король отпраздновал Пасху, обошел все христианские святыни и в заключение оформил новую дарственную грамоту, намного увеличившую «дарение Пипина».

Теоретически Адриан должен был получить всю Италию к югу от линии городов Луны, Берчето, Пармы, Падуи и Венеции. Но это носило чисто номинальный характер, не только потому, что «даритель» и сам еще не владел большей частью «подаренного», но и потому, что, демонстрируя перед Дезидерием и его соратниками свою щедрость, в будущем он не собирался ей безоглядно следовать. Понял ли это папа? Если и понял, то не подал виду: он хотел верить желаемому, да и оформлено все было наилучшим образом. Грамоту скрепили своими подписями все епископы, аббаты, герцоги и графы из свиты. Приказав составить две копии, одну из них Карл собственноручно вложил в Евангелие, находившееся рядом с мощами святого Петра, другую увез с собой. Затем король и армия вернулись к осажденной Павии.

Столица лангобардов все еще держалась. Но жители ее были истомлены голодом и лишениями, а многие представители знати не сочувствовали планам своего короля. В начале июня Дезидерий понял, что игра проиграна. Вместе со всей семьей он вышел из города, чтобы подчиниться Карлу. Победитель, сопровождаемый новой королевой Гильдегардой, под звуки победных гимнов вошел в Павию и завладел королевским дворцом, сокровища которого были розданы солдатам. К своему титулу «король франков» он добавил отныне «и лангобардов», а также словосочетание «римский патриций». Дезидерий и его жена были торжественно доставлены во Францию. Здесь их заставили принять постриг и заточили в монастырь. Что случилось с семьей Карломана – неизвестно.

Победа, одержанная в 774 году, была лишь началом. Италия не сразу покорилась завоевателю. Едва он покинул страну, как герцоги Фриуля и

Сполето, подстрекаемые Адальгизом, устроили заговор. Рассчитывая на поддержку византийского флота, они думали овладеть Римом и восстановить владычество лангобардов. Папа Адриан немедленно отписал Карлу, уведомляя об опасности. Но прошел год, прежде чем Карл, занятый в Саксонии, смог принять меры. Наконец, в 776 году он перешел Альпы и, не заходя в Рим, быстро расстроил планы заговорщиков: Адальгиз снова бежал, герцог Фриуля был убит, мятежные города подчинились. Однако Карл не строил на сей счет иллюзий. Он тщательно продумывал меры к укреплению своего владычества в Италии и уже составил определенный план.

Кое-как замилив Саксонию, король повернул на юг. В конце 780 года он прибыл в Павию, где встретил Рождество и провел зиму, а весной оказался в Вечном городе, где Адриан принял его с обычными почестями. В Пасхальное воскресенье 17 апреля 781 года папа по просьбе Карла крестил его четырехлетнего сына, дав ему имя Пипин, и возложил на голову ребенка корону, после чего отец громогласно объявил о своем желании доверить новому королю управление Италией.

Начиная с этого момента, Пипин, официально названный «королем лангобардов», стал царствовать «Божией милостью» в древнем государстве Дезидерия. Разумеется, за него управляли советники, поставленные отцом. Но внешне все выглядело достаточно импозантно. Новый король имел двор, с которым проживал то в Павии, то в Вероне, ежегодно созывал сейм и издавал указы, причем старые законы лангобардов были сохранены, и к ним выказывалось всяческое уважение. Во Фриуле и Сполето были поставлены герцоги, в остальных областях – графы, и хотя главные государственные должности исполнялись франками, кое-что было оставлено и местной знати. Эта «мягкая манера» управления имела своей целью успокоить пролангобардские страсти, подлинным же властителем страны оставался Карл, без согласия которого не могло быть принято ни одно важное решение.

Но успокоить страсти было не так-то просто. Если в Северной и Средней Италии дела казались в порядке, то на юге страны обстановка складывалась далеко не столь блестяще.

Арихиз, герцог Беневентский, тайный участник заговора^[2] 774–776 годов, готовился стать достойным преемником Дезидерия, тем более что его супруга Аталберга являлась дочерью низложенного короля. Герцогу нельзя было отказать ни в знатности рода, ни в образованности, ни в храбрости; сгубило же его чрезмерное честолюбие. Неудовлетворенный своим титулом, он собирался примерить королевскую корону, а поскольку в

Италии уже было два короля – Карл и Пипин, то третий, опирающийся к тому же на поддержку Византии, становился просто ни к чему.

Исходя из этого, франкский властитель, которого обо всем прилежно информировал папа, сам страдавший от интриг и захватов беспокойного герцога, вновь очутился в Италии. В самом начале 787 года он был уже в Риме, где после обсуждения проблемы с Адрианом принял решение подчинить своей власти «остатки королевства Дезидерия», как он назвал владения Арихиза.

Герцог, не получивший ни от кого своевременной поддержки, был вынужден умерить пыл. Он отправил в Рим к Карлу своего старшего сына Ромуальда с богатыми дарами, заверениями в покорности и просьбой не вторгаться в его владения. Подарки и заложника король принял, но просьбы не выполнил: во главе своей армии он перешел границу и прибыл в Капую. Арихиз счел за лучшее отступить к Салерно и оттуда отправил к Карлу своего второго сына Гримоальда с двенадцатью знатными лангобардами, обещая полное повиновение, лишь бы король не опустошал его территорию и не требовал личной явки. Карл милостиво согласился, отпустил в Беневент Ромуальда и отправил с ним своих уполномоченных для принятия присяги от Арихиза и его народа. Присяга была дана. Сверх того Арихиз обязался платить ежегодную дань в размере 7000 солидов^[3]. Удовлетворенный этим, франкский монарх возвратился в Рим, где отпраздновал Пасху, а затем, ведя за собой заложников, покинул Италию.

Однако не успел он еще перейти Альпы, как коварный беневентец нарушил все свои клятвы, заключил союз с византийским правительством и получил от него в подарок Неаполь; взамен он должен был носить греческий костюм и отправить Ромуальда заложником в Константинополь. Одновременно долго поджидавший подходящего случая Адальгиз направился с армией к Тревизо и Равенне с целью подчинить север страны. Все завоевания Карла в Италии ставились под угрозу. Но судьба распорядилась иначе: 26 августа 787 года Арихиз неожиданно умер, причем за месяц до этого скончался Ромуальд...

Карл почувствовал себя хозяином положения: византийско-беневентский сговор провалился, а новый герцог, Гримоальд, был у него в руках. Но враги не желали примириться со своей неудачей. Адальгиз, уже высадившийся в Калабрии, вступил в контакт с Атальбергой, вдовой Арихиза, и начал наступление на папские владения. В ужасе Адриан, посылавший почти ежедневные эстафеты Карлу, советовал ему и дальше удерживать нового беневентского герцога, а будущей весной явиться в Италию с большой армией. Более хладнокровный, чем папа, Карл не сделал

ни того, ни другого. Поглощенный иными заботами, он не захотел снова идти в Италию, а Гримоальда решил отпустить, взяв с него страшную клятву и заставив сбрить бороду (на франкский манер – в знак повиновения!).

И время показало, что он не ошибся. Когда началась война с Византией – а греческое правительство не могло без боя уступить своих позиций в Италии, – Гримоальд поддержал франкскую армию, и византийцы потерпели полное поражение: четыре тысячи их было убито и тысяча взята в плен. Это был триумф Карла. На волне победы он реализовал свой старый замысел и овладел Истрией.

Итальянская эпопея была завершена.

Что же касается папы, то ему пришлось испытать горечь разочарования. Было бы наивно думать, что суверен, столь ревнивый в отношении своей власти в Италии, станет отдавать обещанное папе в 774 году. Тщетно Адриан взывал к нему в своих многочисленных посланиях, тщетно пытался опереться на «Константинов дар». Новый властитель, нуждаясь в «своих людях» в Италии, иначе говоря, в верных вассалах, похозяйски раздавал им «свободные» земли, в том числе и «подаренные» папе; протесты последнего оставались без ответов.

В конце концов Карл ограничился незначительной подачкой. В 782 году им была передана папе крошечная область Сабина; во время своего пребывания в Риме в 787 году он пообещал область, пограничную с Беневентом, а также часть Тусции (Тосканы) с городами Соаной, Витербо, Популонией и др. Однако из обещанного в Тоскане папа получил лишь часть, а в Беневенте не получил ничего.

Таким образом, вопреки всем своим многолетним надеждам римскому архипастырю пришлось просто сменить хозяина: теперь вместо константинопольского императора здесь господствовал «римский патриций» – король франков.

Впрочем, Карл продолжал неуклонно поддерживать римский престол, зорко стоял на страже веры и оказывал постоянные знаки почтения и дружелюбия ее главе, который, в свою очередь, поддерживал все планы и действия своего нового властителя.

Бавария

Неожиданно быстрый разгром Дезидерия поставил его союзника, герцога Баварского Тассилона, в весьма двусмысленное положение. Баваро-лангобардская коалиция перестала существовать. Теперь приходилось полагаться лишь на собственные силы.

В течение ряда лет баварский герцог ведет довольно хитрую политику. С одной стороны, он старается ничем не раздражать своего сюзерена, победоносного Карла. Тассилон ловко прибегает к посредничеству папы и возобновляет присягу, данную некогда королю Пипину. Но одновременно он нащупывает точку опоры на случай срыва мирных отношений. Его жена Лиутберга, дочь низвергнутого Дезидерия, плетет сеть интриг, горя желанием отомстить за отца. Тассилон вступает в сговор с врагами Карла в Южной Италии и тайно договаривается о совместных действиях с дикими кочевниками-аварами.

Карл догадывается о многом, однако занятый всецело другими делами, до поры до времени делает вид, будто ему ничего не известно. Но вот в 787 году, временно развязав себе руки в Италии и Саксонии, он вдруг «вспоминает» о неверном вассале. Тассилон попытался сделать ловкий тактический ход. В то время когда король праздновал в Риме Пасху (8 апреля), туда прибыли два высших прелата из Баварии. Они обратились к папе с просьбой стать посредником между их герцогом и Карлом. Адриан охотно согласился. Карл, в свою очередь, был готов к миру при условии, что доверенные Тассилона подтвердят прежние договоренности и подпишут соответствующий документ. Но послы вдруг заявили, что не уполномочены делать подобное и тотчас покинули Рим. Тогда разгневанный Адриан предал Тассилона анафеме и благословил короля на войну против неверного вассала. Вполне удовлетворенный этим, Карл, однако, с войной не спешил. Созвав в июле того же года генеральный сейм в Вормсе, он требует от баварского герцога немедленной личной явки. Тассилон уклоняется. Тогда король, «дух которого не был способен снести подобную дерзость», со всех сторон окружает Баварию войсками. И тут выясняется, что положение могущественного герцога вовсе не так прочно, как могло показаться. Одни из его вассалов сразу же принимают сторону франкского короля, другие – пребывают в нерешительности. Тассилон, понимая безвыходность положения, является к Карлу с богатыми дарами и еще раз дает клятву верности. Впрочем, теперь это уже не может спасти

герцога – участь его решена: теперь король точно знает все то, о чем раньше только догадывался.

В следующем году суровый властитель вызывает Тассилона на генеральный сейм, созванный специально ради этой цели в Ингельгейме. И здесь обвиненный собственными вассалами, после тяжелого допроса, Тассилон признается во всем, что ему инкриминируют. Да, он в компании со своей женой вел непрерывные интриги против Карла; да, он сговаривался о совместных действиях со всеми врагами Франкского государства; да, он не собирался выполнять свои клятвы и втайне готовился перебить всех сторонников Карла в своей стране... Такие признания не могли привести ни к чему иному, кроме смерти; и действительно, франки единодушно приговорили мятежного герцога к смертной казни. Карл, не желая омрачать победу кровью своего кузена, смягчил приговор, заменив смерть пострижением. Тассилон, как ранее его союзник Дезидерий, навечно заточен в монастырь. Эту же участь суждено претерпеть его жене и детям.

Итак, непокорная Бавария раздавлена. Король упраздняет навечно герцогскую власть в ней и передает ее в управление своим графам. Вместе с Баварией к Франкскому государству отходят и ранее присоединенные Тассилоном южно-славянские области – Каринтия и Крайна.

Однако, надо думать, что все здесь обошлось не так уж легко и просто. Страна, привыкшая почти четверть века оставаться фактически самостоятельной, вряд ли без сопротивления покорилась завоевателю. Есть сведения, что, прежде чем предпринять полную оккупацию Баварии, Карл выслал оттуда многих представителей знати, державших сторону герцога. Кроме того, иначе чем возникшими трудностями вряд ли можно объяснить некий инцидент, происшедший шесть лет спустя после подчинения Баварии.

В июне 794 года, во время генерального сейма, проходившего во Франкфурте, Тассилон был на короткое время извлечен из монастыря и доставлен в этот город. Здесь франкский король заставил несчастного монаха не только снова публично каяться и вымаливать прощение, но и торжественно отказаться от каких-либо претензий на власть (как будто это уже не было сделано ранее!). Сей спектакль, определенно, проводился с целью укрепления позиций Карла в Баварии.

Только покончив со всем этим, король смог бросить освободившиеся силы на окончание войны с саксами – самой продолжительной и жестокой из всех войн, которые ему довелось вести.

Саксы

Племена саксов населяли обширную территорию между Рейном в его нижнем течении и Эльбой. Болотистая почва, покрытая лесными массивами, обилие рек и отсутствие дорог делали их землю труднодоступной для противника. Саксы не знали государственной власти, хотя у них быстро шел процесс разложения родового строя и появились отдельные социальные группы. Таких групп источники насчитывают всего три. Верхушку общества составляли эделинги, или благородные, – родовая знать; затем шла основная масса свободного населения – фрилинги; ниже всех стояли литы, или рабы. В этническом отношении саксы также были неоднородны, распадаясь на четыре племени или племенных союза. На западе, до устья Везера, обитали вестфалы – ближайšie соседи франков; в центре страны, охватывая бассейн Везера и Гарц, жили племена, имевшие общее имя анграриев или энгернов; к востоку от них, вплоть до Эльбы, тянулись земли остфалов; наконец, самую северную часть Саксонии, от устья Эльбы до Эйдера, занимали нордальбинги.

Саксы были язычниками. Они почитали лесные деревья, рощи, источники. Есть сведения, что в число их обычаев входило и принесение человеческих жертв.

Предшественники Карла не раз вступали в столкновения с саксами. Но все попытки утвердиться в пограничных саксонских областях не имели успеха. Саксы сбрасывали силой навязанную власть завоевателей и сами вторгались на их территорию.

Первый раз Карл ступил на саксонскую землю в 772 году. Есть основания думать, что это был ответ на предшествующее вторжение вестфалов. Начиная с этого момента и вплоть до 804 года, с кратковременными передышками, тянулась изнурительная и упорная война. Почти ежегодно прочесывали франкские отряды вражеские леса и болота, разоряли поселения и капища, брали многочисленных заложников и оставляли в наспех построенных крепостях сильные гарнизоны. Но едва лишь Карл или его военачальники покидали Саксонию, все прошлогодние успехи сводились на нет, и нужно было все начинать заново. В непримиримости саксов, так поражающей завоевателей, проявлялся дух общенародной борьбы за свободу и веру: для большинства завоевание становилось как бы символом закрепощения и религиозного гнета.

Поначалу же ничто не предвещало подобных осложнений. Первый

поход Карла в Саксонию, казалось, не представлял ничего экстраординарного: он не отличался от прежних вторжений Пипина Короткого, последнее из которых имело место 15 лет назад. Франки нанесли «короткий», но ощутимый удар: разрушили вражескую крепость Эресбург, низвергли языческую святыню – идола Ирминсула и взяли заложников. И дальше вроде бы не произошло ничего необычного: год спустя саксы, как и в былые времена, нарушили границу и безуспешно попытались сжечь церковь во Фрицларе. Карл, занятый в то время итальянскими делами, отправил в Саксонию небольшую команду карателей, а затем появился и сам во главе значительной армии. Поход 775 года отличался от предыдущих лишь тем, что король углубился во вражескую территорию далее, чем обычно, достигнув земли остфалов и дойдя до реки Оккера. Как всегда, он взял заложников и на обратном пути наказал анграриев, попытавшихся уничтожить оставленный у Везера отряд. Однако на этот раз перед уходом с вражеской земли король оставил сильные гарнизоны в Эресбурге и Сигибурге. Предосторожность оказалась не лишней, поскольку следующей весной саксы осадили обе крепости, и первая из них пала под их ударами.

Теперь Карл меняет тактику. По-видимому, не помышляя еще о *полном* завоевании Саксонии, он стремится создать укрепленный рубеж – обычную пограничную «марку», предохранявшую от вражеских вторжений в будущем. В 776 году он снова укрепляет Эресбург и Сигибург, добавив к ним вновь построенную третью крепость – Карлсбург. И еще одно «новшество» характерно для этого похода. Король оставляет в пограничной зоне священников, которым надлежит обратить в веру Христову тех из числа язычников, что окажутся под рукой. Казалось, после этого должно было наступить умиротворение. По сообщению летописи, несколько месяцев спустя в лагерь короля под Падерборном стали массами являться местные жители, являя покорность и получая крещение водой. «Из всех мест страны, – замечает официальный летописец, – собирались саксы за исключением Видукинда и небольшого числа других мятежников...»

Видукинд... Здесь впервые появляется это имя, стоившее в дальнейшем Карлу столько крови. Лидер вестфальской знати, Видукинд станет отныне душой сопротивления свободолюбивого народа. Но этого пока никто не знает. Король празднует победу – граница укреплена, непокорные смирились, христианизация успешно началась. Придворные поэты прославляют окончание войны...

Глубочайшее разочарование ждало «миротворца» уже в 778 году. Возвращаясь из Испании, Карл получил в Оксере удручающую весть:

саксы-вестфалы, объединившись вокруг Видукинда, забыв свои клятвы и показное обращение, снова начали войну. Перейдя границу у Рейна, они поднялись по правому берегу этой реки до Коблеца, все выжигая и грабя на своем пути, а затем, нагруженные богатой добычей, почти беспрепятственно^[4] возвратились восвояси.

По-видимому, именно в это время и в связи с описанными событиями в сознании Карла завершился перелом: на смену прежнему тактическому маневрированию пришел общий стратегический план, сводившийся к целостному покорению Саксонии. К походам ближайших лет он готовился очень тщательно, причем поход 780 года в отличие от предыдущего даже не был вызван каким-либо очередным демаршем со стороны саксов. Теперь армия завоевателя продвинулась до самой Эльбы – границы между саксами и славянами; так далеко на северо-восток франки еще никогда не заходили. Но главное было даже не в этой демонстрации военной силы. Король вел за собой целую армию священнослужителей, имея в виду христианизировать всю Саксонию. Его главным помощником на этой стезе стал англо-сакс Виллегад, доктор богословия, приступивший к активному насаждению новой веры. Мало того, в 782 году Карл разделил еще не завоеванную Саксонию на административные округа, во главе которых поставил графов, в том числе из местной знати – лиц, зарекомендовавших себя послушными и верными. Христианизация и подведение под франкскую административную систему – не это ли главные признаки включения данного народа в состав государства? Во всяком случае король настолько уверовал в свою полную и окончательную победу, что даже стал считать саксов «своими»: когда в том же году до него дошли сведения, что в пограничные земли Саксонии и Тюрингии вторглись славяне-сорбы, он отправил для их наказания войско под началом троих придворных, причем в состав его наряду с франками входили и саксы...

Горьким было пробуждение. Великий стратег здесь явно просчитался. Он не понял души саксонского народа, не учел его страстной приверженности к свободе и верованиям предков. 782 год стал роковым для уже осуществившегося, казалось бы, плана Карла. Тайно прибывший из своего убежища в Дании Видукинд собрал единомышленников – и ими оказалась почти вся поработанная страна. Вспыхнуло восстание, разрушившее мгновенно все достижения завоевателей. Саксы, принявшие новую веру, подверглись избиению. Храмы были разрушены. Виллегад и его соратники – вынуждены бежать. Языческая реакция вспыхнула и в соседней Фризии, откуда едва спасся бегством Лиутгер, преемник Бонифация. Между тем сановники Карла, посланные для наказания сербов,

приблизились к Везеру, и здесь, у горы Зунталь, повстанцы дали им сражение, превратившееся в побоище: в битве пали два полководца, четыре графа, двадцать представителей знати и множество рядовых воинов...

Подобного разгрома Карлу испытывать еще не приходилось. Казалось, все плоды его многолетних ратных трудов и хитроумных замыслов уничтожены. О власти над Саксонией нечего больше и помышлять.

Но не таков был неутомимый воитель, чтобы спасовать даже при самой тяжелой неудаче. Напротив, Карл, как обычно, собрал в кулак свою волю, ясно понимая, что его личный престиж, а может быть, и судьба всего дела зависят от быстроты и решительности, с которой он отметит за свой позор.

Месть его была страшной и осталась в истории как некий уникальный пример беспощадности. Несмотря на неподходящее время года, он немедленно собрал армию, тут же появился у нижнего течения Везера, в месте, называемом Верденом, и оттуда вызвал к себе саксонских старейшин, которые должны были выдать виновников «мятежа». Главный виновник – Видукинд – успел бежать обратно в Данию и был недосыгаем. Трепещущие старейшины назвали 4500 своих земляков, которые, по приказу Карла, были приведены в Верден и в тот же день обезглавлены.

Эта кровавая акция носила чисто политический характер. Она показывала населению страны, что его ждет в случае дальнейшего неповиновения. При этом король подводил под свои действия видимость юридической основы: саксы нарушили клятвы, данные церкви и властям, следовательно, превратившись в мятежников, они заслужили самое суровое наказание. В дополнение к произведенной расправе король издал жестокий закон – *Capitulatio de partibus Saxoniae*, каравший смертью любое прегрешение против церкви и франкской администрации.

Ближайшие три года (783–785) Карл почти целиком отдал Саксонии. Он бил саксов в открытых сражениях и в карательных рейдах, брал сотни заложников, которых уводил из страны, уничтожал селения и фермы непокорных. Известно, что зима всегда была для короля временем отдыха и проводил он ее обычно в Средней Франции, в одной из своих многочисленных вилл. Однако зиму 784/85 годов он провел в Саксонии и встречал Рождество – свой любимый праздник – в военном лагере близ Везера. Весной, согнанный бурным разливом рек, он переселился в Эресбург с твердым намерением оставаться там до июня и, чтобы еще яснее продемонстрировать свое решение, затребовал к себе королеву и детей, приказал выстроить церковь, отремонтировать замок, а солдат расселить в домах местных жителей. Виллегад был отправлен

проповедовать в Вихмодию – самую дикую и непримиримую область страны. Из Эресбурга Карл несколько раз бросал летучие отряды сквозь всю Саксонию, очищая дороги, срывая вражеские укрепления, истребляя сопротивляющихся. Той же весной он созвал генеральный сейм в Падерборне, на котором присутствовали многие представители смилившейся саксонской знати. Не хватало лишь одного...

И Карл принял решение. Он отправился в Барденгау, откуда вступил в переговоры с неуловимым. Переговоры закончились успешно. Видукинд, перебравшийся в Нордальбингию, решил, что дальнейшее сопротивление бесполезно. Он потребовал заложников и гарантий, и победитель на это пошел. Тогда Видукинд вместе со своим ближайшим помощником Аббионом покинул убежище, прибыл к королю в Аттиньи и принял крещение, причем король был его крестным отцом и наградил вновь обращенного богатыми дарами. После этого имя Видукинда навсегда исчезло со страниц летописей...

Известие о подчинении и крещении самого непримиримого из врагов вызвало живейшую радость во Франции и в Риме. Под 785 годом летописец объявил, что король франков «подчинил всю Саксонию». Так полагали и другие. Папа Адриан прославлял короля, который «с помощью Спасителя и при поддержке Петра и Павла, князей апостолов, распространил свою власть на земли саксов и привел их к святому источнику крещения». В знак увековечения окончательной победы франков папа объявил дни 23, 26 и 28 июня праздничными «на всех территориях, обитаемых христианами, включая и находящиеся за морем».

Все это, равно как и молчание в ближайшие годы источников о Саксонии, навело историков на мысль, что 785 год – время обращения Видукинда – следует считать концом войны. Такая точка зрения проникла в общие труды и особенно в учебники. Однако она глубоко ошибочна. Ибо приняв ее, приходится пренебречь тем, что произошло восемь лет спустя – в 793 году, когда больше не существовало подстрекательств Видукинда и когда тем не менее вновь вспыхнуло восстание, быть может, более значительное и кровавое, чем взрыв 782 года. Теперь оно охватило не только Саксонию. Мятежные саксы небезуспешно пытались наладить совместные действия со всеми врагами франков – с фризами, аварами и славянами. Повстанцы с еще большей энергией, чем прежде, уничтожали храмы, изгоняли и убивали священников, равно как и тех из своих собратьев, кто упорствовал в приверженности к новой вере. Одновременно были перебиты и франкские гарнизоны, стоявшие в ключевых крепостях. И снова – в который раз? – все словно бы возвращалось к нулевой черте...

Можно представить ярость Карла, узнавшего об этих событиях в самый разгар подготовки войны с аварами. Но в отличие от многих других великих людей франкский монарх никогда не выдавал своих чувств. Он вроде бы даже не отнесся серьезно к тому, что узнал. Не прерывая путешествия по Дунаю, он сделал полукрут, повернул к Вюрцбургу, где отпраздновал Рождество, затем прибыл во Франкфурт-на-Майне, где справил Пасху, и стал готовить к лету генеральный сейм. Неожиданная смерть королевы Фастрады вовсе не замедлила осуществления его планов – он уже привык расставаться с женами. «Со всей своей армией», по выражению летописца, в августе он отбыл в Саксонию...

В течение следующих пяти лет (794–799) он вел беспощадную войну, перед которой бледнеют ужасы 782–785 годов. Это была в полном смысле слова истребительная война. Она сопровождалась массовыми захватами заложников и пленных с последующими переселениями их на правах крепостных во внутренние области государства. Сообщая о подобной акции под 795 годом, источник приводит цифру очередного переселения – 7070 человек; согласно другим сведениям всего было переселено до трети жителей страны...

Теперь основные центры борьбы переместились в крайние северо-восточные области Саксонии – Вихмодию и Нордальбингию, где рядовые саксы особенно ожесточенно и долго сопротивлялись завоевателям. Чтобы облегчить свою задачу, Карл постарался найти союзников. Ими оказались давнишние враги саксов – славяне-ободриты. Кроме того, как уже делалось однажды, он снова зазимовал на поле боя и в ноябре 797 года разбил свой лагерь на Везере, в месте, символически названном Герштель^[5]; здесь возник новый город с домами, церквями и дворцом, где Карл мог расположиться со всей своей семьей и свитой. В то время как его войска размещались на зимних квартирах по всей Саксонии, Карл праздновал в новой резиденции Рождество и Пасху 798 года, принимал иностранные посольства, давал инструкции своим сыновьям, направлял уполномоченных в Нордальбингию, которые от его имени должны были вершить суд. Последняя миссия, впрочем, не имела успеха: нордальбинги захватили судей, а заодно и франкских послов, возвращавшихся из Дании, и, сохранив некоторых для выкупа, убили остальных. И снова надо мстить, наказывать, угонять...

Как только весна позволила ему покинуть Герштель, Карл подошел к Миндену и опустошил всю область между Везером и Эльбой, в то время как его союзники-ободриты громили Нордальбингию. К концу года король имел возможность вернуться, ведя за собой более полутора тысяч пленных,

обреченных на казнь или рабство, ибо, по утверждению летописи, то были «наиболее неверные из саксов».

Последней кампанией в этой войне иногда считают поход 799 года, который Карл осуществил вместе со своими сыновьями. Сам он в этом походе не проявил большой активности. Проведя генеральный сейм в Липпегаме, он остановился в Падерборне, откуда направил Карла Юного для завершения баталий в Нордальбингии; затем, по возвращении сына, повернул к родной земле, в сопровождении «множества саксов с женами и детьми, которых распределил во Франции, разделив между своими епископами, аббатами, графами и прочими вассалами...».

По утверждению позднего источника, Карл будто бы на исходе войны собрал в Зальце саксонскую знать и заключил с нею «вечный мир». В такое трудно поверить. Сопротивление саксов ослабевало постепенно и сникло без всяких «договоров», когда силы их были исчерпаны, непримиримые истреблены, колеблющиеся порабощены и последний язычник получил крещение.

Авары

Согласно Эйнгарду, биографу Карла Великого, на первом месте по продолжительности и трудностям после саксонской, должна стоять аварская война. И правда, длившаяся более восьми лет, она осложнялась внешними обстоятельствами и заставила короля, как и в Саксонии, обратиться к помощи союзников.

С аварами франки столкнулись лицом к лицу сразу после подчинения Баварии. Этот неизвестный им ранее народ поразил их как внешним видом, так и образом жизни, поразил настолько, что в своем воображении франкский летописец смешал их с ордами Атиллы, употребляя в тексте альтернативно имена «авары» и «гунны» (Avari sive Huni). Впрочем, это смешение не лишено смысла, поскольку авары, как и гунны, были народностью тюркского происхождения; подобно гуннам они вели кочевую жизнь, исповедовали язычество и сражались исключительно рассыпным конным строем. В описываемое время они осели в излучине Дуная, на территории бывшей римской провинции Паннонии, простирая свои владения вплоть до Тиссы. Центром аварских поселений, их «столицей», был обширный укрепленный лагерь, называемый «рингом» и состоявший из нескольких концентрических кольцеобразных стен, между которыми располагались сады и строения. Здесь жил верховный правитель аваров, хан или каган, со своими сановниками и прочей знатью, среди несметных сокровищ, награбленных веками у соседних народов, прежде всего у южных славян – хорутан (словенцев) и хорватов. Появляясь внезапно на своих маленьких коренастых лошадках, авары врываются в дома и храмы, захватывали все, что представляло ценность, в особенности золотые и серебряные церковные сосуды, священное убранство, украшения алтарей, и, нагруженные добычей, также внезапно исчезали.

Разумеется, прочный мир с подобным соседом для Карла был невозможен. И дело здесь не только в том, что приходилось ждать постоянных пограничных инцидентов. Главное – и король прекрасно осознавал это – авары тесно объединились с врагами франков – лангобардами, саксами и баварами. Знал он, в частности, и о тайном союзе, который заключил с ними Тассилон накануне своего падения. Не знал лишь, что совместная атака против франков была назначена на 788 год – тот самый год, когда Тассилон подвергся осуждению в Ингельгейме. Но и авары, не осведомленные об этом осуждении и надеясь на поддержку

герцога, не стали откладывать активных действий и вторглись во Франкское государство, как и было намечено.

Это событие и положило начало войне.

Официальная франкская летопись – так называемые Большие анналы – стремится свести войну к непрерывным победам Карла. На самом деле все было много сложнее. Война шла с переменным успехом, и франкскому королю пришлось мобилизовать все свои силы и выдвинуть в первые ряды лучших полководцев, в том числе своего зятя Герольда и графа Эрика Фриульского, чтобы успешно противостоять кочевникам. Чего он только не предпринимал, добиваясь радикальной победы! И наводил подвесные мосты, и прорывал каналы, и расчленял армию на отдельные корпуса, действующие с разных сторон, и сманивал щедрыми дарами отдельных представителей аварской знати. Однако все время что-то мешало: то внутренние неурядицы, то грандиозный падеж лошадей, заставивший свернуть очередную кампанию, то срочная необходимость спешить в Саксонию или в Беневент.

Так продолжалось до 795 года, когда, удвоив свою армию благодаря союзу с южными славянами, франки, наконец, разгромили врага, причем хорутанский князь Войномир, руководивший походом вместе с Эриком Фриульским, сумел вторгнуться в пределы легендарного ринга и захватить богатую добычу, которую отправил в Ахен, к Карлу.

Теперь оставалось лишь добить поверженного.

Сделать это король поручил своему юному сыну Пипину, номинальному королю Италии, за спиной которого, конечно же, поставил самых опытных военачальников.

Экспедиция, в которой участвовали отборнейшие части армии, была проведена во второй половине 796 года. Когда авары увидели приближение несметных полчищ, они, понимая безнадежность сопротивления, убили кагана и его главных советников, после чего вышли навстречу Пипину, предлагая отдать ему свою землю и выдать вождей. Но теперь этого было уже недостаточно: речь могла идти лишь о полном уничтожении противника. Не став разговаривать с парламентарями, молодой полководец обратил их в бегство и, разоряя все на своем пути, снова вторгся в пределы ринга, который был разрушен до основания. Вслед за тем он овладел частью добычи, оставшейся после предыдущего похода, и, надо думать, она была немалой, поскольку везли ее на 15 подводах.

«Нельзя указать другой войны, – пишет Эйнгард, – во время которой они (франки) смогли бы столько приобрести и так обогатиться...»

И далее продолжает с трогательной наивностью: «...Поистине можно

считать – франки законно исторгли у гуннов то, что прежде гунны незаконно исторгали у других народов...»

Карл рассчитал все точно: его юный сын был провозглашен если не спасителем отечества, то во всяком случае великим стратегом. Ему устроили пышный триумф. Его прославляли придворные поэты, ликуя, что «дикая нация вошла под скипетр Карла» и «склонила непокорную выю под ярмо веры».

И правда, теперь за первым должен был следовать второй акт: крещение покорившихся. Целый легион епископов и священников был отправлен в Паннонию, чтобы довершить крестом сделанное мечом. Впрочем, оказалось, что крестить почти некого, ибо, по словам современника, «в Паннонии не осталось в живых ни одного ее обитателя, а место, в котором находилась резиденция кагана, не сохранило и следов человеческой деятельности...».

Конечно, произошло все это не вдруг: между 796 и 799 годами авары еще несколько раз мелькают на страницах официальной летописи. Отдельные их группы еще пытаются сопротивляться, причем в ходе этих схваток при неясных обстоятельствах, к огорчению Карла, погибают два его военачальника, сыгравшие ведущую роль в Аварской войне, – Эрик и Герольд. Но все это были лишь последние вздохи гибнущего народа; вслед за этим имя аваров навсегда исчезло из истории, а столетие спустя их место на Дунае заняли совсем другие кочевники, стоившие много крови наследникам Каролингов, – дикие венгры.

Воистину, не случайна древнерусская поговорка: «Погибоша, аки обре»^[6]...

Славяне

Присоединение Италии, Баварии и Саксонии, а затем разгром Аварского каганата приблизили государство Карла Великого к новым соседям. На сотни километров от Адриатического до Балтийского моря протянулись земли, ставшие районами встречи двух миров – романо-германского и славянского.

От Адриатики до Дуная, вдоль рек Савы, Дравы и Рабы тянулись земли южных славян – хорватов, сербов и хорутан (словенцев), причем после разгрома аваров, в котором славяне сыграли не последнюю роль, в их руки попала Паннония. Далее, от Богемского леса до Шлезвига, располагались земли западных славян, две ветви которых тесно соприкасались с франками; это были чехи и к северу от них полабские (приэльбские) славяне. Если бросить взгляд на века, следующие за временем Каролингов, то можно обнаружить, что судьба всех этих племенных групп сложится по-разному. У чехов, сербов и хорватов образуется своя государственность, которая видоизмененно доживет до наших дней. Что же касается полабских славян, то им в этом смысле повезет гораздо меньше: в результате активного движения немецких феодалов за Эльбу, к Одере и Висле, данная племенная группа постепенно окажется онемеченной, утратит зачатки своей государственной организации, и в конце концов исчезнет с лица земли. Таков будет печальный финал пресловутого «натиска на Восток» (Drang nach Osten), о котором написано столько книг и полемических статей.

Не останавливаясь подробно на этой проблеме, коснемся лишь той ее части, которая относится непосредственно ко времени Карла Великого. Дело в том, что очень многие (преимущественно немецкие) историки XIX–XX веков пытаются доказать, будто именно Карл Великий был родоначальником этого «натиска на Восток», поскольку как раз при нем области полабских славян вошли в состав Франкского государства, а через это государство – в последующую Германию. Так ли было в действительности? Попробуем разобраться в поставленном вопросе. Полабскими славянами принято называть ветвь западных славян, которая в процессе расселения заняла территорию по обе стороны Эльбы (по-славянски Лабы) вдоль ее среднего и нижнего течений, а на восток распространилась до Одера и его притока Нейсе.

Первоначальная история полабских славян темна. Согласно данным

скандинавского эпоса и поздним свидетельствам историка Гельмольда, во времена отдаленные они были воинственным народом, совершавшим далекие морские экспедиции, причем главную роль играло самое северное их племя – вагры. В VI–VII веках происходила интенсивная колонизация славянами земель к западу от Эльбы и Салы (Заале); они массами селились в Саксонии, Тюрингии и Баварии. Часть полабских славян вошла в состав раннефеодального государства Само, распавшегося в конце VII века. С начала VIII века сведения о них становятся более подробными. В это время полабские славяне делились уже на три группы (племенных союза): ободритов, занимавших северные районы до моря, вильцев (лютичей), к югу до Хафеля и Шпрее, и лужицких сербов (сербов), обитавших вдоль средней Эльбы, от Салы до Нейсе.

О социально-экономическом укладе полабских славян VIII–IX веков известно немного. По-видимому, они, как и их соседи саксы, жили общинно-родовым строем на стадии его разложения. У них выделялась племенная знать, появились князья; иногда источники упоминают великих князей, называя их «царями» (гех); по всей вероятности, такие «цари» стояли во главе племенных союзов. Полабские славяне были оседлыми земледельцами, занимались ремеслом и торговлей, а морской порт ободритов Рерик (Рарог) был хорошо известен на Балтийском море.

Характерно, что самые ранние сведения о славяно-франкских отношениях связаны с привлечением полабских славян как союзников; именно в таком качестве Пипин Короткий и Карломан использовали их в борьбе с баварским герцогом Одилоном и против мятежного Грифона. Что же касается Карла Великого, то в войне с саксами он столь часто будет опираться на поддержку ободритов, что *Анналы* назовут их даже «нашими славянами» (*sclavi nostri*). Особенно важную роль в качестве союзников франков ободриты сыграли на заключительном этапе саксонской войны, когда франкскому королю пришлось биться с самым упорным из саксонских племен – нордальбингами. В 798 году князь ободритов Дражко выиграл для Карла крупнейшее сражение в Нордальбингии (у Свентаны), в котором полегло 4000 саксов и которое, по существу, решило исход борьбы в этом районе. Карл был настолько доволен своим союзником, что утвердил Дражко великим князем и передал Нордальбингию ободритам.

Иначе складывались взаимоотношения Карла с другим полабским племенным союзом – вильцами. Этот народ славился свирепостью и непримиримостью, отсюда его племенное имя («вильцы» – волки; другое их прозвище «лютичи» – от слова «лютый»). Вильцы постоянно враждовали с ободритами. В источниках нет сведений об их вторжениях в

пределы Франкского государства, но, по-видимому, такие инциденты имели место, ибо иначе трудно объяснить основную причину грандиозного похода Карла в страну вильцев в 789 году – вряд ли в этом была повинна исключительная любовь короля к ободритам, на чем настаивает Эйнгард. В походе 789 года участвовали франки, саксы, фризы, ободриты и лужицкие сербы. Франки навели два моста через Эльбу, перешли реку и при поддержке союзников нанесли страшный удар лютичам. Хотя, согласно летописи, те дрались упорно, но устоять перед огромными силами союзников не смогли. Карл гнал вильцев до реки Пены, все опустошая на своем пути. Их столица капитулировала, их князь Драговит покорился и дал заложников. Карл был вполне удовлетворен и назначил Драговита великим князем вильцев.

Что же касается лужицких сербов и чешско-моравских славян, то сведения об их взаимоотношениях с Карлом носят фрагментарный характер. Источник сообщает о вторжении сербов на территорию Тюрингии в 782 году; именно это вторжение в конечном счете привело к катастрофе в Саксонии, описанной выше. После этого, правда, лужицкие сербы участвовали в походе Карла против вильцев; но прошлого им не забыли, и в 806 году сын Карла Пипин провел ответный рейд в их земли. К этому же времени (805–806 годы) относятся и два довольно безрезультатных вторжения на территорию чехов.

Подводя итоги франко-славянским отношениям в конце VIII – начале IX века, приходится констатировать, что никакой агрессии со стороны Карла, никаких попыток утвердиться в славянских землях, включить их в состав государства франков, мы не видим^[7], источники не дают ни малейшей возможности утверждать что-либо в этом роде.

Вспомним – каждый раз, когда Карл покорял новую страну, он начинал с того, что подводил ее под свою административную систему: делил на графства и во главе их ставил своих приближенных. А если покоряемый народ был языческим, то этому сопутствовала обязательная христианизация. Ничего подобного в землях полабских славян не имело места. Победитель не только не отнимал, но, напротив, сам иногда давал (Паннонию, Нордальбингию). И во всем этом нет ничего удивительного: свое универсальное государство, свой «Град Божий» на земле, Карл строил исключительно на основе романо-германского единства, используя все остальное лишь как средство.

Северо-запад. Британия

«Покорил Карл и бриттов, живших на западе, в отдаленнейшей части Галлии на берегу океана и не желавших ему повиноваться: войско, отправленное королем, принудило бриттов дать заложников и выполнить все, что было приказано».

Так одной, и притом не очень внятной фразой ограничивается биограф Карла Эйнгард. В действительности же «покорение бриттов» было довольно сложной проблемой и имело длительную предысторию.

Кельтские племена бриттов, предки современных валлийцев, некогда населяли остров, названный римлянами по их имени Британией. Античные историки рассказывали о бриттах всяческие небылицы, утверждая, между прочим, будто остров их населен всевозможными чудовищами и даже душами умерших. В середине I века до н.э. Британию пытался завоевать Цезарь, но присоединение ее к Римской империи произошло только к концу I века н.э. Бритты ненавидели завоевателей за их жесткую налоговую политику, пытались восставать против них и, когда в начале V века в связи с обозначившимся развалом империи римляне вывели свои легионы с острова, быстро вернули утраченную независимость. Но ненадолго. В это же самое время с континента хлынули орды германских племен. Это были англ, саксы и юты.

Новые пришельцы в кровавой борьбе истребили большую часть местного населения и основали здесь свою «гептархию» – семь королевств: Эссекс, Сессекс, Кент – на юго-востоке, Уэссекс – на юго-западе, Нортумбрию – на севере, Мерсию и Восточную Англию – в центре. Между этими королевствами начались жестокие междуусобицы, в ходе которых выдвигались на первый план то одно, то другое королевство, пока в середине IX века короли Уэссекса не объединили вокруг себя всех соперников, в результате чего и возникло королевство Англия. Впрочем, произошло это уже после смерти Карла Великого, в его же время главную роль среди семи королевств играла Мерсия, король которой Оффа был современником Карла. Что же касается коренного населения – бриттов, то остатки его уцелели лишь в Уэльсе, Корнуоле и Шотландии, не считая тех, кто уже с начала V века стал переселяться на континент. Вот о них-то теперь и пойдет речь.

Самую западную часть римской Галлии представлял обширный, каменистый и пустынный полуостров, глубоко вдававшийся в море,

отделенный от Англии проливом, ныне называемым Ла Маншем, а в древности Британским океаном. В древности имел другое имя и полуостров: вместе с примыкавшими к нему землями он назывался «Арморика» (точнее Арморика) и был населен различными кельтскими племенами. Сюда-то, к своим сородичам, спасаясь от англо-саксонских завоевателей, и хлынули бритты. Видимо, переселенцев было довольно много, поскольку вскоре термин «Арморика» исчез из употребления, а полуостров стал называться «Малой Британией» (*Britania minor*). Так, ко времени начала завоеваний Карла Великого, на географической карте Европы обозначились как бы две Британии: Британия большая, которой довелось вскоре превратиться в Англию, и Британия малая, которая станет называться «Бретанью», и сохранит это имя вплоть до наших дней. С этими двумя «Британиями» отношения у Карла сложились по-разному: с «большой» он дружил, с «малой» – воевал. Впрочем, войну начал не он: к тому времени, когда он вступил на престол, война велась уже несколько веков.

Франки впервые столкнулись с бриттами еще во времена Меровингов. Начиная с 560 года они не теряли надежд на полное подчинение их страны. Пипин Короткий, завоевав город Ванн, обложил бриттов данью. Но они плохо выполняли свои обязательства, и подчинить их было трудно, поскольку с востока Бретань была хорошо защищена рвами и болотами, а с остальных сторон ее оберегал бурный океан. Карл, всецело занятый другими заботами, сначала довольствовался тем, что укрепил Ванн, сделал его центром пограничной области – «марки», поручив следить за тем, чтобы опасный враг не проникал на франкскую территорию и уплачивал дань, наложенную Пипином. Однако, не видя повиновения, он послал летом 786 года в Бретань большую армию во главе с сенешалом Аудульфом. Тот быстро справился с поручением, доставил королю в Вормс большую группу заложников и клятву верности со стороны вождей бретонских кланов. После этого в течение тринадцати лет регион наслаждался миром и покоем, пока в 799 году префекту Бретонской марки Гюи не пришлось возобновить военные действия. Они и на этот раз были успешными. Пройдя с боем весь полуостров, префект доставил своему властителю внушительные трофеи, в том числе щиты бретонских вождей, на которых были вырезаны их имена, а также депутацию от самих вождей, «каждый из которых, – согласно летописцу, – отдался королю со своей землей и своим народом, в результате чего вся страна бриттов подчинилась франкам». Но и на этот раз, хотя победа выглядела полной, мир оказался непрочным. С этим пришлось примириться. И хотя в дальнейшем, согласно

летописи, вожди отдельных племен неоднократно посылали в Ахен подношения и дары, Бретань, в целом так до конца и не покорившаяся, сохранила свою автономию, свои этнические особенности и религиозные обычаи.

Что же касается «Британии большой», иначе говоря, будущей Англии, то источники содержат весьма скудные сведения об отношении к ней Карла. Известно, что он пытался благожелательно вмешаться во внутренние дела Нортумбрии и вел активную переписку с Оффой, королем Мерсии. Известно также, что именно с Британских островов прибыли к нему помощники в сфере культурных преобразований, в том числе и главный из них – Алкуин. Стремился ли Карл к тому, чтобы превратить эти добрые отношения в нечто большее? Были ли у него планы завоевания туманного Альбиона?

Согласно позднейшей традиции такие планы не только были, но и реализовались: эпос делает Карла хозяином не одной Англии, но даже Шотландии и Ирландии. Эпос остается эпосом, однако характерно, что даже некоторые серьезные историки склоняются к мысли, будто Карл намеревался овладеть родиной Алкуина, и лишь отсутствие флота в данный момент помешало ему это сделать. Можно ответить, что и в дальнейшем, когда флот появился, Карл не обнаружил ни малейшей попытки применить его в подобных целях. Ему были чужды амбиции Цезаря или Наполеона. По-видимому, в отличие от некоторых безудержных завоевателей, он, как указывалось выше, в какой-то момент четко очертил для себя рубежи своего «Града Божия», иначе говоря, своей экспансии; и если Эльба и средний Дунай явились пределом его движения на восток, то океан положил предел устремлений на запад. Британские острова были тесно связаны с державой Карла узами культурной близости, и уж если здесь с его стороны и обнаруживаются какие-то попытки агрессии, то исключительно в сфере духовной, о чем будет рассказано в другом месте.

Юго-запад. Аквитания. Испания

Безопасность франкской Галлии на северо-западе была обеспечена, по крайней мере на время, без больших жертв и потерь. Иное дело – юго-запад. И хотя первая война царствования Карла – усмирение аквитанского мятежа – оказалась быстрой и легкой, обеспечив ему подчинение не только Аквитании, но и соседней Гаскони, в дальнейшем здесь следовало ожидать серьезных трудностей и сюрпризов. К югу от Аквитании и Гаскони начиналась протяженная и весьма коварная граница с мусульманским миром. В свое время Карл Мартелл сумел предотвратить экспансию испанских арабов, прогнав их в 732 году за Пиренеи. Но два десятилетия спустя на арабском Востоке произошел переворот. Аббасиды, правители Багдада, изгнали из Халифата своих соперников Омейядов, и один из них, Абдерахман Муавия, бежав в Испанию, основал в 755 году в Кордове свой эмират, позднее превратившийся в новый халифат. Это событие вызвало противодействие со стороны ряда эмиров припиренейской Испании. Они начинали смотреть на северного христианского соседа как на возможного союзника в борьбе с «узурпатором».

Карл и сам был не прочь использовать ситуацию. Теперь под боком у него оказывался опасный враг, от которого можно было ждать всяческих неприятностей. Король франков понимал, что следует предупредить соперника. Он решил сам перейти в наступление и искал лишь удобного повода.

Поводом явилось посольство правителя Сарагосы, обратившегося в 777 году к франкам за помощью против омейядского халифа Кордовы. По-видимому, в памяти короля были свежи рассказы об успехе его деда в борьбе с мусульманами, а может быть, он хотел помочь укрывшимся в Астурии христианам. Так или иначе, но в 778 году Карл, во главе большой армии, перешел Пиренеи, но потерпел неудачу под Сарагосой. На обратном пути арьергард франкского войска попал в засаду, устроенную свободолюбивым племенем васконов (басков) в Ронсевальском ущелье, и был полностью уничтожен. В числе погибших военачальников франкский источник упоминает Роланда (Хруотланда), префекта Бретонской марки, ставшего позднее героем знаменитого французского эпоса – «Песни о Роланде».

Катастрофа при Ронсевале отнюдь не ослабила интереса Карла к Испании, тем более что вскоре на этой почве возник союз Ахена с Багдадом

(об этом будет рассказано ниже). Но Карл теперь понял, что полагаться только на союз с коварными правителями мусульманских городов северной Испании неразумно и опасно. Желая быть во всеоружии и держать под постоянным прицелом арабскую Испанию в целом, он решил создать на ее границе особый плацдарм, своего рода военно-административный комплекс, ответственный за пиренейский рубеж.

Согласно летописи сразу же после Ронсевалья Карл начал расселять по всей Аквитании «графов, аббатов и многих других, кого называют обычно вассалами, избранных из франкской расы, и им доверил заботы... об охране границ и управлении королевскими городами». Три года спустя король пошел еще дальше, создав в Аквитании, Гаскони и Септимании своеобразную автономию, доверенную особому вице-королю. Этим королем стал Людовик, сын Карла, рожденный во время испанского похода и коронованный в Риме папой Адрианом 15 апреля 781 года, одновременно со своим братом Пипином. В том же году трехлетний ребенок был отправлен в Тулузу, которая должна была стать его главной резиденцией и где был сформирован его двор. Воспитателям юного короля было поручено следить за тем, чтобы он находился среди местных детей, играл с ними и был одет в национальное, баскское платье. Разумеется, как и в Италии, Карл оставался полным хозяином положения и, имея верные глаза и уши в Аквитании, внимательно следил за жизнью «вице-королевства» и давал необходимые указания во всех сферах, прежде всего – в отношении дел пограничных.

А с пограничными делами вскоре возникли новые осложнения. Воодушевленные воспоминаниями о неудаче франков в 778 году, арабы становились все более дерзкими, начали массами проникать за Пиренеи, и только экстренные меры со стороны военного префекта Аквитании, графа Гильома Тулузского, кое-как стабилизировали положение. По указанию Карла были возобновлены переговоры с эмирами севера, соперниками Кордовского халифа, в результате чего франкам удалось занять пограничные города Херону, Вик и Урхель. Но эти частичные успехи вскоре были сведены на нет событиями, происшедшими в халифате.

В апреле 788 года умер престарелый и уже недееспособный Муавия, и халифом Кордовы стал его сын, энергичный Хешем, решивший объединить мусульман Испании для священной войны против христиан. Три года спустя во всех мечетях «истинно-верующие» были призваны «возродить славу ислама мечом защитников веры». Тысячи «верных» откликнулись на призыв, и огромная армия вторглась в пределы Септимании, сожгла предместья Нарбонны и, ведя за собой многочисленных пленников,

направилась к Каркассону. Гильом Тулузский попытался остановить мусульман на реке Орбье, но несмотря на проявленное мужество был побежден; его офицеры разбежались, солдаты были перебиты, а враг захватил такую богатую добычу, что лишь на часть ее была построена большая мечеть в Кордове.

Этот «второй Ронсеваль», имевший для французского эпоса те же последствия, что и первый^[8], оказался тем более чувствительным для Карла, что он считал себя в какой-то мере ответственным за него: занятый подготовкой войны с аварами и Беневентом, он увел из Аквитании значительные воинские контингента, оголив южную Галлию и сделав ее легкой добычей для врага. Ошибку надо было исправлять. И снова, как прежде, король франков координирует свои молниеносные вторжения в Испанию с дипломатическими ходами. Они стали особенно эффективными после 796 года, когда вследствие смерти Хешема в Кордовском халифате вновь начались междоусобия. По приказу Карла в 90-е годы аквитанский король Людовик предпринял серию походов за Пиренеи, в результате чего была заложена Испанская марка – укрепленная пограничная область с городами Героной, Урхелем и Виком. Карл заселил ее испанскими семьями, бежавшими из-за Пиренеев от мусульман. В 801 году у арабов была отнята Барселона, ставшая главным центром марки, в 806 году франкам подчинилась Памплона, и к концу правления Карла его влияние простиралось уже до реки Эбро.

Тайна императорского имени

В результате всех этих войн государство франков увеличилось почти в два раза по сравнению с тем, каким оно было при Пипине. Пределы его простирались от Шлезвига до Эбро и от Атлантического океана до Венского леса. По своим размерам оно намного превосходило любое из прежних «варварских» королевств. При этом влияние Карла распространялось далеко за пределами его государства. Его имя с почтением произносили и в Астурии, и в Шотландии, и на мусульманском Востоке. Знаменитый халиф «Тысячи и одной ночи» Харун ар-Рашид искал с ним союза, его щедротами пользовались христиане Карфагена и Александрии. Мог ли в этих условиях королевский титул удовлетворить создателя и обладателя грандиозной империи? Карл не спешил с ответом на этот вопрос, но дать его был должен.

Во время своего четвертого (и последнего) посещения Рима он задержался там довольно долго: Карл прибыл в Вечный город 24 ноября 800 года и покинул его только 25 апреля следующего. Перед «защитником Святого престола» на этот раз стоял ряд весьма ответственных и сложных задач.

В Рим он отправился, как и ранее, по призыву папы. Но теперь, несмотря на то, что с 774 года Карл величал себя «королем франков и лангобардов», положение было значительно более острым, чем прежде.

Новый папа Лев III, человек слабый и тщеславный, не нашел общего языка с местной знатью. Размолвка превратилась во вражду. 25 апреля 799 года папа подвергся нападению на улицах Рима. Избитый и искалеченный (ему выкололи глаза и вырвали язык), Лев III был помещен в монастырь Стефана и Сильвестра, откуда ему удалось бежать под опеку сторонников Карла. Не чувствуя себя в безопасности в Италии, папа попросил франкского посла Гермера доставить его ко двору своего государя. Летом или в начале осени того же года Лев III прибыл к Карлу в Падерборн. Сюда же пришли и письма его врагов, обвинявших Льва III в многочисленных преступлениях. Карл дал папе эскорт из духовных и светских лиц и отправил его обратно в Рим, обещая вскоре последовать за ним.

Однако это «вскоре» растянулось на целый год. Карл явно не торопился, словно обдумывая и подготавливая *нечто*. Зиму он провел в своей будущей столице Ахене, принимая различных послов, в том числе и некоего монаха из Иерусалима, передавшего королю благословение

патриарха и реликвии от Гроба Господня. В начале весны 800 года Карл отправился к Атлантическому побережью проверить строительство укреплений против норманнских пиратов, затем совершил большой круиз по своим поместьям и городам Галлии. Между прочим (особо отметим это!), он посетил Тур, где провел некоторое время, совещаясь со своим ближайшим другом и духовным наставником Алкуином. Только в августе король созвал генеральный сейм в Майнце, где заявил о своем намерении идти в Италию. Он прибыл туда в начале осени, некоторое время пробыл в Равенне и лишь 23 ноября спустился к Ментане, где был встречен Львом III, проводившим его в Рим.

1 декабря Карл созвал торжественное судилище в соборе святого Петра. В состав трибунала вошли высшие духовные сановники франкского короля. Что до «преступников», то они были уже давно в руках Карла. Судебные заседания тянулись до 23 декабря, когда папа особой клятвой очистился от возведенных на него обвинений. (В скобках заметим, что к изувеченному Льву III в это время «чудесным образом» вернулись зрение и речь.) В тот же день, 23 декабря, Карл принимал новое посольство из Иерусалима (о нем речь ниже). А еще через день, на Рождество, 25 декабря, произошло следующее...

Карл слушал в соборе святого Петра праздничную мессу. Он стоял на коленях перед алтарем. Вдруг папа приблизился к своему гостю и одел ему на голову императорскую корону. Все находившиеся в соборе франки и римляне дружно, как по команде, воскликнули:

– Да здравствует и побеждает Карл Август, Богом венчанный великий и миротворящий римский император!

Восклицание было повторено трижды, после чего папа, «согласно обычаю древних времен», в свою очередь, преклонил колени перед новым императором.

Так совершилось событие мирового значения: на Западе вновь появилась империя.

Провозглашение империи логически завершало всю предыдущую деятельность Карла. Более тридцати лет подряд завоевывал он земли, соседние с Франкским государством. Италия, Саксония, Бавария, Бретань, Аквитания, Северная Испания, пограничные области юго-востока, все они одна за другой были поглощены его державой. В результате по своим размерам государство Карла лишь немногим отличалось от бывшей Западной Римской империи. И недаром в некоторых письмах государство это уже величалось «христианской империей». Теперь король, используя благоприятное стечение обстоятельств, решил оформить новое положение

дел соответствующим демонстративным актом.

Все было, естественно, подготовлено заранее, причем франкский король являлся одновременно автором и режиссером спектакля. На сей счет есть несколько бесспорных доказательств. Уже то обстоятельство, что Карл принял на себя роль судьи в деле папы, говорит само за себя: решение о провозглашении империи было принято еще в 799 году. Имеются письма Алкуина, полностью проясняющие цель упомянутого выше свидания с ним Карла минувшей весной. Сохранилось и более позднее свидетельство, согласно которому папа обещал Карлу императорскую корону в награду за помощь против его врагов. Наконец, есть прямое сообщение Анналов, воспроизводящих текстуально решение римского собора от 25 декабря 800 года: «Поскольку в настоящее время в стране греков нет носителя императорского титула, а империя захвачена местной женщиной^[9], последователям апостолов и всем святым отцам, участвующим в соборе, как и всему остальному христианскому народу, представляется, что титул императора должен получить король франков Карл, который держит в руках Рим, где некогда имели обыкновение жить цезари».

Можно сколько угодно удивляться аргументации этого решения, но само существо его сомнений не вызывает.

Казалось бы, все ясно – в новом качестве повторялся опыт отца Карла, Пипина Короткого: там – поддержка папы и королевский титул, здесь – спасение папы и императорская диадема.

Однако существует другое современное свидетельство, которое до сих пор оставляет в недоумении историков. Царедворец и биограф Карла Эйнгард сообщает, что его государь был весьма *неприятно поражен* случившимся. Согласно Эйнгарду, Карл даже заявил, что знай он о намерении папы заранее, он никогда бы не пошел в этот день в собор!

Свидетельство удивительное. Как быть с ним? Проще всего – так иногда и поступают – пренебречь, мотивируя неосведомленностью Эйнгарда. Однако такое решение вряд ли приемлемо. В чем другом, а в делах придворных Эйнгард был осведомлен отлично. Постоянно общаясь с королем, он хорошо знал его настроения и ничего перепутать не мог. Повидимому, отмеченное им действительно имело место. Карл почему-то публично проявил свое недовольство актом 25 декабря 800 года. Но почему?

Историки пытались объяснить этот факт по-разному. Одни утверждали, что Карл был раздражен инициативой папы. Но это заблуждение. Как мы уже видели, инициатива исходила от короля, а Лев III был всего лишь исполнителем. Другие полагают, что Карла огорчила

внезапность акта, король-де считал неподходящим выбранный момент. Но с этим также нельзя согласиться: трудно было выбрать лучший момент для провозглашения империи, чем Рождество 800 года! Видимо, дело в чем-то другом. Внимательное сличение источников позволяет согласиться с теми историками, которые связывают тайну поведения Карла с его *восточной политикой*. Все упиралось в позицию Византии. Но для большей ясности начинать все же следует не с христианского, а с мусульманского Востока.

Слон Харуна ар-Рашида

Позднейшая традиция увела завоевательную политику Карла Великого далеко на юго-восток. Согласно героическому эпосу Средневековья, он был не только инициатором и организатором первого крестового похода, но и сам в нем участвовал – путь вдоль Дуная, по которому в XI–XII веках прошли Готфрид Бульонский и Фридрих Барбаросса, их современники недаром окрестили «дорогой Карла Великого». Эпические поэты утверждали даже, будто Карл овладел Константинополем, а также завоевал Сирию, Палестину и Трапезунд. В этих поэтических сказаниях есть зерно истины: юго-восточная политика Карла, о которой так скупно и лапидарно сообщают современные свидетельства, действительно занимала немалое место в его политической программе; последняя же начала осуществляться с события, носящего почти анекдотический характер.

Еще Вольтер подметил, что очень часто в истории малые события заканчивались весьма большими последствиями; скажем точнее: на поверхности лежит малое, второстепенное, а за ним скрывается главное, большое.

Так было и на этот раз. Все началось со слоновьего клыка.

Однажды из стран заморских королю Карлу доставили некий диковинный предмет. То был большой полированный рог, украшенный причудливой резьбой. Королю объяснили, что это клык слона. Карл был изумлен. Он не представлял себе зверя, из зуба которого можно было вырезать подобный рог. И у него возникло страстное желание во что бы то ни стало этого зверя увидеть.

Так повествует легенда. А вот что рассказывает подлинный источник – «Анналы Франкского королевства».

В 797 году король Карл снарядил посольство к халифу Багдада. В состав посольства вошли доверенные лица Лантфрид и Зигимунд, а также еврей Исаак (видимо, толмач). Цель, поставленная перед посольством, официально была сформулирована вполне ясно: *достать и привезти слона*.

Первые вести с Востока Карл получил лишь два года спустя.

Выше упоминалось, что зимой 799 года в Ахен прибыл монах из Иерусалима с подарками от патриарха; видимо, он и рассказал Карлу нечто о судьбе сановников, отправленных в Багдад. Отпуская иерусалимского гостя, Карл направил вместе с ним дворцового священника Захария с

ответными дарами и крупной суммой для раздачи милостыни.

Захарий справился быстро. К концу 800 года он возвратился с двумя сопровождавшими его монахами и прибыл в Рим, где в то время находился франкский государь. Именно этих монахов и принимал Карл 23 декабря, за два дня до коронации. Послы передали благословение патриарха, а также различные реликвии, в числе которых находились *ключи от Иерусалима*.

Все эти события, если поставить их в ряд, синхронный другим политическим актам Карла, довольно знаменательны. Они показывают, что дело, начавшееся с желания приобрести слона, имело весьма серьезную подоплеку и зашло довольно далеко.

Прежде всего, церковная миссия из Иерусалима не могла быть отправлена без санкции халифа, владевшего Палестиной. Значит, посольство Лантфрида и Зигимунда наряду с официальной целью имело и некое *неофициальное* поручение, о котором источники по вполне понятным причинам молчат и с которым послы прекрасно справились. О характере этого поручения можно судить по последствиям. Если халиф проявил такое внимание к королю, что разрешил, несмотря на свое отрицательное отношение к христианам, установить прямую связь между Ахеном и Иерусалимом (причем связь, сопровождаемую таким символическим жестом, как присылка европейскому монарху ключей от Иерусалима), значит, он был сильно заинтересован предложениями, которые ему сделали послы. Что же это были за предложения? Нетрудно догадаться, на какой почве могли сблизиться мусульманский Багдад и христианский Ахен. У них были общие соперники и враги. К ним принадлежали, прежде всего, испанские Омейяды, будущие халифы Кордовы, самозванцы и еретики с точки зрения багдадских Аббасидов, только и помышлявших о том, как бы их ослабить и уничтожить. В этом плане та ожесточенная борьба, которую начал в 788 году Карл в Испании, вполне устраивала Харуна ар-Рашида (напомним: борьба эта как раз активизировалась в преддверии 800 года!). Еще более объединяла интересы обеих государей политика в отношении Византии... Но о Византии – разговор особый. Этот большой вопрос нуждается в специальном экскурсе, который будет дан ниже. Прежде же чем переходить к «большому», покончим с «малым».

Предвидим законный вопрос, который давно вертится на языке любознательного читателя:

– А как же слон? Был ли слон?...

Спешим ответить: да, слон был. И не только был, но даже имел весьма звучное имя. Франкская летопись сохранила это имя для потомства: слона звали Абу-ль-Аббас. Мало того. Эйнгард уверяет, что слон, отосланный

Карлу Великому, был *единственным* слонем Харуна ар-Рашида!...

...Когда после коронации, весной 801 года, император возвращался из Рима на родину, его близ Верчелли нагнали восточные послы. Они сообщили Карлу, что еврей Исаак, отправленный четыре года назад к Харуну ар-Рашиду, благополучно возвращается с многочисленными подарками и со слонем. Исаак, однако, задержался в Северной Африке, ибо у местных правителей не оказалось достаточных транспортных средств. Карл незамедлительно послал своего канцлера Эрманвальда в Лигурию, дабы тот подготовил корабль для доставки заморского гостя. Исаак с грузом прибыл в Порто-Венере в октябре 801 года. Оттуда он двинулся на север, но в связи с приближающимися холодами не рискнул переправлять слона через Альпы и зазимовал в Верчелли. Очевидно, путешествие через горные перевалы оказалось не из легких, ибо в Ахен слон был доставлен только 20 июля 802 года. Разумеется, он произвел фурор и затмил все другие подарки. О нем сообщили все местные летописи, в том числе даже такие, которые славилась своей лаконичностью. 802 год для франкского государства можно смело назвать «годом Слона», ибо гость из далекой Индии вытеснил все другие события, сколь бы важными они ни были.

Карл поместил слона в свой знаменитый охотничий парк, славившийся различными чудесами природы, и здесь Абу-ль-Аббас стал объектом для всевозможных, в том числе и «научных» наблюдений, которыми тогдашние эрудиты смело оперировали в своих трудах. Так, известный грамматик и географ Дикуил, возражая автору одного компилятивного сочинения, упрекал его за утверждение, будто слон никогда не ложится. «Слон, – писал Дикуил, – напротив, лежит подобно быку, что все люди Франкского государства наблюдали на слоне императора Карла...»

Но недолго длилось безмятежное пребывание Абу-ль-Аббаса в уютном охотничьем парке. У императора была привычка во время походов или путешествий возить с собою своих детей, а то и весь двор. Не желая расставаться со своим любимцем, Карл и его стал повсюду таскать за собой. Так продолжалось до 810 года, ставшего роковым для заморского животного. В этом году император отправился на север, в Саксонию. Перейдя Рейн, он стал поджидать войско. И вот во время этой стоянки и окопел бедный Абу-ль-Аббас. Не исключено, что он стал жертвой эпидемии, косившей в этом году скот по многим северным областям.

Гибель слона произвела не менее сильное впечатление, чем его прибытие. Об этом опять заговорили все летописи, приравнивая печальное известие к самым тяжелым событиям года. «В том же году, когда умер слон, – повествовала одна хроника, – скончался и король Италии Пипин...»

Другой летописец, повествуя о всевозможных несчастиях, уточнял: «И король Пипин, сын императора, скончался, и знаменитый слон, которого Арон (то есть Харун. – А.Л.) прислал императору, внезапно умер...»

Так окончил свои дни знаменитый Абу-ль-Аббас, косвенный виновник многих великих событий, прожив при франкском дворе всего около девяти лет...

Византия

История со слонем увела нас на десять лет вперед от того момента, когда Карл впервые ощутил на своей голове императорскую корону. Думается, мы развлекли читателя, но в какой-то мере и приблизились к ответу на вопрос о «тайне императорского имени». Полную же разгадку следует искать в Византии.

Выше было указано на то, что Ахен и Багдад сблизили общие враги, одним из которых были испанские Омейяды, другим же, по началу меньше беспокоившим Карла, но значительно более опасным и непримиримым, – Византия.

Можно спросить: почему франкский король находился во враждебных отношениях с государством, с которым почти не имел общих границ и с которым ему, казалось бы, нечего было делить? Почему враждебность эта достигла таких размеров, что в борьбе с христианской державой христианскому королю пришлось прибегать к помощи мусульман?

Перед нами яркий пример того, как политика берет верх над религией (причем у такого ревностного блюстителя христианства, как Карл Великий). Существо же дела уходит в глубь веков, снова уводя нас к истокам.

Начиная с 476 года, когда захвативший Рим Одоакр формально упразднил Западную Римскую империю и отослал знаки императорского достоинства в «новый Рим», Константинополь, восточные императоры смотрели на себя как на *единственных* законных наследников Цезаря и Августа. Юстиниан попытался даже реставрировать Римскую империю во всем прежнем объеме; и хотя это ему не удалось, его преемники не собирались отказываться от подобных притязаний. Понятно, что в их глазах «варвар»-франк, развивший вдруг весьма бурную деятельность на Западе, был личностью весьма подозрительной. Вся его политика в Италии, от завоевания Лангобардского королевства и до установления протектората над беневентским герцогством, рассматривалась как цепь «узурпации», противозаконных актов, имевших целью ущемить права законных властителей. И, конечно же, самой главной из «узурпации», намного перекрывавшей все остальное, стало событие 25 декабря 800 года, нанесшее смертельный удар византийской идее «единства» империи.

Собственно, здесь-то и лежит решение вопроса о «тайне» Карла Великого. Из рассмотренных фактов с ясностью вытекает, что широко

разрекламированное Карлом «недовольство» коронацией было всего лишь дипломатической игрой, составляющей оборотную сторону заключенного им тайного политического союза с Багдадским халифом. С одной стороны, готовя грозную военную силу, которую в случае надобности можно было направить против Византийской империи, с другой, Карл всячески стремился показать, что он не желал превращаться в соперника восточного императора, и уж коль скоро так вышло, то вина за это лежит не на нем, а на папе Льве III.

Могла ли столь грубая уловка ввести в заблуждение искушенный в политических интригах Влахернский дворец? В обычных условиях – конечно, нет. Но вся хитрость Карла как раз и заключалась в том, что выбрал он время не совсем обычное.

В те дни в Византии был явно нарушен закон: у власти находилась женщина, причем женщина, похитившая трон ценою кровавого преступления^[10]. Это была императрица Ирина, с которой еще до захвата ею власти, Карл вел переговоры. Теперь, выражая лицемерное огорчение по поводу своей «неожиданной» коронации, новый император Запада одновременно заявлял о своем желании сохранить полное «единство» империи: с благословения папы он отправил в Константинополь особое посольство, имея целью предложить руку и сердце повелительнице православного Востока^[11]. И посольство было принято весьма благосклонно.

Без сомнения, то был кульминационный миг могущества Карла. Проводя политику «кнута и пряника», завязывая сложный дипломатический узел, франкский властитель, казалось, уже почти достиг того, что так и не удалось в свое время Юстиниану. Реализация брачного проекта соединила бы Восток и Запад под эгидой одного государя; Римская империя была бы восстановлена в своем полном объеме, в особенности, если учесть, что именно к этому времени Карл добился серьезных успехов в омейядской Испании, проник в Палестину и имел своих агентов в главных городах северной Африки – Карфагене и Александрии.

Однако все сорвалось. Сорвалось из-за непредвиденных обстоятельств.

Против Ирины давно уже зрело недовольство. Маневр Карла ускорил вызревание заговора знати. 31 октября 802 года, буквально на глазах уполномоченных франкского государя, произошел дворцовый переворот, в ходе которого Ирина была низложена, а византийский престол занял новый император Никифор. Это был весьма чувствительный удар для Карла. План

присоединения православного Востока рушился. Впрочем, даже теперь дипломатический ход хитроумного франкского монарха, свалившего всю ответственность за принятие императорского титула на папу, сыграл свою роль. На первых порах Никифор, введенный в заблуждение, порвал все отношения лично с папой, но еще продолжал какое-то время вести переговоры с Карлом! Разумеется, долго это продолжаться не могло и кончилось тем, что новый византийский император отказался признавать «самозванца». В воздухе запахло войной. Однако время Карл определенно выиграл, употребив его, в первую очередь, на создание сильного флота.

Вот тут-то он и сумел отыграть свой главный козырь – союз с Багдадским халифом. Франкская летопись глухо сообщает о новом посольстве к Харуну и об ответном багдадском посольстве, отправленном вместе с франкскими уполномоченными в 806 году и прибывшем в Ахен в 807 году, в самый разгар военных действий, начавшихся на Адриатическом море. Но если франкские источники молчат, то греческие и арабские материалы показывают, что именно в это время происходит серия весьма упорных баталий, которые Харун ар-Рашид ведет против Византии. С другой стороны, в том же 806 году Харун направляет своих послов и к Никифору.

Параллельно этому Карл усиливает давление на Византию и по другой линии, опять-таки реализуя добрые отношения, установившиеся с Багдадом. Он продолжает обмениваться посольствами с иерусалимским патриархом, посылает большие денежные суммы в Палестину. По его почину там воздвигаются церкви и странноприимные учреждения, оказывается регулярная помощь паломникам-христианам. И главное, есть указание на то, что франкский монарх активно вмешивается в споры о церковной догме, имевшие место в Иерусалиме, добиваясь проведения своей (западной) линии в этом вопросе. Таким образом, и здесь Карл умудрялся наносить удары своей сопернице – Византии, вырывая из-под ее духовного влияния целые регионы.

Все это дало осязаемые результаты. Византия, зажата между Франкской империей и Халифатом, одновременно атакованная с запада и востока, не могла слишком долго сопротивляться. В 810 году начались мирные переговоры. Знаменательно, что Ахенско-Багдадский союз не пережил этой даты. Как указывалось выше, именно в 810 году пал слон Абу-ль-Аббас; за год до этого ушел в лучший мир его первый хозяин, Харун ар-Рашид. Со смертью знаменитого халифа франкское влияние в Палестине окончилось. Гражданская война, вспыхнувшая в халифате, не пощадила и христианских святынь. Многие храмы Иерусалима и

окрестных мест были разрушены, монахи покинули свои обители. Из франкских источников почти исчезли сведения о событиях, связанных со Святой землей. Но к этому времени Карлу Великому уже удалось пожать плоды своей хитроумной восточной политики: через двенадцать лет после начала конфликта византийский император Михаил I формально признал его новый титул.

Глава третья. Император

Человек

В 800 году ему исполнилось пятьдесят восемь лет. Находясь в зените славы, он пребывал в расцвете сил и здоровья. Легенда навечно сохранила образ величественного старца с огромной белой бородой, облаченного в пышное одеяние, увенчанного золотой короной, с неизменными скипетром и державой в руках.

Реальный Карл-император, как следует из описаний современников, а также нескольких дошедших до нас портретных изображений, не имел ничего общего с этой декоративной фигурой.

Карл обладал высоким ростом, но отнюдь не был великаном, и, когда сидел, казался более рослым, чем когда стоял. Шея его была коротка, а живот толст и выдавался вперед. Он имел массивную голову, большие живые глаза, крупный нос и густые волосы. По обычаю франков отпускал длинные усы, но брил бороду. Голос его не соответствовал телосложению и казался слабым. В целом, прославленный император не отличался ни красотой, ни величавостью, но он превосходно держался, умея внушить почтение, а если нужно, и страх.

В основе этого была ярко выраженная авторитарность Карла, проистекавшая из полной и безусловной убежденности в своей правоте. Сам никогда не испытывавший сомнений и колебаний, он был наделен редким даром внушать окружающим веру в целесообразность своих идей и поступков. Характер его представляется сильным и ровным, ему были незнакомы всплески ярости, присущие Александру или Наполеону. Точно так же чужда была ему бессмысленная жестокость, и если летопись оставила отдельные примеры беспощадных решений Карла, то вызывались они только необходимостью, как сам он себе ее представлял.

Он ценил преданность и был доступен дружбе. Лишенный подозрительности, он даже в случае, когда близкий, доказавший неизменную верность, совершал промах и даже проступок, не карал его и не лишал доброго отношения^[12]. Известно, что, узнав о смерти папы Адриана, которого, несмотря на бывшие между ними трения, считал своим другом, Карл плакал, хотя исторгнуть слезу из глаз этого железного человека было непросто. Его привязанность к Алкуину сохранялась до самой смерти ученого, сопровождаемая выражением глубокой и постоянной приязни, хотя тот не раз позволял себе критиковать поступки императора. Так же любил он и многих других из своего окружения: Ангильберта,

Теодульфа, Эйнгарда.

Простой в отношениях с людьми, он не терпел пышности и церемоний в быту. Его повседневная одежда казалась более чем скромной, почти не отличаясь от костюма простолюдина. Как и все франки, он носил льняную рубаху и такие же штаны, ниже колен заправленные в полотняные обмотки и ремни сандалий. Сверху одевал короткую тунику и плащ, который в зимние месяцы подбивался мехом. Единственными украшениями, которые он признавал, были медные браслеты на руках и ногах да серебряные рукоятка и ножны меча, висевшего у бедра. Только по праздникам или принимая заморских послов, Карл надевал более дорогие одежды по византийскому образцу и покрывал голову диадемой.

Столь же прост был и образ жизни императора. Большую часть времени он проводил в походах – на коне или в палатке. Отсюда и его невзыскательность в еде. Больше всего любил он обедать прямо в лесу или на поле, после удачной охоты, когда дичь подается на вертеле. Те же привычки сохранял Карл и в пожилом возрасте, и когда врачи пытались его остеречь, запрещая есть жареное, он не желал их слушать. Дома, во дворце, он строго соблюдал посты, хотя и любил плотно поесть; зато мало пил и не терпел пьяниц. Но когда приходило время праздничных пиров, неизменно желал обилием вин и яств, а также всем застольным церемониалом поразить воображение иноземных гостей и доказать, что знает в этом толк не хуже властителей Востока.

До нас дошло красочное описание подобного празднества, сделанное придворным поэтом Карла, Теодульфом.

...Он восседает во главе стола, на высоком троне, увенчанный золотой короной. Подле него – прекрасная и благочестивая королева, чьи диадема и ожерелье сверкают тысячью огней, а лучезарная улыбка, которой она равно оделяет великого и малого, пленяет кротостью и добротой. Рядом с родителями – сыновья, полные силы, сметливости и ума, а также дочери, столь же прекрасные, сколь и несхожие между собой; у них нет иного желания, как нравиться отцу своей веселостью, свежестью, грациозностью осанки. Но вот расторопный глашатай дает сигнал, и вереница безмолвных слуг выстраивается за спинами гостей. Сенешал, за которым следует толпа поваров и пирожников, распоряжается подачей блюд. Виночерпии берут одной рукой кубки, другой наливают благородные вина. Пир начинается, а с ним и остроумные словесные состязания, в которых сам монарх удостоивает принять участие. Во время десерта беседуют о делах божеских и человеческих, а также слушают написанные специально для этого случая стихи...

После обеда император обычно отдыхал, имея обыкновение соснуть часок-другой, если это было возможно. Зато плохо спал ночью, по сообщению биографа, несколько раз просыпался, и не зная, как убить бессонницу, даже пытался использовать принадлежности для письма, заботливо хранимые под подушкой.

Любимыми развлечениями Карла были охота и купанье. Именно поэтому он сделал главной своей резиденцией, а затем и столицей Ахен, знаменитый горячими источниками и окруженный лесами, богатыми дичью. Это место недаром называли латинским именем Aquisgranus, по имени кельтского бога Грануса, отождествляемого с целителем-Аполлоном: во времена римлян здесь был известный бальнеологический курорт. Карл выстроил в Ахене термы, наподобие римских, в которых могли принимать водные процедуры более ста человек одновременно. Близ водоемов и в удобных для охоты местах были расположены и другие резиденции Карла – Геристаль и Дюрэн, Агтиньи, Вормс и Падерборн. Разъезжая по своим многочисленным виллам или даже отправляясь в более далекие путешествия, монарх, как упоминалось выше, имел обыкновение возить за собой всю свою семью.

Семья эта была многочисленной.

Официально Карл был женат пять раз. После Гимильтруды и Дизедераты он взял в жены чадолюбивую Гильдегарду, а после ее смерти сменил умерших одну за другой надменную Фастраду и кроткую Лиутгарду.

Гимильтруда родила Карлу первенца, нареченного в честь деда Пипином. Но отвергнув мать, король отверг и сына, тем более что тот имел физический недостаток, не позволявший сделать его наследником, – Пипин был горбатым. Устраненный от права наследования, Пипин-горбун впоследствии принял участие в заговоре против Карла и был заточен в монастырь.

От Гильдегарды император имел трех сыновей – Карла, Пипина^[13] и Людовика, причем последнему из них было суждено унаследовать престол, а двое других умерли раньше отца.

Были у Карла и пять дочерей – Ротруда, Берта, Гизела, Теодрада и Гильтруда. Судьбу их не назовешь особенно счастливой: император всю жизнь держал их при себе и не разрешал выйти замуж. Биограф Карла утверждает, что виной тому была чрезмерная отеческая любовь, делающая невозможным расставание. В этом можно усомниться; скорее дело заключалось в том, что не находилось достаточно «достойных» женихов. Источники сохранили два примера, которые подтверждают эту догадку.

В 781 году Ирина, мать византийского императора Константина VI, прислала сватов к франкскому двору с предложением отдать за сына Ротруду, дочь Карла. Ротруде было тогда семь или восемь лет, Константину – десять. Тем не менее Карл с радостью ухватился за этот проект и тут же поручил обучать девочку греческому языку и византийским обычаям, выделив группу клириков, которые, пройдя подобное же обучение, должны были сопровождать невесту в Константинополь. Брак, вероятно, мог состояться, если бы не вмешалась политика. Пять лет спустя осложнения между Византией и Франкским государством из-за Беневента привели к нарушению договора, и когда византийские сановники прибыли за Ротрудой, Карл их не принял.

Второй пример не менее показателен. В 789 году Карл сватал дочь мерсийского короля Оффы за своего сына. Англичанин выразил согласие, но при этом поставил условие, чтобы Карл в свою очередь отдал за его сына принцессу Берту. Франкский король был настолько возмущен этим предложением, что на какое-то время порвал все отношения с Британией.

Так, считая возможным и даже важным матримониальное родство с Византийской империей, которая была ему «ровней», Карл и думать не желал о браке какой-либо из своих дочерей с монархами европейских государств, которых он считал чуть ли не своими вассалами.

Подобная «стратегия» имела и соответствующие результаты. Всему двору были известны амурные похождения его дочерей, а две из них за спиной отца все же вступили в тайный брак: Ротруда сошлась с неким графом Рориго, а Берта сделалась подругой придворного поэта и советника императора Ангильберта, от связи с которым родила сына, будущего историка Нитарда.

Сам Карл, впрочем, не подавал своим детям примера высокой нравственности. После смерти Лиутгарды, последовавшей в июне 800 года, он, хотя больше и не женился, имел нескольких наложниц и внебрачных детей, из которых двое в будущем стали заметными фигурами: Дрогон, епископ Меца, и Гуго, аббат Сен-Кантена.

По утверждению его биографа, Карл очень любил свое потомство, законное и незаконное; во всяком случае, сыновьям и дочерям он упорно стремился дать то, чего с детства лишен был сам, – знания. Об этом будет рассказано ниже. А сейчас лишь заметим, что, хотя император и не получил правильного образования, он компенсировал этот недостаток природным умом, ясным, твердым и гибким. И еще замечательным трудолюбием. Не может не подкупать его серьезность и деловитость неутомимого работника, полного сознания своего долга, его одинаковая углубленность и

добросовестность в любом деле – подсчитывает ли он доходы одного из своих многочисленных поместий, дает ли указания администраторам или решает проблему глобального масштаба. Он был подлинным Хозяином с большой буквы и в лучшем смысле этого слова.

Хозяин

Основой могущества Карла были его огромные частные земли – родовые домены Каролингов. Они складывались столетиями. Сюда вошли и конфискации Карла Мартелла, и приобретения Пипина Короткого. Карл Великий своими войнами и карательными акциями намного увеличил домениальные фонды предков. Мы не располагаем точными данными о его личных владениях; источники упоминают всего около трехсот единиц, но список, составленный на основе этих упоминаний, конечно же, не может претендовать на исчерпывающую полноту (см. Приложения). Главное место среди земель Карла занимали палации или пфальцы, в каждом из которых имелся дворец (palatium), где император останавливался во время своих бесконечных передвижений. Из подобного палация вырос и Ахен, превратившийся в столицу империи. Такими же резиденциями-пфальцами были Дюрен, Тионвиль, Керси, Атгиньи, Нимвеген, Падерборн. Собственно поместий (вилл) источники насчитывают сто с небольшим; к ним следует прибавить еще около сотни объектов – городов, деревень, местечек, отдельных дворов, хуторов, лесных массивов, пустошей. Благодаря отчетам королевских ревизоров, мы располагаем описанием ряда пфальцев и вилл. Центром каждого пфальца были государевы хоромы – обширный каменный дом-дворец с несколькими парадными покоями и десятками горниц. Во дворце – обилие всевозможной мебели, посуды, утвари, одежды, белья; большинство этих предметов тщательно упаковано в массивных сундуках и поставцах. Господский двор, обнесенный крепким тыном с каменными воротами, полон хозяйственных построек; среди них упоминаются кухни, хлебопекарни, амбары, давальни винограда, конюшни, коровники, свинарники, овчарни, птичники. За усадьбой обычно расположен сад, засаженный фруктовыми деревьями и всевозможными растениями. К пфальцу тянет несколько вилл – поместий. Каждая из вилл также обладает господским двором и домом, но размером поменьше и, как правило, не каменным, а деревянным; вокруг двора располагается деревня, населенная крестьянами; вилле подчинено несколько хуторов и обособленных дворов.

Как эксплуатировалась вся эта масса земель? Небольшая их часть сдавалась в аренду, все же остальное шло на личные потребности государя, его семьи и на содержание двора. С этой целью Карлом была создана простая, но довольно разветвленная административная система,

деятельность которой регулировалась особыми капитуляриями и указами.

Все королевские домены распределялись по тридцати трем административным округам или фискал (fisci). Во главе каждого из них стоял особый управляющий (judex) – весьма важная персона, приравненная по положению к дворцовому графу. Управляющий ведал надзором за всеми пфальцами и виллами, входившими в состав фиска, и нес полную ответственность за нормальную жизнедеятельность всего хозяйственного организма. Управляющий имел помощников – вилликов или майеров, каждый из которых ведал отдельным поместьем-виллой; согласно инструкции Карла, виллик должен был иметь под надзором столько земли, сколько мог обойти и осмотреть в течение дня. В распоряжении виллика находились также многочисленные подчиненные – лесники, конюхи, скотники и т.д.

Непосредственными производителями в поместье были крестьяне. Они делились на несколько категорий: лично-свободные, полусвободные, крепостные, рабы. Но положение всех их было примерно одинаково: они сидели на наделах (мансах), несли барщину и платили оброки. Наряду с землепашцами, составлявшими большинство трудового люда поместья, в нем жили и различные ремесленники: кузнецы, кожевенники, башмачники, ювелиры, седельщики, плотники, токари. Женщины, работающие в специальных мастерских, пряли, ткали и окрашивали лен и шерсть.

Карл проявлял известную заботу о своих работниках. Он требовал, чтобы с ними хорошо обращались «и не доводили до разорения». Он разрешил им жаловаться на своих утеснителей, но одновременно не забывал напомнить, чтобы жалобы не отвлекали людей от работы. Главное, что волнует хозяина поместий, – получение максимальных доходов и их строжайший учет. «Желаем, чтобы поместья наши... всецело служили нам, а не другим людям» – такова первая заповедь, с которой он начинает свои наставления управляющим. А дальше следуют уточнения: управляющий должен зорко следить, чтобы работники поместья не воровали, не бездельничали, не припрятывали семян, не уклонялись от уплаты положенных податей, «не шатались праздно по рынкам», не занимались «иными лиходействами». Подбирая себе помощников, управляющий должен искать их не среди «людей сильных» – с такими трудно будет справиться, – «но из людей среднего достатка и верных». Сами управляющие должны также исправно и честно исполнять свои обязанности. Прежде всего, по своей должности они обязаны творить суд и следить за порядком во вверенных им фискал, отказываться от взяток и подношений и никоим образом не использовать для своих личных нужд

людей поместья. Им категорически запрещается пользоваться чем-либо из господских доходов, откармливать свиней на господских желудях и выхаживать щенят (пусть даже принадлежащих королю) иначе, чем на своих харчах. Им не ведено принимать в господских домах и брать на королевское иждивение других, пусть даже официальных лиц, посланных государем, а что до уплаты положенных податей – здесь они да будут примером для всех остальных! Они должны следить за состоянием заповедных лесов и вылавливать не только браконьеров, но и волков, чьи шкуры следует немедленно доставлять государю. Они обязаны обеспечить чистоту и опрятность при заготовке продуктов и давать регулярно подробнейший отчет во всем произведенном, отправляя что положено во дворец и точно фиксируя остаток. Любое упущение управляющего и его доверенных лиц тут же каралось, причем не только высоким штрафом, но и жестокой поркой на виду у всего двора.

Да, император был строг со своими подчиненными и беспощадно боролся с тем, что мы сегодня называем коррупцией. И это ему удавалось легко, поскольку сам он прекрасно разбирался во всех тонкостях своей поместной экономики, умел считать кур и гусей на своих птичьих дворах и рыбу в своих садках. Он точно знал, какие и когда продукты к нему должны поступить и мог перечислить свыше ста видов овощей, фруктов и трав (иные из которых сегодня и ботанику неизвестны!), произраставших в его садах и огородах. Чтобы не быть голословными, приведем соответствующий параграф капитулярия. «...Желаем, чтобы в садах имели всякие травы и овощи, а именно, лилии, розы, козлиный рог, колуфер, шалфей, руту, божье дерево, огурцы, дыни, тыквы, фасоль обыкновенную, тмин садовый, розмарин, тмин обыкновенный, бараний горох, морской лук, спажник, эстрагон, анис, дикие тыквы, гелиотроп, медвежий корень, жабрицу, салат, чернушку, английскую горчицу, кресс, репейник, перечную мяту, кровочист, петрушку, сельдерей, любисток, можжевельник, укроп огородный, укроп лекарственный, цикорий, купену, горчицу, богородскую траву, жеруху лекарственную, мяту, мяту душистую, дикую рябину, кошачью мяту, золототысячник, мак, свеклу, копытень, проскурник лекарственный, мальву, морковь, пастернак, дикий шпинат, шпинат огородный, брюкву, капусту, лук зимний, лук сеянец, порей, редьку, шарлот, лук обыкновенный, чеснок, марену красильную, ворсянку, горох мавританский, кориандр, кервель, молочай, шалфей полевой. И пусть садовник имеет на своем доме молодило кровельное. О деревьях желаем, чтобы были яблони, груши, сливы различных сортов, рябина, кизил, каштаны, персиковые и айвовые деревья, орешник, миндальные, тутовые,

лавровые деревья, пинии, фиговые деревья, грецкий орешник, вишни разных сортов, яблоки сладкие и покислей, все зимние сорта и те, которые надо есть прямо с дерева, и яровые сорта. Зимних сортов груш три, и четыре послаще, и те, которые надо варить, и поздние сорта...»

Не менее интересен другой параграф, посвященный ежегодному отчету по фискал:

«...Пусть управляющие наши ежегодно к Рождеству Господню отдельно, ясно и по порядку извещают нас о всех наших доходах, чтобы мы могли знать, чего и сколько имеем по отдельным статьям, именно, сколько вспахано быками, на которых работают наши погонщики, сколько пахоты с тяглых мансов, сколько поросят, сколько оброков, сколько по долговым обязательствам и штрафов по суду, сколько за дичь, выловленную в наших чащах без нашего разрешения, сколько за разные проступки, сколько с мельниц, сколько с лесов, сколько с полей, сколько с мостов и судов, сколько со свободных людей и сотен, обслуживающих нужды нашего фиска, сколько с рынков, сколько с виноградников и с тех, кто платит вином, сколько сена, сколько дров и факелов, сколько тесу и другого материала, сколько с пустошей, сколько овощей, сколько пшена и проса, сколько шерсти, льна и конопли, сколько плодов с деревьев, сколько орехов и орешков, сколько с привитых деревьев разного рода, сколько с садов, сколько с репных гряд, сколько с рыбных садков, сколько кож, сколько мехов и рогов, сколько меду и воска, сколько сала, жиров и мыла, сколько вина ягодного, вина вареного, медов-напитков и уксуса, сколько пива, вина виноградного – нового и старого, зерна – нового и старого, сколько кур, яиц и гусей, сколько от рыболовов, кузнецов, оружейников, сапожников, от выделывателей квашней и сундучников, сколько от токарей и седельников, сколько от слесарей, от рудников железных и свинцовых, сколько с тяглых людей, сколько жеребчиков и кобылок...»

По-видимому, Карл и сам понимал, что требует от своих управляющих чрезмерно много. Поэтому он словно бы оправдывается и объясняет:

«...Все вышеуказанное пусть не покажется управляющим нашим слишком обременительным, раз мы этого требуем; ибо желаем, чтобы и они сами подобным же образом требовали все от своих подчиненных...»

И управляющие, виллики, а также вся их команда выбивались из сил, чтобы угодить властителю и сохранить свои бока нетронутыми. Во дворец регулярно отправлялись подводы, груженные салом, копченым мясом, соленьями, вяленой рыбой, птицей, сыром, маслом, горчицей, медом, воском, уксусом, овощами и еще очень и очень многим.

Проверяя ежегодные отчеты и прикидывая излишки, Карл точно

определял, что оставить на семена, сохранить на разведение или на засолку, а что продать. Деньги от продажи, естественно, шли во дворец.

Приходится констатировать, что в данном вопросе великий император не поднялся над уровнем своего времени и обычаями своих предков. Он не понимал функций и значения денег в хозяйстве. Он придирчиво требовал их, заботливо собирал и... подобно «скупому рыцарю» складывал в свои сундуки.

Когда после разгрома аваров в его руки попали несметные сокровища, он, раздав часть их своим сподвижникам и церкви, остальное похоронил в своих подвалах. С другой стороны, его завещание, сохраненное Эйнгардом, наглядно показывает, что, вздыхая о судьбе империи, он даже не оставил общегосударственной казны! Дети и внуки наряду со слугами получили ничтожную часть накопленных денег, остальное пошло церкви: забота о «спасении души» отодвинула на задний план заботу о судьбе государства.

Впрочем, не следует забывать, что VIII–IX века – время господства натурального хозяйства, и естественно, что даже гений Карла не мог перескочить через барьеры, установленные экономическими законами его эпохи. Но при этом, как мы увидим, скопидом в своем личном хозяйстве, он смотрел гораздо шире, когда речь шла о той же торговле в пределах всей страны.

Постоянно занимаясь своими поместьями, их проблемами и структурой, Карл постепенно выработал определенную модель, которую затем постарался распространить на монастыри и на частные хозяйства светских землевладельцев, связанных с ним феодальными узами. Он заставил, в первую очередь крупные церковные учреждения, составить описи своих имуществ и доходов от земли – так называемые «полиптики». Особенную известность получил полиптик аббатства Сен-Жермен-де-Пре под Парижем, являющийся кладезем фактов для историка, занимающегося экономикой этой эпохи. Но здесь мы уже от частного переходим к общему и от Хозяина – к Государю.

Государь

Свою огромную державу Карл тоже рассматривал как вотчину и регулировал ее жизнь теми же методами и средствами, которые применял к домениальным поместьям. Вдохновляемый идеалом мира, порядка и равновесия, он проводил здесь целенаправленную политику, которая в современной историографии получила имя «дирижизма». От него исходили распоряжения на все случаи жизни. Его сановники и министерялы ведали отдельными нитями управления, но все нити сходились в руках императора.

Центром управления страной оставался двор (Palatium), который мало изменился по сравнению с меровингской эпохой. Референдарии прежних времен исчезли; их заменил канцлер, назначаемый монархом из среды духовенства, заведующий канцелярией и армией нотариев, составлявших императорские письма, дипломы, иммунитетные грамоты. По вполне понятным причинам была упразднена и должность майордома, некогда породившая могущество Каролингов; вместо этого прежний дворцовый граф (comes palatii) объединил в своих руках судебные и наблюдательные функции. Новым лицом стал архикапеллан, епископ или аббат, ведавший общими церковными делами. Что же касается других должностей – сенешала, кубикularioв, маршалов и т.п., то все они остались прежними, причем, как и во времена Меровингов, каждый из них, выполняя домашние (дворцовые) функции, мог по воле монарха быть нагружен и общегосударственными делами; так, сенешал, в обычное время ведавший домом и кухней, при необходимости мог быть поставлен во главе армии, коннетабль – заведовать походным обозом, а виночерпий – отправиться послом во вражеский лагерь. Кроме перечисленных лиц во дворце постоянно проживала многочисленная челядь, молодые люди из знатных фамилий, а также «товарищи» короля (comites) – тесная группа лиц, спаянных давнишними отношениями дружбы и приязни, на каждого из которых монарх мог положиться, как на самого себя.

Карл имел также свой совет, куда приглашал кроме высших придворных магистратов тех из числа магнатов, мнение которых ему было угодно выслушать. Этот совет разрешал прежде всего придворные конфликты, но его компетенция в некоторых случаях распространялась и на более общие дела. Ежегодно летом монарх созывал «Генеральный сейм» (Generale placitum), который обсуждал общеимперские дела и состоял

якобы из «всего народа». На деле же на сейм созывались только крупные вассалы, да и то избранные. Причем они лишь совещались, а решения принимал император. Вот эти-то решения и доводились до сведения «всего народа», в этом и заключалось участие его в управлении государством.

Территория империи управлялась довольно единообразно. Вся она делилась на ряд крупных регионов – «провинций», по выражению источников. Таких «провинций» (если исключить Италию) насчитывалось всего одиннадцать: Франция, Аквитания, Васкония (Гасконь), Септимания (Готия), Провинция (Прованс), Бургундия, Аламания, Бавария, Тюрингия, Фризия, Саксония. Франция, в свою очередь, распадалась на Нейстрию и Австразию. Но все названные «провинции» не имели административного значения: это были исторически сложившиеся территории, принадлежавшие когда-то в большинстве своем определенному народу (франкам, баскам, готам, бургундам, баварам, саксам и т.д.), а затем в разное время они были абсорбированы Франкским государством. Административное значение имели подразделения «провинций» – графства, на которые они распадалась и которые создавались на основе более древних округов – пагов. Как и паги, графства были очень неодинаковы по размерам; среди них попадались совсем крошечные, как графство Санлис, и огромные, как Овернь. Во главе каждого графства, как и при Меровингах, стояли светская и духовная власти – граф и епископ. Граф ведал «телами», а епископ «душами» подданных, и в принципе они должны были дополнять друг друга, причем при Карле контакт между ними установился более тесный, чем раньше. Однако из-за неясности разграничения их функций бывали частые неувязки, и тогда на сцене появлялись «государевы посланцы» (*missi dominici*).

Этот институт сложился давно, и предки императора кое-когда пользовались им. Но только Карл сделал его постоянным и регулярным, введя в административную систему. При нем вся территория государства была разделена на несколько округов (*missatica*), и каждый подлежал контролю двух посланцев, один из которых был лицом светским, другой – духовным. Посланцы исполняли свои должности в течение года, иногда – в течение нескольких лет. Они совершали объезд округа зимой, летом или осенью и во время своей миссии обладали всей полнотой власти. Они разъясняли населению королевские указы, следили за их исполнением, контролировали церковные дела и поведение духовенства и наблюдали за всем, что затрагивало интересы монарха. Когда после принятия императорского титула, в 802 году, Карл решил возобновить присягу всего населения, именно государевы посланцы проводили этот обряд по всем

регионам государства. Чаще же всего их внимания удостоивалась деятельность представителей областной администрации – тех же графов и епископов, причем посланцы могли не только отменять их приговоры и постановления, но и смещать с должностей. Для этой весьма ответственной деятельности император, разумеется, выбирал самых испытанных людей из числа сановников и высшего духовенства.

Карл внес некоторые изменения в судебные функции графов. В начале 80-х годов появилось предписание, согласно которому граф был обязан на свои ежемесячные судебные заседания приглашать представителей вверенного ему округа из людей «благородных, мудрых и богобоязненных». Эти заседатели, получившие имя «скабинов», фактически стали судьями, роль же графа отныне сводилась к председательству во время сессии и оглашению приговора.

Существовал и суд королевский, в котором председательствовал лично Карл или, в его отсутствие, дворцовый граф. Здесь иной раз решалось дело и в первой инстанции, но, как правило, королевский суд разбирал дела по апелляциям, если одна из тяжущихся сторон не была удовлетворена решением областного суда. Широко был распространен в качестве апелляционного и Божий суд, не изменившийся со времен Меровингов и заключающийся в испытании водой, каленым железом или судебным поединком.

Очень чутко император относился к проблемам многочисленных народов, входивших в состав его державы. Особое внимание он обращал на сбор и приведение в порядок многочисленных «варварских правд». По его почину были сделаны значительные дополнения к законам салических и рипуарских франков, а также баваров; были заново записаны «правды» хамавов, англов, фризов и тюрингов. В 802 году император повелел обнародовать «права всех народов... не имевших писаных законов». Были оставлены в силе старые «римские» законы, но сверх того каждый большой регион получил свой кодекс; до нас дошли «наказы» для Аквитании, Ломбардии, Саксонии, Северной Испании. Евреи судились по своим законам; было предписано, чтобы каждый из жителей государства, к какому бы народу он ни принадлежал, непременно знал свои законы. Сочетание строгой унификации в области религии и управления страной с уважением к традициям каждого народа, населяющего империю, – в этом одна из самых замечательных черт Карла как государя.

Италия имела особый статус. Император сохранил здесь многие из старинных учреждений, система графств лишь частично затронула ее. Провозгласив Италию королевством, Карл еще раз подчеркнул этим ее

исключительное положение. Позднее, в 806 году, император формально разделил всю территорию государства между своими тремя сыновьями. Раздел лишь подтвердил то, что было установлено ранее. Италия и Аквитания с сопредельными областями закреплялись за королями Пипином и Людовиком. Старший, Карл, получал все остальное. Сохранялась ли при этом идея единства империи? По-видимому, да. Впрочем, это вопрос спорный (см. Приложения). Раздел должен был вступить в силу после смерти императора. Но поскольку он пережил двух старших сыновей, акт 806 года утратил силу, и государство осталось единым.

Нам мало что известно о жизни рядовых подданных Карла Великого. Ведь исследователь, занимающийся этим временем, черпает основные материалы из юридических документов, а они почти ничего не сообщают о «безмолвствующем большинстве», по образному выражению историка. Поэтому приходится ограничиться лишь самыми общими сведениями.

В те времена большая часть Западной Европы все еще была покрыта лесами и болотами, расчисткой и осушением которых занимались почти исключительно монастыри. Обжитая часть территории Франкского государства являла собой лишь более или менее значительные зоны, представлявшие как бы вкрапления в этот дикий массив. Такие зоны, если оставить в стороне Италию, можно отметить в Иль-де-Франсе, Пикардии, Фландрии, Шампани, Лотарингии, в некоторых районах Баварии и Тюрингии. Города, оставшиеся от римских времен, были, как правило, резиденциями высшего духовенства. Наиболее значительные из них, такие, как Реймс, Пуатье, Лион или Нарбонна, насчитывали 5–10 тысяч жителей. Основное население обитало в деревне. Неотвратимым результатом крайне примитивной сельскохозяйственной техники и неоснащенности ею основной крестьянской массы являлись низкая урожайность и частые голодовки. Правительство делало некоторые (очень робкие) шаги к поддержанию голодающих; есть сведения, что в неурожайные годы император пытался даже нормировать цены на хлеб. Все это, однако, давало ничтожные результаты.

Господство замкнутого хозяйства при очевидной нищете основной массы населения почти исключало внутреннюю торговлю, первые ростки которой едва начали пробиваться в IX веке. На областных рынках господствовал натуральный обмен. По наземным, а еще более по речным путям в ближайшие районы везли продовольствие и нехитрые товары местного производства; эта меновая торговля находилась в руках фризов и евреев. Что же касается привилегированных классов – дворян и верхушки церковников, – то они пользовались почти исключительно импортными

товарами, привозимыми из Византии или с мусульманского Востока. Транзит шел разными путями – через богатую Италию, через города Септимании и Прованса, через Нант и Бордо, через Ла-Манш и Северное море, где главную роль играл крупный торговый порт Квентовик, к которому тянулись монастыри Сен-Вааст, Сен-Бертен и Сен-Рикье. Здесь действовали профессиональные купцы – генуэзцы, ирландцы, бретонцы, англо-саксы, а объектами транзита были рабы, лошади, соль, вино, пергамент и тисненная кожа, благовония, металлы, пурпурные ткани, индийский жемчуг, редкие животные. Карл покровительствовал этой торговле, поскольку казна получала десятую часть от каждой сделки.

В отношении денег, которые постепенно начинают играть все большую роль в хозяйстве страны, Карл прежде всего продолжил реформу отца, установившего серебряный монометаллизм; золотые солиды чеканились лишь в виде редкого исключения. Серебряный ливр Карла весил около 400 граммов и состоял из 240 денье; эта система доминировала в Западной Европе до XIII века. Король имел монополию на чеканку монеты, при империи дважды подтвержденную особыми указами (в 805 и 808 годах). Чеканка производилась в главных городах страны, позднее же сосредоточилась в Ахене; серебром столицу снабжали рудники в Меле (Пуату) и в Гарце. Начиная с 790 года с монет стали исчезать названия монетных дворов, уступив место профилю и имени короля, а с 800 года – императора.

Одновременно с этим Карл проявлял заботу о единстве мер и веса. Им была принята стабильная весовая единица – фунт (ливр), а также мера жидкостей и сыпучих тел – модий. Модий был равен примерно 52 литрам и распадался на 16 секстариев; эталон этой меры был выставлен во дворце. Указы императора строго требовали, чтобы население страны употребляло только эти меры как в торговле, так и в любых частных взаимоотношениях, и благодарные потомки не забыли этой реформы.

Впрочем далекое потомство прославляло государя не столько за его экономические реформы, сколько за выдающуюся созидательную деятельность в качестве просветителя и зодчего, стремившегося создать новый мир, неведомый его предкам.

Демииург

Мы упоминали, что образование императора было более чем скромным: за всю жизнь он так и не научился писать, хотя прилагал к этому немалые старания. Но он читал и говорил по-латыни и понимал на слух греческую речь. С помощью секретарей он вел обширную переписку, сочинял капитулярии и другие документы, хорошо говорил и даже пел. Уже будучи взрослым, он изучал логику, риторику и астрономию. Карл всемерно покровительствовал литературе и наукам, любил книги и мог цитировать наизусть целые пассажи из сочинений святого Августина. Привлекая ко двору выдающихся богословов, грамматиков и поэтов, он мечтал создать вокруг себя «Новые Афины». Потомки даже окрестят его старания и успехи в этой области «каролингским ренессансом». И хотя термин этот в целом представляется несколько претенциозным, в нем, без сомнения, есть зерно истины.

Все началось с итальянских походов. Во время войны с Дезидерием Карл нашел своих первых сеятелей на ниве науки; это были историк лангобардов Варнефрид, более известный под именем Павла Диакона, и знаток классической литературы Павлин Аквилейский. Вскоре к ним присоединился еще один литератор – Петр из Пизы. Папа Адриан уступил Карлу двух преподавателей церковного пения, организовавших свои школы в Меце и Суассоне. Из мусульманской Испании прибыли готы Агобард и Теодульф, слывший первым поэтом своего времени. Ученых готов поставляла и Септимания (Готия). А после присоединения Баварии плеяду эрудитов Ахена пополнили проповедники Фрейзингенской церкви Арн и Лейдрад. Но главные центры, «экспортировавшие» франкам знания, находились на Британских островах. Ирландские монахи подарили Карлу астронома Дунгала и географа Дикуила, о котором уже упоминалось выше; из Англии же прибыл человек, сделавшийся первым помощником императора, причем не только в сфере науки и культуры.

Алкуин (или Альбин), англо-сакс, уроженец Нордумбрии и питомец Йоркской епископальной школы, которую он окончил под руководством знаменитых проповедников Экберта и Эльберта, поразил Карла своими познаниями уже при первой встрече, имевшей место в 781 году. Монарх сразу пригласил англичанина к сотрудничеству, и тот не замедлил появиться при франкском дворе. Будучи не только всесторонне образованным ученым, но и прекрасным организатором, он содействовал

быстрому насаждению по всей стране начальных и средних школ, а в Ахене создал нечто вроде элитарной школы, получившей название Придворной Академии. Именно здесь Алкуин утвердил в преподавании «семь свободных искусств», позднее обосновавшихся в средневековых университетах, – «тривиум», в состав которого входили грамматика, риторика, диалектика, и «квадривиум», включавший арифметику, геометрию, астрономию и музыку. Наставляя своих учеников, учитель предлагал темы для дискуссий, собственным примером побуждая изучать греческих и римских авторов и подражать им стихами и прозой. В Академии прилежно обучались сам император, члены его семьи и одаренные юноши из придворных; в их число входили сформировавшиеся здесь молодые таланты – поэт Ангильтберт и Эйнгард, будущий биограф императора.

В Академии господствовали классические и библейские традиции, о чем свидетельствуют даже имена, данные согласно англо-саксонскому обычаю ее членам. Так, император в Академии прозывался Давидом, Алкуин – Горацием, Теодульф – Пиндаром, Ангильтберт – Гомером, Эйнгард – Веселиилом. Сами же занятия носили характер дружеских бесед, во время которых стирались различия между учащимися и учителем – каждый стремился равно блеснуть своими познаниями и остроумием. Вот типичный образец «Диалога между учителем (Алкуином) и учеником (королевским сыном Пипином)», сохранившийся от той поры:

«...– Что такое письмо? – Хранитель истории. – Что такое слово? – Предатель мысли. – Кто рождает слово? – Язык. – Что такое язык? – Бич воздуха. – Что такое воздух? – Хранитель жизни. – Что такое жизнь? – Радость счастливых, печаль несчастных, ожидание смерти для всех. – Что такое человек? – Раб смерти, гость места, проходящий путник...»

После ряда вопросов о состоянии человека и частях его тела начинается разговор о вселенной и явлениях природы:

«...– Что такое небо? – Вращающаяся сфера, неизмеримый свод. – Что такое свет? – Лица всех предметов. – Что такое день? – Пробуждение к труду. – Что такое солнце? – Блеск вселенной, краса небес, прелесть природы, распределитель часов. – Что такое земля? – Мать растущего, кормилица живущего, хранительница жизни, пожирательница всего. – Что такое море? –

Путь отважных, граница земли, гостиница рек, источник дождей...»

Разбирая времена года, собеседники устанавливают, что зима – изгнанница лета, весна – живописец земли, лето – ее одежда, осень – житница года, а год – колесница мира, которую везут ночь и день, холод и тепло, а правят – солнце и луна.

Заканчивается диалог рядом загадок, которые учитель задает, а ученик разгадывает, вроде «мертвые породили живого, а дыхание живого пожрало мертвых...», что оказывается огнем, возникшим от трения щепок и затем спалившим эти щепки...

Из приведенного видно, что занятия в Академии не столько служили практическим целям, сколько были отдыхом для придворных, своеобразной интеллектуальной разминкой, причем присутствие женщин привносило в словесные упражнения и экспромты изрядную дозу романтики, подчас вызывая некоторую настороженность у чуткого ментора. «Пусть не витают перед твоими окнами коронованные горлицы, порхающие по дворцовым палатам», – увещевал своего легкомысленного ученика Алкуин, втайне сознавая, что его наставления пропадают даром. Некоторые современные исследователи, увлеченные подобными нюансами, даже пытаются сблизить эти ахенские собрания с литературными кружками времен Петрарки и Боккаччо, находя в дошедших до нас образцах каролингской поэзии и прозы, равно как и в произведениях придворного эпистолярного искусства, мотивы, предвосхищающие Высокое Возрождение. Как бы ни относиться к подобным взглядам, нельзя не признать, что эпические или шуточные стихи Теодульфа и Ангильберта, а также их (и не только их) переписка обнаруживают людей чуждых ученого педантизма, отражая индивидуальные черты и эмоции образованных интеллектуалов.

Но не следует думать, будто «каролингский ренессанс» коснулся лишь самой верхушки общества. Карл и его коллеги по «Придворной Академии» стремились к расширению грамотности и элементарных знаний в гораздо более широких масштабах. Открытие начальных школ, прежде всего – при монастырях, стало всеобщим явлением. В специальной инструкции Карла, датированной 789 годом, прямо сказано: «Пусть создаются школы, чтобы учить детей читать, пусть в каждом аббатстве, в каждой епархии обучают псалмам, нотам, пению, счету, грамматике». По этому поводу было дано несколько капитуляриев, выносились специальные решения соборов; есть основания думать, что Алкуин и Теодульф были главными инициаторами и проводниками реформы школьного дела. В целом, стараниями Карла и его

содельников было сделано то, чего многие государства Европы не добились и тысячелетие спустя.

Говоря о литературе, полезно вспомнить, что «каролингский ренессанс» заложил основы средневековой историографии. Именно тогда появились погодные записи главных событий – Анналы, ставшие незаменимым материалом для всякого, изучающего эпоху Карла Великого и его ближайших потомков. Среди этих летописей особое место занимают Большие, или Королевские Анналы, авторство которых некогда приписывали Эйнгарду. И хотя в настоящее время это предположение отброшено, Эйнгард остается бесспорным создателем лучшего литературно-исторического памятника Средневековья – бессмертной «Жизни Карла Великого».

Всеобщим увлечением стало отыскивание и собиpание древних рукописей. Алкуин и его ученики занимались реставрацией попорченных текстов и их исправлением, после чего составлялись многочисленные списки, рассылаемые по разным хранилищам. Благодаря этому оказались сбереженными для грядущих поколений многие памятники античной литературы. Сам Алкуин долгие годы работал над пересмотром текста Священного Писания; окончив его на старости лет, ученый послал исправленный список в подарок императору.

Император уделял большое внимание не только содержанию, но и оформлению рукописей. Его повелениями при монастырях создавались специальные мастерские каллиграфии – скриптории, своеобразные лаборатории книжного искусства. Главная из них находилась в Туре, под непосредственным патронажем Алкуина. От нее стремились не отстать каллиграфические школы Меца, Реймса, Сен-Дени и Корби. Имелся скрипторий и непосредственно при ахенском дворе. Во всех перечисленных мастерских работа строилась на новой основе. Был реформирован рукописный шрифт – вместо прежнего неразборчивого меровингского курсива был создан тщательно отработанный «каролингский минускул» – изысканный прообраз будущих типографских шрифтов. Подлинное богатство каролингской книги составляли ее иллюстрации – уникальные миниатюры, не уступавшие византийским, исполненные золотом и яркими красками, а также роскошные переплеты, украшенные резьбой по слоновой кости и драгоценными камнями.

Все эти рукописные сокровища отнюдь не погребались в монарших сундуках, а становились достоянием грамотных людей. С благословения Карла по всей стране создавались библиотеки, причем некоторые из них, такие, как книгохранилища Корби, Сен-Рикье, Жюмьежа, Фонтенеля,

Флери или Сен-Дени, получили широчайшую известность.

Проявил себя Карл-демиург и как неутомимый строитель, вполне оправдывая свое второе имя – Давид. По его почину прокладывались дороги, прорывались каналы, возводились мосты, вырастали десятки дворцов и храмов. Прежде всего он, разумеется, обустроил и цивилизовал стольный Ахен, который, по мысли Карла, не уступая в красоте Риму и Константинополю, должен был являть земной образ небесного Иерусалима, благо именно здесь разрабатывался план создания христианской империи. Упоминавшиеся выше термы были лишь частью выросшего к началу IX века дворцового комплекса, созданного архитектором Эдмом из Меца, вдохновленным трудами Витрувия и опиравшимся на советы геометра Теодульфа и знатока византийской архитектуры Павла Варнефрида. Наследник императоров Рима не желал отставать от пышности их жилищ. Ахенский дворец, как показывают его следы, был весьма обширен, поскольку должен был вмещать весь двор. В центре находились покои императора и его семьи, а также большой зал для приемов. Боковое крыло, включавшее школу, библиотеку, архивы, соединяло зал с капеллой – главной гордостью Карла и единственной частью комплекса, дожившей до наших дней. Об этой церкви известно, что заложена она была папой Львом III в 805 году и строилась восемнадцать лет. Ее интерьер состоит из восьмиугольного пространства, окруженного двумя этажами открытых галерей и увенчанного куполом. Скульптуры, мрамор и мозаика для капеллы были вывезены из Италии; оттуда же прибыли и строители, попытавшиеся в своем произведении довольно грубо повторить знаменитый равеннский храм Сан-Витале. Ахенская капелла представлялась современникам «чудом дивной и высокой красоты»; они восхищались золоченой кровлей, серебряными светильниками, бронзовыми кафедрами и массивными резными дверями, которыми можно любоваться и сегодня. К сожалению, все остальные части комплекса, построенные из дерева, давно исчезли. Подобная же участь постигла и дворцы, возведенные по приказу Карла в Нимвегене, Ингельгейме и других его резиденциях.

По образцу ахенской капеллы строились церкви по всей стране. Историки подсчитали, что во времена Карла было создано 27 кафедральных соборов и 232 монастыря, не считая простых молелен, одна из которых, Жерминьи-де-Пре близ Орлеана, в сильно перестроенном виде сохранилась и поныне.

Но, пожалуй, особенный интерес представляет то интенсивное строительство, которое по приказу Карла и на его средства проводилось в

местах отдаленных, превращавшихся в сферы влияния правительства Ахена. Среди других объектов особенно выделяется странноприимный комплекс, созданный Карлом в Иерусалиме и подробно описанный неким монахом-паломником, посетившим Палестину в конце IX века. В состав этого дива входили двенадцать строений гостиничного типа, в том числе и обширная библиотека – император был и оставался постоянным радетелем христианского просвещения.

Все эти примеры вполне наглядно иллюстрируют главное: «Новые Афины» Карла должны были в первую очередь стать «Христовыми Афинами», мудрости которых надлежало служить во благо религии и церкви. И здесь ни в коей мере не могут обмануть ни Придворная Академия, так напоминающая литературные кружки XVI века, ни многочисленные начальные школы, разбросанные по всей стране, ни светская поэзия и проза, ни исторические произведения, создаваемые придворными летописцами; те же скриптории в неизмеримо большем числе «выпускали» Евангелия, молитвенники и жития святых, а начальные школы, создаваемые Карлом, были исключительно церковными заведениями. И далеко не случайно легенда считает Карла Великого основателем Парижского университета. Сорбонна, как органический синтез школы и церкви, действительно, покоится на идеях, за которые неутомимо боролся державный ученик Алкуина.

Карл-демиург, строя свои «Афины», прежде всего был зодчим «Града Божия», вся же «академическая» ученость являлась лишь вспомогательным средством для этого, как сам он неоднократно свидетельствовал в своих посланиях. «...Не умея хорошо писать, – поучал он епископов и аббатов, – люди могут извращенно понимать Священное писание, причем ошибки легко приведут к крайней опасности. Ведь в Писании много сложных смысловых фигур; и кто поймет их как следует, не изучив древних авторов, излагавших риторику? Поэтому мы и увещеваем вас заботиться об изучении словесности...»

Зодчий «Града Божия»

Стяжавший славу Давида, Карл Великий не ограничился постройкой уникального храма-дворца в Ахене. Он мечтал о несравненно большем: о создании другого храма, хотя и незримого, но много более универсального и грандиозного.

Глубоко проникнутый сознанием долга перед Богом и вверенным ему свыше народом, он сам поставил себе цель, на достижение которой затратил огромную энергию и непреодолимую духовную мощь. Самостоятельно избрал он и руководителя на этой стезе, которому неизменно следовал и мысли которого сделал своим эталоном.

Мы не знаем, при каких обстоятельствах Карл познакомился впервые с творениями святого Августина, точно известно лишь, что сочинение гиппонского епископа «О Граде Божиим» было не только его любимой книгой, но и прямым жизненным руководством, тем великим заветом, который он задумал претворить в реальность. Это была навязчивая идея Карла, та сверхзадача, которую он себе поставил. Когда? На этот вопрос можно ответить лишь приблизительно. Выше отмечалось, что в начальный период своих завоеваний франкский монарх не имел определенного плана. Видимо, план стал зарождаться, когда завоевания в основном завершились и когда сын короля Пипина почувствовал себя вдруг хозяином огромной державы. Мысли о провозглашении империи и претворении в жизнь августиновской идеи, тесно взаимосвязанные, созревали параллельно и полностью оформились к концу 90-х годов VIII века.

Как же представлялся зодчему тот новый мир, который он собирался строить?

Царство Божие или «Град Божий» по Августину – полный антипод языческого общества. В отличие от мира грубо-материального – это царство невидимое, духовное. Сосуществуя и переплетаясь с земными царствами, оно ведет к вечной жизни. Любое светское, мирское государство – град временный, преходящий. Чтобы не стать ареной для банды разбойников и убийц, оно должно испытывать постоянную эманацию Духа Божия, а владыки земные, будучи истинными христианами, должны зорко следить за исполнением божественных предначертаний и обуздывать непокорных. Своими действиями они призваны способствовать сложению идеального строя, главными признаками которого являются мир, единство и правда, хранимые церковью Христовой. Проще говоря, «Град Божий» –

это теократия, общество, руководимое и управляемое церковью.

Естественно, на высокую роль зодчего «Града Божия» должны были претендовать в первую очередь апостольские наместники Рима. Великие папы Лев и Григорий, хранители теоретических представлений Августина, оказались пионерами теократии. Но их стремления неуклонно разбивались о жестокую реальность материального мира с его бесконечными «варварскими» переселениями и политическими катаклизмами. Становилось ясно, что провести идею в жизнь идеальным же путем, через указания римских первосвященников, имевших большие претензии, но не владевших реальной, мирской властью, невозможно. И тогда появился Карл, удивительный владыка земной, в голове которого угнездилась мысль, что именно он призван Богом воплотить эту идею, придать ей внешний облик, отлить в материальные формы в виде мировой державы, соответствующей замыслам Августина. Эта глубокая убежденность и неуклонное стремление следовать ей и должны были придать деятельности Карла всемирно-исторический характер.

Карл никогда не сомневался, что получил власть от Бога. Приняв императорский титул «Божьей милостью», он постоянно называл себя монархом «по Божьему милосердию», «венчанным Богом» и т.п. Эту же мысль внушал ему и Алкуин, когда писал: «...По воле Всевышнего Карл царствует и управляет градом вечного мира, построенным драгоценной кровью Христовой... Божественная власть вооружила Карла двумя мечами как удивительным и особым даром Божьим, ибо он с пламенным рвением старается защитить церкви Христовы от опустошений язычников и очистить от учений неверных...»

Через всю законодательную деятельность Карла красной нитью проходит стремление насадить любым способом – будь то убеждение или принуждение – «святую правду», единство и вечный мир. Он сам титулуется себя «великим миротворцем», его агенты должны повсюду «разыскивать и исполнять правду государя, церкви, вдов, сирот, малолетних и остальных людей». Огромное количество циркуляров, капитуляриев, указов направлено к отысканию и охране этой «правды».

Говоря о «святой правде», Карл имеет в виду полное и безусловное торжество христианской церкви. Его «два меча», по выражению Алкуина, – это, с одной стороны, стремление покончить с язычеством на всех просторах завоеванных земель, с другой – обеспечить и закрепить незыблемое положение «церкви Христовой» там, где она уже имеет глубокие и старые корни. Насколько был он упорен, «обращая» язычников, видно на примере саксов и аваров. Здесь, человек рассудительный и вовсе

не злой, он не останавливался ни перед какими жестокостями, предпочитая истребить «неверных», нежели видеть их «заблудшими». И недаром уже ближайшие поколения оценили по достоинству (со своей точки зрения) это его упорство. Император XII века Фридрих Барбаросса, один из самых агрессивных основателей «Священной Римской империи», писал в своем дипломе, имея в виду Карла Великого: «...он был сильным борцом и истинным апостолом в распространении веры христианской и обращении языческих народов, как свидетельствуют саксы, фризы, вестфалы, испанцы и авары, которых он словом и мечом обратил в веру христианскую».

Не меньшее внимание уделял Карл укреплению позиций церкви во внутренних регионах государства, там, где христианство утвердилось со времен Хлодвига и его преемников. Забота о благополучии церкви и расширении ее нивы представляется Карлу наследственным долгом; он предписывает своим сыновьям защищать «правду ее», «как некогда приняли на себя эту обязанность дед и отец наши». Еще в большей степени, чем его предки, он печется о соблюдении церковных канонов, особым циркуляром предписывая духовенству империи жить согласно им и соответственно исправлять всякий неверный поступок клириков и мирян. Каноны должны были служить мерилom взаимоотношений церковников, регулировать их отношение к имуществу, строить их личное поведение. В соответствии с этим духовенству запрещались охота, ношение оружия, пролитие крови, общение с женщинами, посещение злчных мест и взимание платы за исполнение обрядов; недостойные пастыри лишались сана – служитель Божий всегда должен был служить примером для мирян.

Карл делал все возможное, чтобы превратить духовенство в проводников своих идей. Глубоко убежденный, что готовит спасение христианского общества, врученного его заботам, он за период своего царствования увеличил втрое число монастырей. Присвоив право назначения аббатов, он постоянно заботился об унификации монастырских правил поведения по образцу бенедиктинского устава. Здесь его главным помощником был сын готского графа из Магеллоны Витизой, основавший в 782 году монастырь в Аниане и принявший духовное имя Бенедикта. Получивший образование в «Придворной Академии», Бенедикт Анианский благодаря своей напористости и энергии сумел ввести новый устав во многих аббатствах Аквитании, Септимании и Прованса. Не менее способным проводником идей Карла оказался Ангильберт, назначенный в 789 году настоятелем монастыря Сен-Рикье. Его стараниями монастырь был превращен в подлинный «святой городок» – своеобразную лабораторию монастырского дела Каролингов.

Историками давно замечено, что памятники законодательства Карла Великого весьма сильно походят на проповеди и увещания, вдохновленные трудами отцов церкви. Его указы и капитулярии обычно приправлены обильными выдержками из Священного Писания, преступления смешиваются с грехами, обязанности подданных совпадают с обязанностями христиан, а государь как бы становится воспитателем, назидаящим народ в истинной вере. Он следит за исправлением богослужбных книг и не менее зорко за тем, чтобы жители империи были добрыми христианами. Он требует, чтобы весь народ, от мала до велика, знал на память основные молитвы и символ веры, чтобы в праздничные дни все посещали богослужение, чтобы строго соблюдались посты, чтобы молились днем и ночью по звону колокола, чтобы умели петь «Господи, помилуй!», регулярно исповедовались и причащались. За любое нарушение полагалась кара: провинившийся был обречен на голодовку до тех пор, пока не исправится, не выучит положенный минимум, не изменит поведения.

Вместе с тем многие законы Карла имеют ярко выраженный моральный характер, защищая определенные нормы представлений и поведения граждан. Законы воспрещают питать ненависть, угнетать ближнего или причинять ему зло, повелевают жить согласно указаниям государя, беспрекословно выполнять обязанности верующего. Различные духовные и светские кары устанавливаются за клятвopеступление, лжесвидетельство, распутство, пьянство. Целый ряд мер направлен против несправедливой прибыли; закон запрещает алчность, настаивает на нестяжании, преследует торговый обман, побуждает продавать по справедливым ценам.

Принятие императорского титула закрепляло положение Карла как уполномоченного Бога на земле. Отныне все должны были уяснить, что его стремление установить строгий порядок, при котором каждый занял бы подобающее ему место и, соблюдая мир, на условиях справедливости и милосердия вносил свой вклад в строительство «Града Божия», действительно ниспослано свыше.

Но при этом вот чего никогда не следует забывать. Сосредоточив максимум усилий на строительстве новой церкви, Карл вместе с тем стремился обеспечить безусловную власть над нею. Проявляя всяческое уважение к Риму и папе, он никогда бы не допустил, чтобы власть апостольского наместника была выше его собственной. Роль архиепископов, епископов, аббатов и священников свелась им к чисто служебным обязанностям. От них он требовал постоянных отчетов,

наставлял их и смещал, если они не отвечали его требованиям. Церковную иерархию он строил таким образом, чтобы все нити сходились не к папе, а лично к нему. Он созывал церковные соборы и диктовал их решения. Он, безусловно, считал себя крупнейшим специалистом в области веры, разбирающимся во всех ее тонкостях и, будучи ее строгим ревнителем, видел себя достойным поучать всех остальных, включая и первосвященника Рима.

Ревнитель веры

Чистота веры беспокоила Карла не в меньшей степени, чем организация и упорядочение дел церковных. Под «чистотой» он понимал следование исключительно канонам, идущим из Рима. «Римская церковь, – утверждал Карл, – поставлена Богом во главе всех остальных церквей, и к ней верующие должны обращаться за советом, так как черпать доказательства можно только из тех писаний, что признаны ею каноническими, принимать можно учение только тех учителей, которые получили одобрение римских первосвященников». На Ахенском соборе 802 года император приказал прочесть вслух все каноны и постановления пап и обязал франкское духовенство строго следить за их исполнением, наказывая нарушителей. В этом стремлении к единству Карл не щадил особенностей местных церквей, сложившихся веками, и ради насаждения «римских обычаев» беспощадно предавал огню местные памятники.

Обращает на себя внимание и тот факт, что его постоянная забота о монолитности веры не знала государственных границ. Он не упускал случая проявить свой диктат каждый раз, как только для этого представлялся удобный повод, будь то в Британии, Испании или на христианском Востоке. Особенно характерны вторжения Карла в церковные дела Англии. Здесь он постоянно увещевает, наставляет и даже заставляет. Он хвалит мерсийского короля Оффу за «преданность католической вере», посылает ему с благотворительной целью богатые дары, но тут же вмешивается в его церковные дела, призывая к восстановлению строгой монастырской дисциплины и неукоснительному следованию канонам. И поэтому не вызывает удивления ни самоуверенность, с которой Карл требует у английской церкви «молить Бога за него, за устойчивость его королевства, за распространение имени Христова», ни та покорность, с которой духовенство этой страны провозглашает его своим «протектором и патроном».

Вмешиваясь во все церковные споры, Карл повел решительную борьбу с адоптианством^[14]. В 792 году он вызвал во дворец епископа Феликса Ургельского, повинного в этом «заблуждении», осудил его и отправил в Рим к папе Адриану, который низложил «еретика» и бросил в темницу. Дело этим, однако, не кончилось. Поскольку испанские епископы обратились к монарху, прося восстановить Феликса в утраченном звании, Карл в 794 году созвал во Франкфурте собор, где присутствовали более ста

прелатов из разных регионов страны. Они потребовали у Феликса полного отречения от «ереси». Тот снова проявил упорство. В 799 году он был вызван на Ахенский собор. Здесь состоялся диспут между ним и Алкуином, длившийся почти неделю. На этот раз ургельский епископ признал себя побежденным, написал отречение и был заточен в монастырь, что, впрочем, не покончило с «ересью».

Проявляя постоянную заботу о «чистоте веры», Карл не ограничивался всемерной поддержкой Рима, но даже пытался поучать самого первосвященника, увещевая его «неукоснительно соблюдать Святые каноны» и «точно следовать заветам Святых Отцов». Перефразируя известное выражение, можно сказать, что Карл являлся большим католиком, нежели сам папа. Так было, например, с вопросом о симонии. Франкский государь настойчиво заботился об искоренении этой ереси не только в своих непосредственных владениях, но и на землях, принадлежавших папе.

Он, в частности, «наиприлежнейше советовал» папе искоренять у себя это зло. Римский первосвященник оборонялся, доказывая, что расследования Карла неуместны, поскольку папа сам судит всех, но никто не имеет права судить его и вмешиваться в его дела. Но Карл и не подумал «образумиться», продолжая и впредь поучать папу. Забегая вперед и опередив на 250 лет соответствующее решение Латеранского собора, он издал несколько указов о безбрачии духовенства, с его легкой руки широко распространившегося на Западе. Правда, на этом пути он попадал иной раз впросак. Так получилось, например, в период завершения иконоборчества в Византии^[15].

Известно, что почитание икон в Константинопольской империи было восстановлено по инициативе верховной власти и поддержано патриархом Тарасием. По его почину был созван Второй Никейский собор в 787 году. На соборе присутствовали 307 епископов, в том числе и легаты папы римского. В результате папа Адриан I получил возможность торжественно объявить о восстановлении единства церкви и осудить распрю, столько лет терзавшую христианский мир.

Подобное заявление глубоко возмутило Карла. Конечно, не последнюю роль здесь сыграло и то, что франкские представители не были приглашены в Никею, так что решение состоялось без его ведома. Но главное – он никак не желал допустить, чтобы пальма первенства в церковном споре досталась его сопернице – Византии. По приказу монарха лучшие богословы страны взялись за составление отповеди римскому папе. В результате в 792 году было готово послание, в котором перечислялись...

восемьдесят два огреха, якобы допущенные отцами собора! Справедливость требует заметить, что в большинстве своем «огрехи» были допущены самими франкскими богословами, не сумевшими правильно перевести с чужого языка иные формулировки; они, например, утверждали, будто члены Никейского собора предписывали *обожествление* икон, когда речь шла всего лишь о *признании* икон; подобным же образом и в ряде других случаев упреки соратников Карла основывались либо на недоразумении, либо на незнании, либо на прямом передергивании.

Папа Адриан был вынужден дать отпор «блюстителю чистоты истинной веры». По вполне понятной причине он сделал это тонко и деликатно, но в достаточной мере твердо. Закончил же свое ответное послание выражением надежды, что «дурные и невежественные люди» не поколеблют преданности Карла христианской вере и он «по-прежнему будет любить и хранить учение своей духовной матери – католической и апостольской римской церкви».

Карлу пришлось проглотить пилюлю. Но он решил отыгаться на вопросе, который уже был частично поднят в послании 792 года и который затем достиг своего полного развития в период империи. То был пресловутый вопрос о «Filioque». Речь шла о Святом Духе – третьем лице Святой Троицы.

Евангелие от Иоанна ясно говорит о Святом Духе как исходящем от Отца и посылаемом Сыном (Ин. 15.26). В соответствии с этим еще Первый Никейский собор 325 года принял символ веры, утвержденный Константинопольским собором 381 года, согласно которому Дух Святой исходит от Отца. Этот символ веры, известный под именем Никео-Цареградского, был принят христианской церковью и долгое время не подвергался сомнениям. Но в VI веке, когда принимали христианство вестготы, на Толедском местном соборе «в целях лучшего изъяснения догмата» в символ веры впервые ввели добавку: «и Сына» (Filioque), в результате чего появилось следующее словосочетание: «Святой Дух... который исходит от Отца и Сына» (Spiritus Sanctum... qui ex Patre, Filioque procedit). На грани VIII и IX веков, в период понтификата Льва III, преемника Адриана, эту формулировку повторили франкские монахи из аббатства Монте-Оливо, за что и были обвинены в ереси. Монахи обратились за третейским судом к папе, который, в свою очередь, переслал дело Карлу. Император поручил разобраться в вопросе корифею западного богословия, все тому же неутомимому Алкуину. По просьбе императора Алкуин написал обширный трактат, в котором многочисленными ссылками на Священное Писание и Отцов церкви стремился обосновать западную

точку зрения. Его аргументы пытался укрепить другой столп франкского богословия – Паулин Аквилейский. Их утверждения сводились к тому, что Никео-Цареградский символ из-за своей краткости неправильно понимается простым народом, а потому указанная добавка необходима. Карл ухватился за этот тезис и, не вдаваясь в полемику с папой, поспешил внедрить западную формулировку в Святой земле, где он в это время имел уже твердую опору (об этом говорилось выше). Не зная чему верить, иерусалимские монахи обратились за разъяснениями к папе, который опять же переадресовал их к Карлу, но при этом добавил, что им отправлен в Палестину вариант, принятый римской церковью, иначе говоря, Никео-Цареградский.

Почувствовав себя уязвленным подобной двойственностью Льва III, обязанного ему столь многим, Карл снова засадил своих богословов за работу. На этот раз очередной трактат составил Теодульф, и Ахенский собор 809 года его принял и утвердил. Документы собора были пересланы папе, но Лев III продолжал вести двойную игру. Одобрив в принципе тезис об исхождении Святого Духа и от Сына, он заметил, что в символ веры вводить его не следует, и «посоветовал» императору при богослужении сохранять общепринятую формулировку (без *Filioque*), уверяя, что это лучший способ уберечь церковь от «соблазна».

Но Карл не внял «совету» Льва III. Не помогло даже и то, что папа приказал выбить Никео-Цареградский символ на серебряных досках, которые были выставлены в храме Святых Апостолов. Упорство императора быстро принесло плоды. Его символ веры с *Filioque* распространился по всей Западной Европе, и папы, следовавшие за Львом III, приняли его в качестве догмата.

Таким образом, вопреки общепринятому убеждению, будто раскол между западной и восточной церковью произошел только в 1054 году, в действительности он вполне определился за два с половиной столетия до этого. И основным его виновником был вовсе не глава западного духовенства, а франкский государь, показавший себя воистину большим католиком, нежели папа. Создатель новой христианской империи был одновременно и основоположником новой западной церкви, и уж кто-кто, а ее первосвященники и прелаты имеют все основания титуловать его «Великим».

Град небесный и град земной

Как ни усердствовал император в построении «Града Божия», до него оставалось все так же далеко, как от земли до неба.

«Великий миротворец» считал свои войны оконченными, но они не желали кончаться. Саксонская война продолжалась и после провозглашения империи. Начиная с 782 года Карл не прекращал против «мятежников» жесточайших репрессий. От побежденных он требовал беспрекословного повиновения и поголовного крещения, в случае же отказа следовали варварские кары: отрубание рук, выкалывание глаз, массовые казни и ссылки. Эти крайние меры вызывали неодобрение даже такого преданного советника и друга, как Алкуин. Ученый напоминал своему ученику по «Академии», что насильственное обращение противоречит заветам Иисуса: согласно Августину, вера возникает добровольно, а не по принуждению, к ней нужно готовить исподволь, разъясняя, а не заставляя. «Проповедь христианства языком железа, – писал он Карлу, – равносильна посеву на бесплодных камнях...» От подобной ошибки Алкуин предостерегал монарха и в период Аварской войны. Но все было впустую: ученик не реагировал на замечания учителя. Только в 804 году война с саксами окончилась, и террористический режим Саксонского капитулярия был смягчен.

Но не успел победитель вздохнуть, как свалилось новое бедствие. Оно пришло с севера. В 808–809 годах датский король Готфрид провел сокрушительный поход в Нордальбингию. Он наголову разбил союзников Карла славян-ободритов, опустошил страну и сжег города, в том числе крупнейший славянский порт на Балтике, Рерик; после этого он готовился вторгнуться во внутренние области империи. Лишь неожиданная смерть Готфрида уберегла северные пределы Франкского государства. Карл счел себя вынужденным вернуть обезлюдевшую Нордальбингию и заложил там две линии пограничных укреплений, что должно было прикрыть Саксонию с севера и отделить саксов от славян.

Создание цепи охраняемых границ или «марок» стало одной из насущнейших задач императора. Система этих марок должна была стать гарантией безопасности государства.

На западе появились Бретонская и Испанская марки, порученные в управление специальным маркграфам. В Италии южные границы прикрывало буферное Беневентское герцогство, наконец подчинившееся

Карлу. Труднее было укрепить тянувшуюся на тысячи километров восточную границу. На крайнем севере, у Шлезвига, была заложена Датская марка. От нее начинался Саксонский рубеж, угрожавший прибалтийским славянам. В начале IX века был создан весьма протяженный Сербский рубеж, идущий от Эльбы до Дуная. Это была укрепленная линия с городами Бардовиком, Магдебургом, Эрфуртом, Форгеймом, Регенсбургом и Лорхом, опорные пункты которой служили одновременно местами торговли франков со славянами. На среднем Дунае была заложена Восточная, или Паннонская марка, доходившая до Венского леса, – ядро будущей Австрии. Она должна была угрожать чехам и паннонским славянам. На крайнем юго-востоке линия обороны замыкалась Фриульской маркой, прикрывавшей Северную Италию от набегов славян Далмации и Хорватии.

С севера и юга империя омывалась морями. Здесь с начала IX века появился новый враг: норманнские и арабские пираты. Норманны (преимущественно датчане) опустошали Фризию и берега Ла-Манша, североафриканские арабы – побережье Италии и близлежащие острова. Карл деятельно боролся с пиратами. Франкский флот на Средиземном море перешел в контрнаступление и с переменным успехом старался очистить от арабов Корсику, Сардинию и Балеарские острова. Фризия и устья рек, впадавших в Северное море и Ла-Манш, были защищены от норманнов особыми укреплениями. Здесь также курсировали сторожевые суда франков. Пока еще империя успешно отражала морские набеги; они станут страшным бедствием, когда империя ослабеет и распадется.

Подобно тому, как это имело место в Поздней Римской империи, укрепление границ означало конец *завоевательных* войн. Стороны как бы менялись местами: если раньше Карл наступал, а соседи оборонялись, то теперь к обороне перешел прежний агрессор, а прежде оборонявшиеся получили стимул к наступлению. Но прекращение завоевательной политики Карла имело необратимые социальные последствия: оно вело к ликвидации прироста богатств и, прежде всего, земельного фонда, из которого монарх в былые времена щедро оделял своих вассалов и церковь. Это означало, что, с одной стороны, должна была постепенно оскудевать государственная казна, с другой, в перспективе становился неизбежным конфликт между центральной властью и феодальной элитой, пределы «кормушки» которой сокращались, что не могло не вызвать ее недовольства. Нам известны (к сожалению, только в самых общих чертах) два заговора знати против Карла:

один – под руководством графа Гардрада, другой – с участием

первородного сына императора, Пипина-горбуна. Эйнгард, упоминая об этих заговорах, всячески старается преуменьшить их размах и значение, а также преувеличить мягкость Карла по отношению к заговорщикам, сваливая всю вину за их возникновение и подавление на «жестокосердые королевы Фастрады»; но Анналы, гораздо более объективный источник, хотя и не дают дополнительных подробностей, не скрывают, что Карл беспощадно расправился с участниками обоих заговоров, видимо понимая степень их угрозы для своей державы.

Впрочем, и до этого, и позднее, он делал все возможное, чтобы не допустить подобной ситуации. Считая себя прямым наследником императоров позднеримской эпохи, Карл, как и они, избрал своей опорой экономически сильные слои общества. Постоянные льготы и послабления в пользу богатых и знатных имели целью превратить их в главных проводников идей императора. Особенные надежды он возлагал на ведущих «функционеров», представителей правительственной власти в областях, – на графов и епископов, которых рассматривал как своих непосредственных помощников в построении «Града Божия». Графы и епископы становились обязательными участниками выработки законов, равно как и проведения их в толщу народа. Но это приводило к росту их самостоятельности, и контроль со стороны правительства становился все более затруднительным. Источники сохранили много свидетельств о самоуправстве графов, сильно злоупотреблявших своим положением. Они насильничали во время служебных поездок, за подарки освобождали от участия в походе, прибегали к незаконным поборам, доводили до сумы того, кто осмеливался протестовать. Полученные в бенефиции земли они стремились превратить в свою собственность, свободных людей закабалляли и делали своими крепостными, приводили в запустение королевские поместья, мироволили к преступникам. Поскольку разбой и грабеж в деревнях и областях становился стихийным бедствием, Карл установил суровые наказания разбойникам: за первый проступок виновный лишался глаза, за второй – носа, за третий – подлежал смерти. Но это ничего не значило, поскольку графы, вместо того чтобы ловить разбойников, зачастую укрывали их, превращая в работников на своих землях, ибо постоянно испытывался недостаток в несвободной рабочей силе. Жалобы и вопли народа заставляли правительство посылать на места ревизоров («государевых посланцев»), но те иной раз оказывались не менее корыстолюбивыми, чем подлежавшие проверке; даже в самом худшем для «дурных графов» случае кары были исключительно мягкими, поскольку то же правительство нуждалось в их услугах. С другой стороны, действия

графов были ограничены судебным и административным вмешательством лишь в дела простолюдинов; что же касается знати, то она оставалась недостижимой для закона. Если граф осмеливался вступить на иммунитетную территорию крупного землевладельца, он подвергался огромному штрафу (в 600 солидов); эти господа были подсудны только монарху. В результате графы из высших государственных агентов превращались в носителей центробежных сил и слуг своих собственных интересов.

Не лучше обстояло дело и с высшим духовенством – епископами и аббатами. Епископы, по идее – главные помощники императора в делах церковных, стремились к независимости и богатству, вынуждая жертвовать им частные и государственные земли, а вместе с ними и иммунитетные привилегии. Насаждение Карлом церковных привилегий закрепляло в умах церковников мысль о полной неотчуждаемости их имуществ. Епископы, сидевшие в крупных городах, получали огромную власть, зачастую в ущерб графам. Карательная власть епископов распространялась не только на клириков, но и на мирян. Это, смешивая круг действий епископов и графов, приводило к неизбежным раздорам между ними и постоянной путанице, разобраться в которой было не просто.

Глубокая вера в спасительность пожертвований церкви подготовила ее усиление в ущерб государству, с чем пришлось столкнуться не только преемникам Карла, но и ему самому. Его забота о спасении души непрерывно увеличивала церковные имущества; монастыри, которые так заботливо насаждал император, располагали огромным количеством земли, многочисленным зависимым населением, разнообразными льготами. Так, аббатство Сен-Жермен-де-Пре имело 10 282 крепостных, обитель святого Мартина в Туре – 20 000. То были маленькие государства в государстве. Их правители, глубоко проникнутые сознанием своих прав и преимуществ, неохотно поступались ими в пользу государства и постоянно требовали новых уступок и дарений. И при этом вопреки многочисленным указам и требованиям Карла представители духовенства всех рангов отнюдь не давали мирянам примеров добродетели и бескорыстного служения Богу: они демонстрировали безнравственность и алчность, занимались ростовщичеством, увлекались псовой и соколиной охотой, носили оружие, пьянствовали и присваивали церковные и светские имущества.

Небезынтересно отметить, что сам Карл, яро борющийся с симонией, был подвержен ей не в меньшей степени, чем папа, которого он критиковал. Хотя должности епископа и аббата считались выборными, император сам назначал и тех и других по принципу полезности для себя

или личной симпатии; так, Алкуина он сделал аббатом монастыря святого Мартина Турского, Ангильберта – аббатом Сен-Рикье, Теодульфа – епископом Орлеана, Эйнгард получил от сына Карла Зелигенштадтский монастырь. Хотя нерушимость церковного достояния неоднократно подтверждалась, император по примеру своего предка Карла Мартелла не мог отказаться от использования церковных земель в качестве бенефициев. Известно, например, что он в течение долгого времени «держал» Реймское архиепископство, употребляя «на собственные нужды» имущество и поступления этой церкви. В Италии, к великому возмущению папы, он отдал «своему» человеку в качестве бенефиция Равеннский экзархат. Раздача ленов из церковных земель применялась весьма широко, и часто целые церкви уходили в бенефиции придворным. Впрочем, бенефиции из церковных земель раздавали также епископы и аббаты.

Карл Великий придал всеохватывающий характер системе вассалитета, начатой Карлом Мартеллом. Теперь в рамках этой системы каждый крупный землевладелец дублировал государственную службу императору частной службой сеньеру. Требуя от всех своих подданных, начиная с двенадцатилетнего возраста, присяги, Карл одновременно требовал присяги всех людей своим сеньерам, и даже королям-сыновьям запрещалось принимать в вассалы свободного, покинувшего своего господина вопреки его желанию. Феодализм пускал все более глубокие корни, и монарх, реализуя военные цели, использовал сложившуюся систему при наборе в армию. Но это, в конечном итоге, должно было привести к полной зависимости государства от крупных феодалов, светских и духовных, без помощи которых правительство не могло сделать и шага. Заветная мечта Карла о «вечном мире» и благоденствии всего народа разбивалась об эту твердь и становилась все более недостижимой. Широкие замыслы императора, требовавшие колоссального напряжения сил от населения страны, были не по плечу большинству и подрывали его и без того жалкое положение. Разоряемые непрерывными и продолжительными походами, злоупотреблениями сильных и власть имущих, простые люди разбегались, нищенствовали, превращались в бездомных бродяг. Бедняки, «убогие», были предоставлены собственным средствам. Между тем масса людей, живших своим трудом, была главной поддержкой правительства. Они верили императору, уповали на него. Карл, чувствуя это, пытался бороться с угнетением «убогих», чье разорение подрывало его опору, но сила объективных обстоятельств была на стороне знати, формирующегося феодального сословия; оскудение мелких свободных землевладельцев и переход их в зависимость от крупных

держателей земли, иначе говоря, замена уз подданства феодальной связью, вытекала из экономических условий, подготовленных всем предшествующим развитием.

Таким образом, на закате жизни великому императору суждено было почувствовать и увидеть приближение двойной опасности, грозившей его непрочной постройке, – внутреннего распада, которого он был не в силах предотвратить, и внешней агрессии, уже видневшейся на горизонте. И значительная часть ответственности за это лежала на самом Карле. Глубочайшее противоречие заключалось в его универсальной идее, с одной стороны, и узости взглядов собственника, с другой. Обширное государство, созданное трудами поколений, представлялось ему, как и его предкам, частным достоянием, которое подлежало разделу между членами его семейства – вспомним раздел 806 года. Систематически прибегая к смешению государственной службы и частных обязательств, он возложил на плечи своих преемников неразрешимую проблему. Только его сила, блеск его побед, его умение внушить окружающим свою правоту, одним словом, его престиж, обеспечивали ему поддержку подданных и верность вассалов. После его смерти положение должно было круто измениться...

Нет, не удалось ему построить «земной град».

Не больших успехов добился он и в создании «града небесного».

Карл, бесспорно, достиг определенных результатов на пути водворения теократии, и занимаемое им положение стало мерилom претензий его преемников. Но и здесь все держалось на энергии и властной воле франкского монарха. Поддержка современников придавала уверенность начинаниям Карла, укрепляла его замыслы и заставляла работать над их реализацией. Однако все последующее показало непрочность здания, так быстро рухнувшего после ухода строителя. Вдохновленный святым Августином, Карл поставил своей целью вечное спасение подданных, насаждение в их сердцах заповедей Христовых и беспощадную борьбу с царящим в мире злом. На этот подвиг были затрачены огромные силы и средства. И все же самому Карлу пришлось убедиться в недостижимости подобных замыслов. Мало того, именно он нанес смертельный удар своему идеалу – единому вселенскому христианству. Именно он начал рыть пропасть между двумя половинами христианского мира – пропасть и идейную, и фактическую. До него существовала лишь одна христианская империя, наследница Константина Великого; теперь их стало две, причем ни одна не хотела и не могла уступить другой. Эта пропасть в последующие столетия расширялась и углублялась.

Таким образом, ни одно из трех капитальных положений святого Августина на практике не осуществилось: вместо «правды» пышным цветом расцвела всеобщая ложь, вместо «мира» на горизонте уже маячила война всех против всех, вместо «единства» было положено начало духовному расколу, обещающему ядовитые плоды в будущем.

Казалось бы, историческое «величие» сына Пипина Короткого должно значительно померкнуть. Однако в действительности все зависит от угла зрения, под которым смотришь на существо проблемы.

Если Карл не сумел построить царство христианской любви и справедливости, если он повинен в расколе между двумя частями христианского мира, то одновременно он же эффективно содействовал консолидации одного из этих миров, выступая выразителем пробуждающегося самосознания Запада. В известной мере Карл стал основателем и идеологом будущего западного мира в целом и отдельных составляющих его народов, с их государственностью, экономическими, социальными и духовными институтами.

Конец императора и начало легенды

В 812 году Карл принимал византийских послов, прибывших с большими дарами и признанием *de jure* того, что гордые наследники Константина и Юстиниана не желали признавать двенадцать лет. Можно себе представить радость и гордость, с которыми Карл выслушивал обращения «Августейший» и «Базилевс»!

Думал ли он в тот сладкий миг, увенчавший все его самые смелые мечты, что до смерти осталось всего два года?...

Люди ближайших поколений считали Карла не только великим воителем, но и замечательным провидцем. Приведем весьма характерный в этом смысле отрывок из полулегендарного источника конца IX века (так называемого «Монаха Сен-Галленского»).

«...Однажды случилось так, что Карл, объезжая свои земли, прибыл в некий город Нарбоннской Галлии. Когда он сидел за столом, в гавани появились норманнские лазутчики, высматривая добычу, но никто не догадался об их истинной принадлежности. Все смотрели на корабли, и одни приняли их за иудейских, другие за африканских, а третьи за британских купцов. Но премудрый Карл немедленно узнал по их вооружению и ловкости маневрирования, что это не купцы, а враги, и сказал своим: „Эти корабли набиты не товарами, они полны наших злейших неприятелей“. При этих словах все поспешили к кораблям, обгоняя друг друга, но напрасно: едва норманны узнали, что тут находится Он, Карл-Молот, как они его называли, то немедленно обратились в бегство, избегая не только оружия, но и взора преследовавших; они боялись, что от взгляда императора их мечи потеряют силу и разлетятся на куски. Но благочестивый Карл, муж праведный и богобоязненный, встал из-за стола и подошел к окну, которое выходило на восток. Тут он плакал долгое время, и так как никто не дерзал заговорить с ним, сам обратился к своим воинственным соратникам и сказал им, желая объяснить свое поведение и слезы: „Знаете ли, о мои возлюбленные, о чем я плакал? Не о том, что я боюсь, будто эти глупцы, эти ничтожные людишки, могут быть мне опасны; но меня огорчает, что при моей жизни они осмелились коснуться этих берегов; и горюю я

потому, что предвижу, сколько бедствий они причинят моим преемникам и их подданным...“»

Да, император оплакивал бедствия, которые испытают его преемники и их подданные... Но можно посмотреть на эту lamentацию и чуть-чуть иначе: император оплакивал свой близкий конец и конец империи!...

До 810 года Карл почти не болел. Его прекрасно тренированный организм выдерживал любые невзгоды походной жизни. Теперь вдруг этот организм стал сдавать: мучили частые приступы лихорадки, временами – перемежающаяся хромота. Кавалерист с детских лет, теперь он с трудом взбирался на коня и однажды даже свалился с седла к великому ужасу окружающих, едва сумевших поднять грузного старика.

Старика... Да, ведь ему как-никак пошел восьмой десяток! Вот бы когда вспомнить о врачах, которых он безжалостно разгонял!

Дряхлеющий император был вынужден прекратить свои обычные походы. Руководство походами он доверил военачальникам и графам.

Ко всему прибавились и домашние горести: в июле 810 года умер Пипин Италийский, через полгода после него – Карл Юный, наследник престола. 11 сентября 813 года, чувствуя свой близкий конец, император короновал своего сына Людовика, организовав внушительный спектакль, надолго оставшийся в памяти его подданных.

С раннего утра все подступы к Ахенскому собору были заполнены народом. Император, его сын и свита прибыли только к полудню. Расталкивая любопытных, стража образовала широкий проход к западному portalу церкви. Карл медленно прошел вдоль нефа и поднялся по ступеням к главному алтарю. С трудом преклонив колени, он погрузился в молитву. Молился долго. Затем, поднявшись с помощью сына, отстранил его от себя и произнес громко, так, чтобы слышали все:

– Во имя Господа нашего Иисуса Христа, святой Троицы и христианской церкви! Завещаю тебе, сын мой, быть достойным высокого сана, что ныне тебе вручаю. Люби Бога и церковь его, будь добр к своим сестрам и племянникам, равно как и ко всему народу нашему, царствуй долго и справедливо!

С этими словами старый император возложил на голову молодому золотую корону, а зрители хором воскликнули:

– Да здравствует император Людовик!

И Карл, смахнув непрошеную слезу, сказал тихо, но внятно:

– Благословен будь Господь, дозволивший мне сегодня увидеть, как сын, рожденный мною, воссел на трон мой...

После осенней охоты этого года Карл вернулся в Ахен разбитым и больным. Не помогли ни горячие ванны, ни строгая диета. Обычная лихорадка осложнилась плевритом.

28 января 814 года, не дожив нескольких месяцев до 72 лет, император скончался.

Тело его было погребено в Ахенском соборе.

Со слов Эйнгарда мы узнаем, что на могиле был воздвигнут памятник – золоченая арка с надписью, удостоверяющей количество лет жизни и царствования Карла и дату его смерти.

Этот памятник, равно как и могила Карла, не сохранились, хотя в Ахене до сих пор демонстрируется его саркофаг с барельефами, изображающими похищение Прозерпины. Несмотря на тщательные поиски, археологам так и не удалось выяснить, в какой части собора был захоронен император – то ли в абсиде, где аббат Бердоле в начале XIX века поместил мраморную плиту с надписью «Карлу Великому», то ли, как некоторые полагают, в одной из боковых капелл. По всей вероятности, следы захоронения исчезли уже в конце IX века, когда в результате грандиозного набега норманнов был сожжен ахенский дворец, разрушены термы, а собор превращен в конюшню. Подобная же участь постигла и другие могилы Каролингов – отца императора и двух его сыновей.

Согласно современным источникам смерть Карла Великого погрузила в печаль все население империи. Поэты же, притом не только придворные, посвятили этому событию свои «плачи», один из которых в двадцати строфах дошел до нас. Вот отрывок из него:

«...От земель, где восходит солнце, вплоть до западных берегов
Океана все сердца пронзены скорбью...

Франки, римляне и все христиане потрясены горестным
известием...

Император Карл упокоился в земле, под мирной сенью могилы...

Горе тебе, Рим, и тебе, народ римский: вы потеряли своего
Карла...

Горе тебе, прекрасная Италия, и все славные города мира, горе
вам...

Франция, претерпевшая столько бед, никогда не знала большей,
чем эта...

Увы мне! Может ли быть страдание большим, чем мое?...»

Немудрено, что уже вскоре после смерти Карла памятью о нем завладела легенда. Очевидцы утверждают, будто конец его предсказали чудесные явления. Три дня и три ночи солнце и луна не выходили из затмения, в то время как по небу струились золотые нити. Кровля Ахенского собора, пробитая молнией, внезапно обрушилась, и с золотой короны, украшавшей неф, исчезли выгравированные на ней слова: *Karolus rincipers*. В день и час его смерти во всех церквах сами собой зазвонили колокола. А позднее разнеслась молва, что император вовсе не был похоронен: вместо того чтобы положить в гроб, его посадили на трон, в торжественном одеянии, с диадемой на голове, скипетром и мечом в руках и Евангелием на коленях... «Он не умер, – утверждали иные, – он только уснул, удрученный всеобщим злом и несправедливостью... Подождите, придет время, он воспрянет ото сна и спасет всех нас...»

Год за годом, век за веком формировалась легенда, вылившаяся в многочисленные «Песни о подвигах» (*Chansons des gestes*), ярким образцом которых является всем известная «Песнь о Роланде». Постепенно сложился целый «Каролингский цикл», не уступающий в популярности знаменитому «циклу короля Артура».

Все это, впрочем, требует особого разговора. Но прежде чем заниматься поэтической судьбой Каролингской империи, необходимо разобраться в ее подлинной, исторической судьбе.

Глава четвертая. От Империи к Европе

Благочестивый наследник

Внешне вроде бы ничего не изменилось. Епископы управляли диоцезами, аббаты – монастырями, графы творили суд, государевы посланцы ревизовали отдаленные регионы, купцы торговали, крестьяне пахали землю и славили императора.

Император и впрямь был достоин прославления. Ни в чем не желая отставать от великого отца, он энергично продолжал его дело: созывал генеральные сеймы и соборы, издавал капитулярии, строил «Град Божий». Ахен по-прежнему оставался центром христианского мира, соперничая с Римом и Константинополем. Международный престиж империи был все так же высок. На генеральных сеймах в Ахене появлялись послы византийского императора и халифа Кордовы, духовные чины из Иерусалима, уполномоченные болгарского царя и славянских князей. Укреплялись рубежи империи, усмирялись мятежи строптивых подданных, строились новые монастыри и церкви.

Мало того. Обыватели с чувством удовлетворения отмечали даже кое-какие перемены к лучшему.

В последние годы жизни престарелый Карл, сохраняя зоркость в отношении дальних рубежей, терял ее в отношении вещей, находящихся много ближе. Переживший пятерых жен и сам на старости лет менявший наложниц, он смотрел сквозь пальцы на интимную жизнь своих родственников, в частности – на амурные истории законных и внебрачных дочерей, одни из которых жили с невенчанными мужьями, другие имели любовников. «Он умел делать вид, будто не существует ни малейшего подозрения или слуха насчет какой-нибудь из его дочерей», – не без печали бросает Эйнгард многозначительную фразу^[16]. Ко двору стекались разного рода проходимцы, проститутки, бродяги. Многие из придворных, по примеру императора, держали у себя наложниц, а то и мальчиков для известного рода услуг. Карл, правда, издавал указы, запрещающие проживать в столице подозрительным лицам, но эта мера имела мало успеха.

Новый император начал свое царствование с того, что произвел радикальную чистку двора: легкомысленных сестер разбросал по монастырям, любовников их отправил в изгнание, а вельмож заставил отказаться от услуг продажных женщин и смазливых миньонов. Отныне ахенский двор, к радости всех истинно верующих, становился подлинным

посредником между Богом и страной, являя собой высокий образец нравственной жизни, которому оставалось лишь следовать.

Да и наружностью своей новый император выгодно отличался от старого. В год смерти Карла ему исполнилось 36 лет, и он был щедро наделен природой. Высокого роста, атлетически сложенный, Людовик обладал красивым лицом, ясным, открытым взором и звучным голосом, как бы олицетворяя идеальный внешний образ прекрасного принца. Как и отец, страстный охотник и меткий стрелок, он, в отличие от Карла, был целомудрен, скромн и имел склонность критически оценивать собственные поступки. Получив под руководством Алкуина блестящее образование, Людовик владел латынью, греческим, знал классическую литературу и в еще большей мере – литературу богословскую. Современники подчеркивали его набожность и доброту – отсюда и прозвище «Благочестивый» (Pius), под которым он вошел в историю.

Впрочем, наблюдательные французы позднее наградили его несколько двусмысленным прозвищем – «Debonnaire», что обычно переводится на русский язык как «Добродушный», но скорее соответствует другому значению этого слова – «Равнодушный» или даже «Слабодушный», поскольку суть здесь была не столько в «доброте», сколько в «безразличии» и «безволии».

Дело в том, что под импозантной внешностью императора скрывался довольно робкий дух. Людовик отнюдь не обладал несгибаемой волей отца, ему не доставало твердости и решительности, а чрезмерные сомнения в правильности совершенных поступков приводили к постоянной рефлексии и к подчинению воле того, кто в данный момент находился в фаворе. Все это, правда, обнаружилось далеко не сразу, приоткрываясь постепенно, и в полной мере стало очевидным лишь много лет спустя. Поначалу же все казалось совершенно иным: подкупала проникнутость Людовика идеями Карла и твердость в стремлении воплотить его государственно-теократические идеалы. Не подлежит сомнению, что длительное воздействие авторитарной воли Карла оставило в податливой душе Людовика глубокий след: мысль о «Граде Божиим» на первых порах заметно преваляровала в его мыслях и действиях. Вслед за наведением порядка во дворце он собирался навести такой же порядок и в стране, причем главным проводником подобной политики должна была стать, естественно, церковь. Поэтому-то она и была в центре постоянных забот нового императора – в этом отношении Людовик продолжал линию своего отца. Разница состояла лишь в том, что если Карл, придававший громадное значение церкви, держал ее в руках, то сын его, едва перенеяв правление,

сам оказался в руках церкви.

«*Ordinatio imperil*»

Первый шаг в этом направлении был сделан еще осенью 816 года. Несмотря на официальную коронацию, проведенную за пять лет до этого по воле Карла, Людовик решил повторить ее с еще большей торжественностью, словно нуждаясь в более прочном духовном узаконении своих неоспоримых прав. С этой целью был специально приглашен папа Стефан IV, который, несмотря на преклонные годы, не уклонился от далекого путешествия и, прибыв в Реймс, торжественно помазал на царство Людовика и его супругу Ирмингарду. Рассчитывая этим актом закрепить свое положение, Людовик создавал, сам того не ведая, опасный прецедент на будущее, вручая судьбу каждого нового царствования в руки римского первосвященника.

Одновременно с этим прежние советники Карла – Адалард, Вала и другие – постепенно стали отходить в тень, а затем и вовсе сошли с политической сцены. Их место заняли исключительно прелаты и монахи, которыми окружил себя благочестивый государь. Главные роли в политике стали играть священник Элизахар, Агобард, архиепископ Лиона, и, в особенности, Бенедикт Аннианский, выдвинувшийся еще в конце прошлого царствования.

Учредив крайне строгий монастырский устав, впервые примененный им у себя, в Лангедоке, Бенедикт организовал неподалеку от Ахена образцовую монашескую общину, прославившуюся аскетическим образом жизни, усердием в молитвах и каждодневным физическим трудом. Этот устав создатель его стремился внедрить повсюду, что нашло поддержку у Людовика, который поставил Бенедикта во главе монастырей всей страны. Деятельность «нового апостола» столкнулась, правда, со значительными трудностями, поскольку далеко не все «братья Христовы» пошли ему навстречу; в авангарде недовольных оказалось могущественное духовенство Сен-Дени, не испытывавшее желания перетруждать себя ночными бдениями и изнурительной физической работой. Однако Бенедикт, при полной поддержке императора, успешно ломал подобные настроения. По его инициативе созывались частые соборы, вырабатывавшие генеральные положения для унификации и регламентации монастырской жизни, которая должна была стать моделью и для светского общества.

Единство – вот что отныне больше всего заботило и волновало как

императора, так и его духовное окружение.

Деятельно пропагандировал единство и Агобард, один из тех, для кого прочность веры воплощалась в монолитности народов империи. Монарху всячески внушалось, что он уже не «собиратель земель», подобный предшественникам, а «августейший император», правящий империей не как личной собственностью, а как паствой, уполномоченный высшим промыслом во благо строительства «Града Божия».

Все это, разумеется, было не ново, и Людовика не требовалось особенно поучать, ибо он и без того был пропитан подобными идеями; но вскоре обнаружилось, что идеи приходят в резкое столкновение с жизненными обстоятельствами и примирить одно с другим очень трудно.

Вспомним, в какое положение попал Карл в 806 году, когда ему пришлось делить империю между тремя сыновьями; из этой ситуации он, правда, благополучно вышел, но лишь потому, что двое из троих умерли при его жизни и вследствие этого раздел не потребовался – Людовик беспрепятственно унаследовал всю империю. Но теперь сам Людовик попал в точно такое же положение, в каком оказался его великий отец в 806 году: у него от королевы Ирмингарды также было трое сыновей – Лотарь, Пипин и Людовик. Как в этих условиях можно было сохранить единство империи?

Проблема выглядела весьма серьезной. Ее обсуждали долго и всесторонне, ей был целиком посвящен ахенский сейм лета 817 года. И наконец, после горячих споров приняли компромиссное решение, зафиксированное в документе, получившем название «*Ordinatio imperil*». Термин этот в необходимом контексте перевести на русский язык не так-то просто. Слово «*ordinatio*» имеет ряд значений, но главные из них – «организация», «учреждение», «упорядочение»; нам представляется в данном случае наиболее адекватным понятие «обустройство». По существу это как бы конституция империи, определяющая ее статус и особенности. Само название документа говорит о его целенаправленности: речь будет идти якобы не о разделе, а о чем-то совершенно противоположном – о совершенствовании структуры империи, ее реорганизации, более целесообразном устройстве. В преамбуле «*Ordinatio*» сказано прямо: «Ни нам, ни нашим праведным советникам (подчеркнем эти слова – они ясно говорят, чьей подсказкой руководствовался император! – А.Л.) не представляется возможным из любви к нашим детям разрушать единство империи, которое Бог сохраняет нам во благо. Мы не хотели бы также нанести ущерб святой церкви и подорвать ее могущество, на котором покоятся права всех королевств». Но в действительности, вопреки всем

этим заверениям, речь идет именно о *разделе*, и весь словесный антураж ставит целью лишь ослабить силу удара. Ибо, бесспорно, это был удар по единству империи, которое так долго и так усиленно прокламировалось, удар по партии, на которую до сих пор опирался Людовик, начало внутреннего разлада, ступив на путь которого, слабый монарх уже не сможет с него больше сойти. Освященный всей деятельностью великого Карла принцип: «один Бог, одна Церковь, одна Империя» отныне нарушался, и нарушался бесповоротно.

Формально императорский титул получал старший сын Людовика, Лотарь, который с этого времени становился соправителем отца, а после его смерти наследовал империю. Остальные два сына получили по королевству: Пипин – Аквитанию, которой уже и так управлял, Людовик – Баварию и земли, примыкающие к ней на востоке. Оба младших брата должны были подчиняться воле старшего в военной и дипломатической сферах и не могли вступить в брак без его согласия. В случае смерти одного из младших братьев новый раздел не предусматривался, в случае же смерти Лотаря вельможи должны были избрать императором одного из оставшихся. Акт 817 года был торжественно скреплен присягой всех подданных и благословением папы; в том же году Лотарь был коронован и получил титул «августа».

Как и всякий компромисс, «Обустройство империи» не удовлетворило ни одну из сторон. Партия единства сочла себя обманутой и постепенно начала отходить от императора, каждый же из братьев считал себя обделенным и затаил обиду на отца. Таким образом, уже на четвертом году своей власти Людовик Благочестивый попал в весьма сложное положение, оказавшись между партией единства и ее врагами. Последствия не замедлили сказаться.

В «Обустройстве» не был вовсе упомянут внук Карла Великого, сын короля Италии Пипина, Бернард, после смерти отца унаследовавший королевство и утвержденный в этом звании дедом в 811 году. Усмотрев в подобном умолчании выпад против себя лично и подстрекаемый вельможами из прежнего окружения Карла, Бернард не замедлил восстать с целью защиты своих прав. Восстание было быстро подавлено, ахенский сейм приговорил Бернарда к смерти, а император оказал ему «милость», заменив смертную казнь распространенной в то время карой – выжиганием глаз. Но франкские палачи еще не поднаторели в этой процедуре, с таким успехом проводившейся в Византии. В результате варварски сделанной операции юный Бернард скончался.

Вся эта история сильно повредила императору в глазах народа. Но еще

больше вреда принесла ему довольно неуклюжая попытка загладить свою вину. Мучимый угрызениями совести за убийство племянника, он решил принести всенародное покаяние, к которому приглашал всех своих близких; покаяние, проведенное в Агтиньи, сопровождалось щедрыми подарками и милостями императора в отношении лиц, подвергнутых опале. Так приоткрылась подлинная натура наследника Карла Великого. Его непоследовательность и слабость стали для всех очевидны, тем более что покаяние в Агтиньи оказалось лишь первым в серии актов подобного рода.

Дальше все пошло значительно хуже.

Плод поздней любви

В 819 году император овдовел. Оплакав смерть королевы Ирмингарды, он совсем уже было собрался покинуть сей грешный мир и, оставив империю сыновьям, удалиться в монастырь, когда вдруг встретил некую молодую особу, похитившую его сердце. То была красивая, умная и образованная аристократка, представительница знатного баварского рода Вельфов; ей было 29 лет (Людовику только что минул 51), и носила она библейское имя – Юдифь. И вот вместо того чтобы уйти в тихую обитель, Людовик сыграл новую свадьбу. А в 823 году у счастливой четы родился ребенок мужского пола, которого в честь великого деда окрестили Карлом...

Родился не просто младенец, родилась проблема. Проблема, которой предстояло окончательно погубить империю.

Конечно, сразу так думать никому не хотелось. Все шло своим чередом, и вроде бы ничего не изменилось. Да и что могло измениться, если «конституция» 817 года вполне определенно обусловила будущее! Братья молчали, а Лотарь, стремясь освятить и закрепить свое звание, в том же 823 году отправился в Рим, где получил золотую диадему из рук самого папы.

Но все понимали, что вскоре что-то произойдет. Проблема в лице юного Карла неуклонно «подрастала». А вместе с ней росло и общее напряжение. Молодая мать, заботясь о будущем ребенка, пыталась соответствующим образом воздействовать на отца. Отец и сам понимал, что младшего сына нужно своевременно обеспечить земельными владениями, но их-то можно было выкроить только за счет уже поделенного между старшими сыновьями! А как отнесутся к этому они? Да и все остальные?...

Старшие сыновья молчаливо выжидали.

Сторонники партии единства предостерегали императора от неверного шага. «Вы не должны пересматривать акт 817 года, – внушал ему Агобард. – Вам не удастся изменить его безнаказанно, не подвергая опасности души вашей».

Насчет души император все понимал, но ведь у него было еще и грешное тело. Нежный супруг и чадолюбивый отец не внял предостережениям. Шесть лет он крепился и, наконец, принял решение.

В 829 году на сейме в Вормсе император торжественно заявил, что

меняет условия «Обустройства империи», а еще через два года опубликовал и соответствующий акт. Карлу был выделен «удел», состоявший из Аламанныи, Эльзаса, Реции и части Бургундии.

Поскольку это ущемляло земельные интересы Лотаря, тот выступил с резким протестом. В ответ император изгнал непокорного в Италию и фактически лишил императорского звания (имя Лотаря перестало вписываться в официальные документы).

Этот поступок вызвал возмущение всех сыновей от первого брака и окончательно отвратил от императора его прежних советников. И вот – чего только не бывает в истории! – стороны как бы поменялись местами и убеждениями. Людовик Благочестивый, еще вчера возглавлявший партию единства империи в качестве продолжателя дела своего великого отца и строителя «Града Божия», теперь, начисто забыв о «Граде», оказался инициатором и проводником его развала, в то время как Лотарь, прежде бывший одним из сторонников раздела, вдруг стал в гордую позу защитника единства империи, сплотив вокруг себя всю интеллектуальную элиту – к нему примкнули Агобард, Вала, Эббон Реймский и многие другие сторонники порядка и монолитности государства.

Но ни порядка, ни монолитности не было больше и в помине. Все рушилось на глазах.

Крупные земельные магнаты подняли головы и, спекулируя на поддержке то одной, то другой стороны, захватывали земли и важнейшие статьи дохода. На поверхности оказались временщики, фавориты, беспринципные искатели богатств. Первым советником императора стал явный авантюрист граф Бернар Септиманский, крестник Людовика Благочестивого и большой друг Юдифи (злые языки утверждали, что здесь было нечто большее, чем дружба).

Император становился пешкой в большой игре. Его слабость и непоследовательность уже были очевидны для всех. Какое-то время церковь пыталась овладеть положением и все взять в свои руки. Но из этого также ничего не вышло. Четыре церковных собора, проведенных один за другим, не дали позитивных результатов. Общество распадалось на отдельные группы, одни из которых поддерживали императора, другие – его врагов, третьи – выжидали. Но к 830 году все враги императора, а также нейтралы, возмущенные самоуправством фаворита, объединились и вызвали из Италии Лотаря. В союзе с Пипином он взял верх над партией Юдифи и Бернара. Союзники дружно выступили против императора и вынудили его к примирению со старшими сыновьями.

В подобных условиях примирение стало равносильно поражению.

Супругов разлучили, фаворит бежал. Юдифь была сослана в монастырь в Пуатье, а Людовику пришлось снова каяться: он отказался от всех принятых ранее мер и вернулся к «Обустройству империи». «Я обязуюсь, – гласила его декларация, – не предпринимать более ничего без совета вашего. Торжественно обещаю, что империя останется такой, как я устроил ее при вашем содействии».

Речь шла об акте 817 года.

Это была полная капитуляция верховной власти. Но эфемерное единство империи казалось спасенным.

Отец и сыновья

Впрочем, так только казалось. Да и то очень недолгое время. Это был не конец борьбы – страсти разгорались и унять их не представлялось возможным.

У несчастного отца нашлись приверженцы. Правда, многих из них пришлось покупать, а императорская казна становилась все более скудной. Но тут, возмущенные своевластьем торжествующего Лотаря, отца вдруг поддержали Пипин и Людовик.

Юдифь вернулась из ссылки, Бернар очистился клятвой.

Престарелый император приободрился.

Он заявил, что не признает вырванного силой и будет добиваться справедливости. Имя Лотаря вновь было исключено из государственных актов. Объявив «Обустройство» утратившим значение, Людовик вернулся к своему последнему разделу государства и пообещал защищать его с оружием в руках.

Но он не нашел общего языка с Пипином и Людовиком Юным, и те вновь переметнулись к старшему брату. Враги партии Юдифи, возглавляемые Лотарем, в свою очередь взялись за оружие. Вербуя себе сторонников, они обратились за помощью к папе, который, дорожа единством империи, откликнулся на призыв и прибыл в их лагерь.

24 июня 833 года обе армии встретились на Красном поле в долине Эльзаса.

Из лагеря сыновей к императору отправились парламентареры, в числе которых находились Лотарь и папа. Но договориться не удалось – Людовик был непреклонен.

После этого несколько дней армии стояли в бездействии. И это выжидание оказалось губительным для императора. Обладая большими ресурсами, да еще имея у себя римского первосвященника, сыновья довольно успешно переманивали на свою сторону людей императора. И вот в ночь на 29 июня большинство военачальников и рядовых воинов, не говоря уже о магнатах, покинуло лагерь императора, так что к утру Людовик остался всего лишь с несколькими вассалами, сохранившими ему верность. Видя безвыходность положения, император и их отослал к сыновьям, а затем и сам отправился вслед за ними. Красное же поле (Rotfeld) с тех пор стало называться «Поле лжи» (Lugensfeld).

Для побежденного наступили черные дни, быть может, самые черные в

его жизни. Словно бы вновь повторилось то, что происходило три года назад, но в несравнимо более жестком варианте.

Обозленный предшествующим поведением отца, Лотарь решил показать себя беспощадным и отказался от каких-либо переговоров.

Людовик Благочестивый был взят под стражу. С супругой его снова разлучили, равно как и с младшим сыном.

1 октября Лотарь созвал генеральный сейм в Компьене. Здесь Агобард и Эббон выступили в роли обвинителей императора. Его упрекали в вероломстве и лицемерии, в неспособности управлять государством, в том, наконец, что он «унизил наследие великого Карла». Через несколько дней его перевели в Суассон, где собрались епископы, аббаты, графы и светская знать. Император был приведен в храм святого Медарда и здесь, среди массы присутствующих, его подвергли величайшему унижению. Простершись перед алтарем, Людовик принял из рук епископов длинный список своих «преступлений». Его заставили громогласно прочитать параграф за параграфом, произнося после каждого слово «виновен». Затем с него сняли меч, положили на алтарь, сняли царские одежды и облачили в робу кающегося. Передав старшему сыну императорское достоинство, он молил о снисхождении и прощении. Но ни то, ни другое дано ему не было. Юдифь сослали в далекую Италию, в город Тортону, Карла заточили в Прюмский монастырь.

Спектакль оказался внушительным, но все же Лотарь переусердствовал. Уже в ходе церемонии из рядов зрителей слышались возгласы сочувствия и негодования. Люди были потрясены насилием сыновей над беззащитным отцом. Да и среди самих сыновей не обнаружилось единства. Если Пипин пребывал в нерешительности, то более чуткий Людовик не скрыл своего возмущения жестокостью старшего брата и все высказал ему. Разгневанный Лотарь прогнал его, но тогда к Людовику присоединился и Пипин. Отшатнулось от победителя и большинство прелатов. Церковь сочла низложение помазанного папой императора, сына Карла Великого, опасным прецедентом, ведущим к соблазну верующих. Собравшись в Тионвилле, епископы и аббаты после обсуждения объявили Людовика невиновным. 28 февраля 835 года он был восстановлен в правах и снова возведен на престол в церкви святого Стефана в Меце. Нечего и говорить, что Юдифь и Карл были возвращены.

И тут Людовик Благочестивый раскрылся до конца. Всему миру демонстрирует он свое «благодушие» (читай: «слабодушие»). Его больше не занимает ни «Град Божий», ни церковь, ни императорская власть, ни подданные, ни сыновья – разумеется, за исключением одного, последнего.

Этот последний, юный Карл, уже подросток – ему исполнилось двенадцать, и семидесятилетний отец не чаёт в нём души. Он согласен на все ради благополучия Карла – отныне Карл его единственная забота. Его не остановят ни ложь, ни вероломство, ни забвение этических принципов (быть может, и не зря во всем этом его обвинял Лотарь?) – лишь бы устроить Карла, найти ему сильного покровителя и наделить его обширными землями – как можно больше земель!...

Забыв, что совсем недавно его спасли от падения и позора Людовик Юный и Пипин, император предаёт сначала одного, затем другого и начинает явно заискивать перед тем, от кого столько претерпел за последние годы – перед Лотарем. Пока тянется этот фарс, Пипин умирает (838). Император, успевший оттягать у него в пользу Карла всю Нейстрию и Бретань, теперь принимается и за Аквитанию, лишив права наследования сына покойного; попутно он прихватывает и часть земель Людовика. Но и этого ему мало, для своего возлюбленного сына он мечтает о большем. Лотарь снисходительно принимает заигрывание родителя и соглашается вступить с ним в сговор. Встретившись в начале 839 года в Вормсе, они заново делят многострадальную империю на две части по линии, идущей с севера на юг вдоль Мааса и далее к Средиземному морю. Лотарь, которому предоставлено право выбора, занимает восточную часть, Карлу остаётся западная. Императорский титул, с которым, правда, больше не связано никаких привилегий, сохраняется за Лотарем; он обязуется защищать Карла, а Карл – чтить своего покровителя и повиноваться ему.

Итак, все образовалось, все устроилось. Престарелый император остался ни с чем, зато его обожаемый Карл обеспечен всем: он получил могущественного покровителя и королевство, едва ли не превышающее земли Лотаря.

А Людовик Юный? О нём, выходит, забыли? Да нет, не забыли, просто сбросили со счетов – будто бы его и не существует. Зачем он старому или молодому императору, если они так славно поделили империю? Пусть, если хочет, удаляется в монастырь!

Мог ли примириться с этим Людовик, оставшийся без положения и без земель? В монастырь идти он не хочет, он собирает армию и готовится к войне. Но война, едва начавшись, тут же закончилась: 20 июня 840 года Людовик Благочестивый, уже давно болевший, испустил дух.

Смерть эта оказалась желанной для всех. О покойнике не пожалел никто, в том числе и его последний отпрыск, ради благополучия которого он отдал и свою репутацию, и последние годы жизни.

«Воина трех братьев»

Но если смерть Людовика Благочестивого никого не огорчила, то она не принесла и радости: умиротворения не получилось.

Теперь на исторической арене оставались три брата: Лотарь, Людовик и Карл. В дальнейшем Людовик, поскольку он будет ориентироваться на восточные области империи, получит прозвище «Немецкого»; Карл, у которого с возрастом волосы начнут сильно редеть, войдет в историю как «Карл Лысый»; Лотарь же останется просто Лотарем и не получит никакого прозвища, зато, оказавшись единственным монархом с титулом императора, обнаружит нескромное желание захватить всю империю целиком, что, конечно же, не вызовет восторга у его младших братьев.

Борьба возобновится.

Она развернется между 840 и 843 годами, и историки назовут ее «войной трех братьев».

Все началось с того, что вдовствующая императрица Юдифь сразу же после похорон супруга обратилась к Лотарю и напомнила об условиях Вормского договора 839 года. Но Лотарь заявил, что договор утратил силу, и навязал Карлу новый раздел, сильно сокращавший его владения. Одновременно он установил с Пипином II, сыном и наследником Пипина Аквитанского, отношения, направленные на изоляцию Людовика Немецкого.

Тогда Карл и Людовик в свою очередь заключили союз и заявили громогласно, что будут защищать свои права.

Силы сторон сложились следующим образом. Вокруг Лотаря объединились большинство франков и те из аквитанцев, которые поддерживали Пипина. За Людовиком пошли восточные франки, аламанны, саксы и тюринги. К Карлу примкнули жители Бургундии и те из аквитанцев, которые не признавали Пипина. Таково было этническое размежевание сторон. Если же посмотреть сквозь социальную призму, то нельзя не заметить, что народ в целом был равнодушен к междуусобной борьбе, а представители знати продавались и покупались сторонами, как и прежде. И поскольку Лотарь, владевший имперской казной, имел больше средств для подкупа, то и дела у него поначалу шли лучше, чем у братьев.

Кульминацией войны стало сражение при Фонтену-ан-Пюизе, происшедшее 25 июня 841 года. Эта битва была одной из самых кровопролитных в средние века. По преданию, в ней пало 40 000 человек –

цифра небывалая для того времени. Современники были потрясены этой гекатомбой, в которой франки (и не только они) убивали друг друга ради прихоти своих господ. Церковь объявила даже по этому поводу трехдневный пост. Выиграна же битва была младшими братьями. Лотарь оказался вынужденным отступить, рассчитывая в дальнейшем разбить братьев поодиночке.

Но Людовик и Карл предусмотрели этот вариант. 14 февраля 842 года они встретились в Страсбурге и обменялись клятвой-присягой, текст которой дошел до нас:

«Из любви к Богу и ради спасения христианского народа и нас самих я с нынешнего дня, насколько Бог даст мне разумение и силу, буду поддерживать брата моего [такого-то] во всем, как надлежит поддерживать брата, при условии, что он будет поступать точно так же. И никогда не вступлю ни в какое соглашение с Лотарем, которое с моего ведома направлялось бы против брата моего [такого-то]».

Данную формулу каждый из них произнес на языке региона, принадлежавшему другому брату, с тем чтобы его поняло союзное войско: Карл – по-немецки, Людовик – на романском наречии. Затем оба войска также дали торжественную клятву, каждое на своем языке.

Эта внушительная демонстрация заставила Лотаря задуматься.

Через несколько месяцев он сам обратился к братьям с предложением мира. Братья согласились, и после предварительных переговоров в начале августа 843 года в Вердене был заключен договор, положивший конец «войне трех братьев». Текст Верденского договора утрачен, но, комбинируя материалы других источников, о нем можно составить довольно четкое представление.

Империя делилась на три части. Самую большую получал Лотарь, сохранявший титул императора, но не имевший никакой власти над братьями. Государство Лотаря, крайне причудливое по конфигурации, состояло из Италии и примыкающей к ней территории, в основном ограниченной Рейном на востоке, Роной, Соной, Маасом и Шельдой – на западе. Все вместе составляло извилистую полосу земли длиной около 1500 км и шириной в среднем 200 км. Людовик Немецкий получал независимое королевство к востоку от владений Лотаря, Карл Лысый – к западу.

Современники едва ли поняли эпохальное значение Верденского

договора. Для них он утонул в массе разделов и переделов IX века. Они не увидели в нем того, что видим сегодня мы. Но они хорошо разглядели и почувствовали другое. Пожалуй, точнее всего эти общие мысли сформулировал Флор, диакон лионской церкви, когда записал: «Увы! Где она, та империя, которая объединяла верой чуждые друг другу народы и наложила на покоренных узду спасения?... Она утратила имя и честь. Вместо царя появились царьки, вместо царства – жалкие обломки...».

Но из этих обломков будущему суждено выстроить новые государства.

К новым государствам

Всего лишь на несколько десятилетий пережила империя своего основателя. Созданная из разнородных частей путем завоевания, не имеющая ни единой экономической основы, ни этнической целостности, она не могла быть прочной: каждая из территорий, населенных определенными племенными группами, имела свой уровень развития, жила своей внутренней жизнью и без постоянного военно-административного принуждения не хотела подчиняться власти завоевателя. Именно поэтому Карл Великий проводил все время в походах, бросаясь то в Аквитанию, то в Италию, то в Саксонию, то в Баварию – каждый раз, когда вставала реальная угроза отпадения этих территорий. Его наследник не обладал ни энергией, ни решительностью своего отца. А удерживать завоеванные племена и народности с течением времени становилось все труднее. Правительственные средства, как мы видели, были весьма примитивны. Административный аппарат империи неуклонно феодализировался, чиновники на местах узурпировали свои должности, стремясь захватить земли и людей, которые им были вверены. Ослабевала и армия: бенефициарии, все более превращаясь в феодалов, стремились осесть на ранее захваченных землях и установить непосредственные вассальные отношения с крупными титулованными феодалами, минуя императора. Так складывалась феодальная иерархия, по мере развития которой все более ослабевала центральная власть. В этих условиях непрочные внешние связи, соединявшие отдельные части империи, должны были разорваться. Они и разорвались два с лишним десятилетия спустя после смерти завоевателя.

Однако разрыв этот не мог чисто механически вновь разделить те этнические общности, которые сложились в течение нескольких веков. К прошлому возврата быть не могло. Это делал невозможным и самый факт существования (хотя и кратковременного) каролингской империи с ее церковной и светской административной системой и единой военной организацией, объединявшей население отдельных областей, что при слабости экономических связей имело решающее значение. Именно в системе империи усилились консолидация и объединение, с одной стороны, областей Галлии, с другой – Германии и сплочение этнических элементов той и другой групп. Раннефеодальная каролингская империя, ликвидировавшая племенные княжества и объединившая образовавшиеся на племенной основе общности, способствовала слиянию этих общностей.

Процессы этнической консолидации, шедшие внутри племен и народностей, искусственно соединенных в рамках империи, имели своим результатом появление определенного нового качества, ставшего ощутимым и зримым, когда империя распалась. С победой центробежной силы, развалившей империю, на свет выступили центроостремительные силы, создавшие новые народности в обособившихся частях империи.

При внуках Карла Великого, согласно Верденскому договору 843 года, империя была не просто разделена на три части между тремя членами Каролингской династии; по существу, то было определенное подведение итогов многовековых этнических процессов внутри франкского государства. В недрах племен и народностей, временно слитых в его составе, шли процессы образования новых народностей: французской – в Галлии, немецкой – к востоку от Рейна, итальянской – на территории Апеннинского полуострова. Процессы эти, которые привели впоследствии к формированию соответствующих наций, были, конечно, еще очень далеки от завершения, и, например, жители «западной Франции» в южной Галлии еще долго считались чуть ли не иностранцами. И все же наличие этих процессов в IX веке несомненно; о нем свидетельствует, между прочим, появление упомянутого выше памятника старофранцузского (романского) и старонемецкого языков – «Страсбургской присяги».

Вернувшись к содержанию Верденского договора, отметим следующие особенности его территориально-этнического феномена.

В состав Западно-франкского (Французского) королевства вошли: Аквитания, Септимания, западная часть Бургундии, «западная Франция» (большая часть Нейстрии), иначе говоря, прежние галлороманские области и часть каролингской «Франции», население которой говорило на романском диалекте. В состав Восточно-франкского (Германского) королевства вошли: «восточная Франция» (восточная часть Австразии), Саксония, Тюрингия, Аламания, Бавария – то есть территории, населенные преимущественно германскими племенными группами; позднее к ним присоединилась и Фризия. В состав так называемого «государства Лотаря», этого по существу «Средне-франкского государства», если оставить в стороне Фризию, о которой сказано выше, и Италию, совершенно чужеродную другим регионам и вскоре окончательно от них отделившуюся, вошли: «средняя Франция», Эльзас и большая часть Бургундии – то есть территории со смешанным романо-германским населением.

Два первых подразделения – Французское и Германское королевства, а также отделившаяся от «государства Лотаря» Италия превратились в

дальнейшем в более или менее устойчивые феодальные государства с формирующимся единством территории и языка. Оставшаяся часть «государства Лотаря» – промежуточная зона между Францией и Германией – не обнаружила подобной устойчивости. Распавшаяся позднее на Арелатское королевство и Лотарингию (Lotarii Regnum – «царство Лотаря»), она стала ареной ожесточенной борьбы между разделенными ею государствами. Понадобились века, чтобы часть этих областей соединилась с Францией, часть – с Германией.

После распада державы Каролингов термин «Франция» в значительной мере утратил свой первоначальный этнический смысл: «Францией» еще долго называли северную часть Западно-франкского королевства, «восточной Францией» по-прежнему именовали восточную часть Австразии, вошедшую в состав Германии. Позднее она превратилась во Франконию. Лишь столетие спустя название «Франция» окончательно закрепилось за территорией Французского королевства. Таким образом, распад, а затем и исчезновение «провинции Франции» означали распад, а затем и исчезновение франкской народности. Ей было суждено разделить судьбу своей этнической территории, а также государства, в рамках которого она складывалась и развивалась. На смену «Франции» пришла Европа.

Глава пятая. От истории к традиции

«Милая Франция» и ее обитатели

Но каролингская «Франция» не исчезла бесследно. Она просто изменила менталитет и из одной категории явлений перешла в другую. Она превратилась в «милую Францию» (*dulce France*) средневековых поэтов. Ее стали прославлять в кантиленах и жестах – героических песнях, которые певцы-жонглеры исполняли рыцарскому войску.

«Милая Франция» – это не «Франция» Карла Великого, но и не «Франция» эпохи крестовых походов – времени, когда сложились жесты. Это – «Франция» воображаемая, как бы промежуточная, обитателей которой величают то «франками», то «французами», столицей которой оказывается то Ахен, то Лан^[17], то Париж, и которая включает в себя не только Нормандию, Бретань, Пуату, Овернь, но и Лотарингию, Баварию, Алеманнию, Фризию, иначе говоря, которая одновременно принадлежит и Франции Капетингов, и Франции Каролингов, находясь как бы между ними.

В этой связи совершенно бессмысленным выглядит вопрос, над которым два последние столетия бесплодно бьются «романисты» и «германисты»: на французском или на немецком языке создавались ранние сказания о Карле Великом? Напомним, что в те времена еще не было ни «немцев», ни «французов», что были только франки и покоренные ими народы, что первые сказания писались на латинском языке, а первые героические песни, вероятно, пелись на языке народном, более «романизованном» на западе и более «германизованном» на востоке. Что же касается песен тех времен, когда они были записаны, то здесь спорить не о чем: все они появились на старофранцузском языке, который, в зависимости от места записи, мог быть «итальянизирован», «англизирован» и т.п., многочисленные же варианты на немецком, английском, испанском и древнескандинавском языках – не более чем поздние переводы. Впрочем, языковая проблема – не наша тема, и коснулись ее вскользь мы лишь потому, что уж очень большое место занимает она в новейшей научной литературе. Нас же интересует в первую очередь, как традиция изобразила великого Карла в его антураже, и почему это произошло.

Говоря суммарно, в жестах и романах средневековья сам император, его родственники и близкие получили вторую жизнь. Все они приобрели новый облик и характер, сохранив при этом некоторые черты,

засвидетельствованные историей, и изменив другие почти до неузнаваемости. Исторический Карл, носивший только усы, отпустил седую бороду и прожил вместо семидесяти двести лет, успев за это время слиться не только со своим дедом – Карлом Мартеллом, но и со своим внуком – Карлом Лысым, а его мать, Бертрада, в противовес своему «короткому» супругу, значительно «удлинилась» и стала «большеногой». Не менее деформировались сыновья и внуки Карла, хотя в главном из них, Людовике Благочестивом, точно сохранены его безволие и двоедушие. Из окружения Карла и Людовика «в живых» не осталось никого, за исключением Роланда да еще Гильома Тулузского; впрочем, и эти двое обзавелись и новым обликом, и новой родней: Роланд стал «племянником» Карла Великого, а Гильом получил не менее знаменитых предков. Зато вдруг «ожили» многочисленные герои, которых не знала или почти не знала подлинная история. Появился неугомонный Рено де Монтобан с тремя братьями, появился многострадальный Ожье Датчанин, чей героизм не раз спасал Карла, появились бешеный Рауль де Камбре, предатель Гуенелон и многие, многие другие.

Все они действуют вразброд, но при этом обязательно сходятся в одной точке, и точка эта – их сюзерен, непобедимый император. Недаром давно уже замечено, что даже в знаменитой «Песни о Роланде» подлинным героем является вовсе не Роланд, а его «дядя» – Карл Великий.

И вот что особенно знаменательно.

Внимательно приглядываясь, видишь: средневековая поэзия преувеличила, но вовсе не исказила реальные черты образа франкского императора. Борющийся с коварными вассалами, отправляющийся паломником в Святую землю или ведущий в крестовый поход христианских рыцарей, Карл, мощный седобородый великан, рассекающий ударом меча всадника вместе с конем, – это, в сущности, исторический Карл, но разросшийся в глазах потомства, подобно тому, как, по образному выражению историка, «заходящее солнце удлиняет тень предметов, не лишая возможности признать их действительные очертания».

Однако, чтобы понять характер и степень этого «разрастания», нужно возвратиться к началу.

Подспудный период

Выше уже говорилось, что повсеместное возвеличение Карла, дошедшее почти до обожествления, началось сразу же после его смерти. Всевозможные хроники, большие и малые Анналы, придворные и провинциальные поэты не жалели эпитетов, прославляя покойного. «Могущественнейший», «преславный», «знатнейший», «непобедимый» и даже «божественный», «чья мудрость и проницательность не знает равных», «самый знаменитый из всех августов», «император Рима» и, более того, «император всего христианского мира», «прославивший как своих предков, так и потомков» – этими и подобными формулами пестрят латинские источники IX века, причем восхваление возрастает по мере того, как действительность становится плачевной, по мере сворачивания дела Карла и развала его империи. Справедливость, впрочем, требует отметить, что в этом хоре славословий иногда все же проскальзывают отдельные негативные нотки, которые тонут в общем фимиаме, но оставляют след, не забытый будущими слагателями жест и кантилен. Иные «ревнители веры» не могут простить авторитарных замашек Карла, его нетерпимости к «слугам Божьим», пытающимся проявить самостоятельность. И здесь его «ахиллесовой пятой» становится весьма простительная, с нашей точки зрения, слабость к женскому полу, его «многоженство» (пять законных браков плюс наложницы), его снисходительное отношение к романам дочерей и придворных. Так, уже в 820 году появилось записанное в монастыре Рейхенау «видение» некоего монаха (в дальнейшем переложенное на стихи), в котором Карл изображается в чистилище, где он терпит муки за свою развратную жизнь. Примерно к этому же времени относится и сказание о святом Эгидии, отпускающем Карлу какой-то «великий грех»; согласно традиции речь шла о кровосмесительстве, о сожительстве Карла с родной сестрой Гизелой, от каковой связи и произошел Роланд, являющийся таким образом одновременно и племянником и сыном Карла (!).

Вслед за IX веком наступили X и XI века, самые «темные» и с точки зрения реальной жизни народов Западной Европы (феодалная раздробленность, набеги норманнов, венгров, арабов), и в плане познания историков об этом времени, включая и нашу тему. Здесь очень мало достоверных фактов, вследствие чего приходится ограничиваться молчанием, либо строить гипотезы, прибегая к ретроспекции.

«Королевская жеста»

Но затем положение меняется. С конца XI века начинается эпоха крестовых походов, принесящая рыцарскую поэзию, которая впервые записала, правда в трансформированном виде, кантилены и жесты, сложившиеся в течение двух предшествующих столетий. Так родился новый этап каролингской эпопеи. Главный цикл, посвященный Карлу и самый ранний по времени опубликования, получил название «королевской жеста». Комбинируя ее данные с другими «песнями», можно выстроить довольно подробно традиционный образ Карла в динамике его действий.

Начнем с происхождения.

Согласно поэме «Флоовант» первым королем франков был Хлодвиг. Его сын Флоовант выдал свою дочь за сакса, потомки которого претендовали на французскую корону. Однако корона досталась некому Ансеису, победившему саксонского претендента. Этот-то Ансеис стал отцом Пипина и, соответственно, дедом Карла Великого.

Здесь все – чистейшая фантазия. Характерно, что выпало даже имя Карла Мартелла, одного из знаменитейших предков Карла Великого, видимо им и поглощенного. Но при этом весьма примечательны два обстоятельства: 1) указание на Хлодвига, как на первого короля франков; и 2) становление каролингской династии дано в противостоянии саксам, реальным врагам Карла Великого, ставшим одним из главных объектов его завоевательной политики.

О родителях Карла и его детстве и юности подробно повествует эпическая поэма «Большеногая Берта». Фабула ее такова. Услышав о красоте и добродетели Берты, дочери венгерского короля Флуара, король Пипин добивается ее руки. Но вскоре Берту подменяет похожая на нее служанка Алиста, которая и становится королевой, а несчастную Берту как самозванку Пипин обрекает на смерть. Берте, которая уже беременна, удается бежать, и она вместе с родившимся сыном какое-то время скрывается, пока не происходит разоблачение козней Алисты. Королева с сыном торжественно возвращается во дворец, но тут юному Карлу приходится вступить в жестокую борьбу со своими сводными братьями, сыновьями Алисты. Карл вынужден бежать в Испанию, где он женится на дочери короля Толедо. Затем, совершив ряд подвигов, в том числе освободив папу римского от его врагов-язычников, он возвращается во Францию, расправляется с узурпаторами-братьями и законно венчается

королевской короной.

Этот авантюрный роман отражает, по крайней мере, четыре реальных факта: 1) отчуждение Пипина и Бертрады, чуть не ставшее причиной их развода, 2) аквитанский поход юного Карла в 769 году; 3) борьбу Карла с лангобардами в защиту папского престола; 4) неприязненные отношения Карла с его братом Карломаном до самой смерти последнего.

К войне Карла с лангобардами возвращается жеста Ожье Датчанина. Этот рыцарь, бежав от гнева короля Карла, находит приют в Италии, у короля Дидье (Дезидерия). Разгневанный Карл объявляет войну Дезидерии. Ожье проявляет чудеса храбрости, но не может одолеть Карла. Здесь мы видим явный намек на бегство ряда сторонников Карломана к лангобардскому двору в 771 году. И хотя события итальянской войны 773–774 годов перевернуты и извращены, назван реальный исторический персонаж – Дезидерий, Карл же правильно показан как победитель; что же касается Ожье, то историки утверждают, будто сумели найти его прототип. Об итальянской войне Карла повествует также жеста «Аспремонт», где, правда, Дезидерий переименован в Аголанда, а его сын Адальгиз – в Эаумонта.

С разной степенью подробности в жестах отражены и другие войны Карла. Саксонской войне посвящена довольно фантастическая поэма «Гитален», замечательная лишь тем, что под этим именем просматривается подлинный вождь саксов – Видукинд. Более адекватно освещено в эпосе завоевание Бретани, которому посвящена особая поэма и о котором сверх того имеются упоминания в «Короновании Людовика» и «Песни о Роланде» (напомним, что подлинный Роланд как раз и был префектом Бретонской марки). Вот этому-то персонажу в эпосе и повезло больше всех.

Загадки «Песни о Роланде»

Война в Испании, несомненно, находится в центре каролингского эпоса, а «Песнь о Роланде» – в центре эпоса об испанской войне. Содержание этой поэмы вряд ли стоит пересказывать – оно общеизвестно. Это и понятно. Жеста о Роланде является одним из самых замечательных литературных памятников средневековья, самой талантливой и читаемой из всех каролингских поэм, имеющей наибольшее число списков, вариантов, переводов и пересказов, ставшей наиболее излюбленным образцом для подражания и сюжетом для позднейшей поэзии. Согласно показанию современника именно она поднимала энтузиазм воинов-нормандцев во время завоевания Англии в 1066 году, именно ее распевали перед войском певцы-жонглеры.

А между тем в ней полно загадок.

В подлинной истории эпизод, связанный с Роландом, занимает незначительное место; Ронсеваль – арена трагедии – и вовсе не назван, а самое имя героя произнесено лишь единожды и скороговоркой. Эйнгард, биограф Карла, говоря о неудачном походе 778 года, заканчивает словами: «В сражении, наряду со многими другими, погибли королевский стольник Эггихард, пфальцграф Ансельм и Хруотланд, префект бретонского рубежа». И это все. Больше ни полслова ни в одном из каролингских источников. Нигде, даже там, где рассказывается о войнах с Бретанью, в которых уж кто-кто, а префект рубежа должен был как-то себя проявить! Однако в рассказах об этих войнах Анналы называют совсем другие имена – Аудульфа, Гюи, но отнюдь не Роланда. Затем почти три века молчания. И вдруг это имя оказывается у всех на слуху, становится одним из самых популярных, и эпос, связанный с ним, распевают по всей Европе! Замечательно и другое. У Эйнгарда среди героев, погибших в Испании, «Хруотланд» стоит на третьем месте, а перед ним лица, по-видимому, более значительные – Эггихард и Ансельм. Но вот эти-то двое в эпос как раз и не попадают, о них больше почти нигде и никогда не упоминается!^[18] А «Хруотланд», ставший племянником короля и покорителем всей Западной Европы, окружается новыми, совершенно неизвестными подлинной истории друзьями и врагами, среди которых его «побратим» Оливьер, столь же мужественный и преданный «милой Франции», как и он сам, затем архиепископ Турпин, которому меч и копье пристали больше, чем крест и молитвенник, наконец Гуенелон, чье имя останется нарицательным для

предателя и много веков спустя. В чем причина всех этих «странностей»? Как разрешить эти загадки?

Что касается замены персонажей, то здесь давно все разгадано и решается просто. Ведь каждая жеста, прежде чем выйти из подспудной стадии и добраться до литературной записи, проходила через множество сказителей и певцов, которые, плохо зная или совсем не зная архетип, изменяли, сокращали, добавляли по своему разумению и вкусу, вследствие чего реальные действующие лица исчезали и заменялись новыми, соответственно познаниям и желанию очередного певца. Это прием обычный для жесты. Гораздо сложнее обстоит дело с самим событием и ролью в нем Роланда.

Почему короткий поход Карла превратился в «семилетнюю войну», а бесславный разгром франкского арьергарда в бессмертный подвиг? В силу каких обстоятельств плачевная жертва этого разгрома стала центральной фигурой французского эпоса? Ответить на эти вопросы помогает другое событие, также связанное с реальным историческим лицом. Речь идет об упомянутом выше разгроме на реке Орбье под Нарбонной войска графа Гильома Тулузского в 791 году. При внимательном рассмотрении аналогия оказывается полной. И в Ронсевале и под Нарбонной франкские войска сражались с сарацинами. И там и тут дело кончилось сокрушительным поражением для франков. И там и тут «герои» этого поражения стали подлинными героями эпических поэм, соперничавших в своей популярности, – Гильому, получившему прозвище «Оранжевого», посвящен целый цикл таких поэм. Из этого сравнения можно вывести три знаменательных вывода. Во-первых, обе битвы, обернувшиеся страшнейшими поражениями на фоне непрерывных побед Карла, должны были потрясти современников и остаться в памяти потомства^[19]. Во-вторых, оба разгрома непобедимого франкского войска были учинены одним и тем же противником – мусульманами, что должно было породить традицию мести «нехристям». И наконец, в-третьих, чтобы эта месть была адресной, необходим был бессмертный герой, за которого надо было мстить. Все это наилучшим образом вписывалось в идею крестовых походов, в эпоху которых и сложились обе жесты, поскольку факты, положенные в их основу, с массой сопровождающих подробностей как бы подстегивали христианско-европейское рыцарство к «священным войнам» против мусульманского Востока. Такова, на наш взгляд, общая и наиболее вероятная «разгадка» проблемы, все еще оставляющей в недоумении иных историков.

Попутно отметим, что иной раз эпос может «подправить» показание

более раннего, считавшегося «историческим», источника. Напомним, что у Эйнгарда арьергард Роланда разбили баски; современная же историография почти единодушна в том, что это были (как и в «Песни») арабы.

На фоне героических поэм типа «Песни о Роланде» или «Песен о Гильоме Оранжском» явным диссонансом звучит одна необычная жеста, резко отличающаяся от других и ставшая как бы предшественницей «плутовского романа», жеста, так же уводящая читателя на столь привлекательный для крестоносцев «сказочный» Восток, но в совершенно иной плоскости.

Путешествие на восток

Проспер Мериме утверждал, что в истории он признает только анекдоты. Писатель клеветал на себя: в его исторической прозе анекдоты почти отсутствуют. И все же в этом утверждении есть изюминка: иногда анекдот может высветить событие ярче, чем точное его изложение. Такой анекдот (причем насквозь фантастичный) и представляет жеста «Путешествие Карла Великого в Иерусалим и Константинополь».

Оказывается, вопреки заверениям Эйнгарда, великий Карл не был чужд самолюбования и фанфаронства. Как-то, находясь в Сен-Дени, королевской усыпальнице и сокровищнице, он в присутствии королевы принялся примерять корону и драгоценный меч. «Не знаете ли вы, – самодовольно обратился он к супруге, – кому бы эти регалии подошли больше, чем императору франков?» «Знаю», – необдуманно ответила королева и тут же прикусила язык. Но было поздно – слово вылетело. Взбешенный Карл стал допытываться и в конце концов выяснил, что его соперником был Гугон, император Византии. Тут Карл поклялся, что сам удостоверится в сказанном, и в случае, если это обман, отрубит голову лживой супруге.

Такова была предыстория.

Затем, в сопровождении своих 12 пэров, император отправился в далекий путь. «По дороге» (?) он посетил святыню христиан – Иерусалим, где поклонился святым местам, очистился от грехов и получил священные реликвии. Затем прибыл в Константинополь. Император Гугон, немало удивленный посещением высокого гостя, тем не менее устроил ему и его баронам великолепный прием. Франки, потрясенные красотой города, роскошью дворца и обилием угощений, помалкивали и налегали на вина. Затем, когда отяжелевших от съеденного и выпитого, их проводили в спальные покои, они разговорились. Вся злоба и зависть от увиденного выплеснулась наружу и претворилась в грозную похвальбу. Сам император клянется померяться силами с любым из прославленных богатырей Гугона. Пусть тот оденет двойную кольчугу и два шлема, он все равно будет разрублен одним удалом пополам вместе с конем! Племянник Карла, доблестный Роланд, обещает так затрубить в свой рог, что все двери слетят с петель, а у Гугона обуглятся усы. Ожье Датчанин идет еще дальше: он намерен раскатать дворец и обратить его в прах. Неустрашимый Бернар берется перекрыть течение реки и затопить весь город. К общему хору

чудовищных угроз подключаются даже такие дочтенные царедворцы, как главный советник Карла Найм и архиепископ Турпин. Но самый оригинальный «подвиг» намеревается совершить Аймер: на ближайшем пиру он наденет шапку-невидимку, станет за спиной Гугона, съест и выпьет все то, что подадут византийскому императору, после чего самого его треснет головой об стол! Один лишь Оливьер, вздыхающий по златокудрой дочери Гугона, отказавшись от избиений и разрушений, мечтает о галантном подвиге...

Однако напрасно думали разгорячившиеся бароны, что их безудержная похвальба останется в тайне. Коварный Гугон сумел спрятать соглядатая, который точно изложил своему хозяину все планы его неблагодарных гостей. В величайшем гневе Гугон тут же потребовал от баронов выполнения задуманного, обещая в противном случае предать их казни. «Разрушители» пришли в ужас. Хмель прошел, и теперь они поняли, что ничего из задуманного выполнить не смогут иначе, как с Божьей помощью. Естественно, они обратились с мольбой к Богу. Господь внял их молитвам (как же могло быть иначе!), и они принялись «за дело». На этот раз в ужас пришел Гугон и стал умолять «доблестных» рыцарей воздержаться от продолжения начатого. Все закончилось вполне благополучно – Гугон признал себя вассалом Карла. Во время торжества по этому случаю оба монарха по предложению франкского императора надевают короны, и тут всем присутствующим становится ясно, что Карл и выше ростом и величественнее Гугона... Весьма довольный этим фактом, как и результатами всего путешествия, Карл по возвращении на родину прощает легкомыслие своей супруге...

Происхождение этой жести пытались объяснить по-разному. Указывалось, что в какой-то мере она могла отражать факт тесных отношений Карла с Иерусалимом (хотя сам он в Иерусалиме, конечно, никогда не был). Вместе с тем есть мнение, согласно которому весь сюжет «Путешествия» случаен и происходит от арабской литературной традиции типа сказок «1001 ночи».

Если первая версия может быть частично принята, то вторая представляется совершенно искусственной, равно как и связанное с ней утверждение о древности происхождения жести. Нам кажется, что, напротив, «Путешествие» должно относиться ко времени не ранее начала XII века (а может быть, и к более позднему) и что в основе его лежит совершенно реальное событие: первый крестовый поход (1096–1099 годы). Действительно, все здесь описанное явно соответствует походу Готфрида Бульонского (в жесте замененного Карлом): и путь в Константинополь, и

восхищение византийской столицей, и злобная зависть рыцарей-крестоносцев по отношению к увиденному. Имели место и страх императора Алексея Комнина (в жесте – Гугона), и тяжкие инциденты вроде занятия византийского трона европейским феодалом (графом Парижским), откуда его лишь с трудом удалось стащить. Был и факт вассальной присяги, только присягал не византийский император, а наоборот, ему европейские феодалы давали клятву верности (разумеется, не собираясь ее соблюдать); естественно, что в жесте все должно было происходить в обратном направлении, так же, как и Иерусалим появляется в жесте в начале путешествия, хотя в действительности он был конечным пунктом движения крестоносцев. К этому остается добавить, что конфессиональные различия, обозначившиеся уже во время Карла и окончательно определившиеся после 1054 года, вызывали постоянно нарастающую ненависть католических клириков и феодалов по отношению к православному Константинополю; как известно, все закончилось его полным разорением и разграблением. Но это произошло уже позднее – в 1204 году, и в данном случае «Путешествие» выражает скорее не результат, а подспудную тенденцию, получившую первый толчок еще в IX веке и вполне обозначившуюся два века спустя.

Кризис жанра. Связь времен

«Путешествие Карла» уже наметило тенденцию, которая, все время нарастая, в значительной мере содействовала перерождению, а затем и полному вырождению каролингской легенды.

В XIII веке во французском эпосе появляются реальные крестоносцы, нашивающие кресты на свои плащи и постепенно оттесняющие на второй план Карла Великого, его родню и его баронов. Сам образ Карла меняется: он утрачивает прежние героические черты, воинскую доблесть, непобедимость в битвах, его приключения приобретают все более камерный характер. Этому содействует увеличение числа и укрупнение женских образов, чья добродетель становится не менее важной, чем добродетель воина на поле боя. Возникают и умножаются литературные шаблоны, переходящие из песни в песню и заранее известные читателю или слушателю. Да и слушатель все более превращается в читателя. Если раньше жесты были достоянием певцов-жонглеров, то теперь они становятся собственностью писателей; объявляются «авторы», присваивающие себе ту или иную записанную поэму. Сами поэмы складываются в циклы, становящиеся достоянием «коллекционных» рукописей, оседающих при дворах знатных сеньоров. Начинает влиять смежный эпос, в особенности цикл короля Артура с его романтическими приключениями, феями и волшебниками. Стихотворные произведения чрезмерно удлиняются, а затем и вообще уступают место прозе – рыцарским романам, вроде тех, которыми была наполнена «комната с книгами» последнего идеального рыцаря – Дон Кихота Ламанчского. Наконец, становление города, его преобладание над феодальным замком и зарождение буржуазии открывают дорогу новым литературным жанрам, призванным вытеснить героическую поэзию былых времен.

Эпоха Возрождения довершает этот процесс. Появляются знаменитые и широко читаемые произведения Боярдо, Пульчи, Ариосто, где все эти «влюбленные» и «неистовые» Роланды, запросто общающиеся и с ангелами, и с феями, и с богами Олимпа, превращаются в феерические каскады, отчасти – романтические, отчасти – гротескные, но не имеющие ничего общего ни с реальным, ни с эпическим Карлом.

«Век Просвещения» проявил к нему мало интереса: для Монтескье, Вольтера и всей их компании франкский император был слишком «готическим». Один лишь Мабли использовал его для своей социальной

схемы, превратив в основателя сословий (!) и даже Генеральных штатов (!!).

Но Карл не собирался умирать – недаром же когда-то народ провозгласил его бессмертие. Начался XIX век, и новый завоеватель Европы почел за нелишнее возродить его образ в качестве своего «предшественника». На известной картине Давида «Наполеон на перевале Гран-Сен-Бернар» (1801) Бонапарт на вздыбленном коне застыл над камнем с надписью «Charlemagne» (Карл Великий). И вскоре орлы Карла снова запарили над Европой, а сам он «присутствовал» на коронации 1804 года в Нотр-Дам во время сложного церемониала с благословением папы – совсем как тысячу лет назад в 800 году!

Вспоминали о нем и в последующие десятилетия. В 1881 году было записано любопытное сказание, созданное, по-видимому, значительно раньше, при Наполеоне III. Сказание называлось «Башня Ганделона» (то есть Гуенелона) и относилось к реальной башне близ города Корби. Самое интересное, что в этом «эпосе» бок о бок действовали два предателя, один – эпический, другой – подлинный, разделенные многими веками. Вот как объясняет этот новый вариант «Песни о Роланде» происхождение трещины, издавна существовавшей в башне.

«Гавделон и Бурмон^[20] изменили Карлу Великому и предали его армию дикому народу, который живет очень далеко, за морями и горами, в Испании.

Оба изменника прогуливались в большом парке замка Эйи, как вдруг к воротам замка прибыл Карл Великий весь в трауре, назвал сторожам свое имя и предстал перед двумя злодеями.

– Ну что? – спросил он их. – Остались ли вы мне верными, Ганделон и Бурмон?

Бурмон от ужаса не посмел ответить, и заговорил Ганделон:

– Государь, мы до конца исполнили долг.

– Так ли это? Знай, Ганделон, я крепко в этом сомневаюсь. Что-то подсказывает мне, что вы мне изменили и что вам я обязан гибелью стольких моих солдат от рук испанцев.

Ганделон помолчал, а затем ответил:

– Пусть эта башня моего замка расколется пополам сверху донизу, если мы вам солгали.

И оба предателя протянули руки по направлению к башне и поклялись.

– Аминь! – ответил им Карл.

В то же мгновенье Господь Бог, желая посрамить негодяев и показать им, что ложная клятва не проходит безнаказанно, дозволил, чтобы огромная

башня рассеклась посередине сверху донизу, как сказали предатели, принося клятву.

Преступники остолбенели. По слову Карла стража схватила их.

Немного спустя Карл передал их Наполеону, и они были расстреляны.

По другой версии, их повесили, а трупы бросили в лесу на съедение волкам и лисицам».

И это ли не подлинная связь времен?...

Прообраз или соперник?

Наш обзор легендарной биографии Карла был бы неполным, если бы мы не остановились на одной параллели, неоднократно упоминавшейся выше, которая дает возможность и лучше понять, и лучше оценить сущность и продолжительность каролингской традиции.

Средневековье знало, любило и разрабатывало три больших эпических цикла: об Александре Македонском, о короле Артуре и о Карле Великом. Но два последних имели все же значительный перевес, и объясняется это просто. Македонский завоеватель, при всем своем обаянии и подвигах, столь приятных духу рыцарства, действовал в дохристианскую эпоху, а это, учитывая глубокую религиозность средневекового человека, являлось огромным недостатком, примириться с которым было трудно. Другое дело – британский и франкский властители: здесь великие подвиги сочетались с великой набожностью и любовью к христианскому Богу (хотя в цикле Артура, с его волшебниками, феями и чудесными превращениями в этом отношении все было не так просто и однозначно, как у Карла).

Прежде всего, однако, нужно вспомнить, хотя бы в самых общих чертах, происхождение и суть «артурианы».

Артуровский эпос по своему происхождению много древнее каролингского; в этом нет ничего удивительного, поскольку реальный Артур (если он жил на самом деле) на два века старше Карла; он – поздний современник Хлодвига и действовал в пределах VI века.

Выше говорилось о ранней истории Британии и о жестокой, хотя и безуспешной борьбе ее исконного населения – кельтов против вторгшихся на остров в конце V–VI веках англов, саксов и ютов. В современных этим событиям источниках наряду с рядом других борцов за независимость бриттов мелькает и имя Артура. Древнейшие тексты (вторая половина VI века) рисуют его как некоего племенного вождя, предводителя импровизированных отрядов кельтского сопротивления, бесстрашного, но жестокого воителя. Одна из более поздних хроник (VIII век), уточняя героизм Артура, приписывает ему, по образцу Геракла, двенадцать подвигов, главным из которых была победа над саксами у горы Бадон (около 516 года). Все эти (и многие другие, нам неизвестные) материалы были художественно обработаны в начале XII века хронистом Гальфридом Монмутским в его «Истории бриттов», наметившей канву для всех будущих романов о короле Артуре. Под пером Гальфрида раздавленные

англо-саксами бритты превратились в победителей, их несостоявшееся государство стало великой, не уступавшей Римской, империей, а полумифический предводитель кучки партизан, обернувшись мощным властелином, обрел бессмертие в веках. Подобная трактовка автором хроники, писавшим в XII веке, равно как и последующая популярность самой хроники далеко не случайны: со времени Вильгельма Завоевателя новые, нормандские хозяева Англии приветствовали каждый враждебный выпад в адрес покоренных ими англо-саксов, а Генрих II Плантагенет, строивший во второй половине века свою «анжуйскую империю», не мог не видеть в «Истории бриттов» идейной поддержки своих политических амбиций. Но дав этот мощный политический заряд, Гальфрид в не меньшей мере содействовал развитию и другой, романтической линии «артурианы», столь сильно разросшейся в будущем.

«История бриттов» стала как бы стволom, от которого пошли пышные побеги в двух направлениях. Для последующего английского эпоса характерно преобладание героического аспекта на псевдоисторическом фоне. Французский же вариант «артурианы», угнездившийся в Арморике («бретонский цикл») и получивший наиболее полное развитие в стихотворных романах Кретьена де Труа (конец XII века), принял явное куртуазно-романтическое направление и вызвал многочисленные переводы и подражания в Германии, Нидерландах, Скандинавии, Италии, Испании и Провансе.

Основная сюжетная линия цикла такова.

Король бриттов Утер влюбился в Игрону, жену герцога Корнваллийского, и овладел ею с помощью волшебника Мерлина, который придал ему внешность мужа Игрены. От этой связи и родился Артур, занявший престол Британии после смерти отца. Он проживал в Уэльсе, в замке Камелот, в окружении полутора сотен рыцарей, по храбрости и манерам служивших образцом всему свету; элитой этого общества были 12 рыцарей. Все общество заседало вместе с королем за Круглым Столом, ставшим как бы символом их равенства. Из их числа наибольшую известность получили Персиваль, Ланселот, Эрек, Тристан, Гевейн. Все они проводили время в приключениях, сражались на турнирах и в поединках, ухаживали за дамами. Сам их глава был неутомимым воителем. Он разбил во многих сражениях англо-саксов, потом победоносно вторгся в Шотландию, Данию, Норвегию и даже Францию, где под Парижем осилил большое римское войско. Однако во время его отсутствия его племянник (или незаконный сын) Модред восстал и соблазнил жену Артура, королеву Гиневеру. Возвратившись, Артур вступил в битву с племянником, убил его,

но и сам получил смертельную рану. Однако смерть его не наступила. Увезенный на таинственный остров Авалон, Артур был излечен от раны, оставшись в состоянии волшебного сна, от которого в положенное время должен очнуться и возвратиться в свое королевство.

С легендой о королевстве Артура тесно соприкасается другая легенда – сказание о Святом Граале. Грааль – чаша причастия, в которой Иосиф Аримафейский собрал кровь распятого Христа. Эта священная реликвия, доставленная в Британию, в силу каких-то неясных причин стала олицетворением мистического рыцарского начала, символом высшего совершенства, эмблемой мировой христианской империи. Вследствие этого центром «артурианы» постепенно оказался не двор короля Артура, а чудесный замок Грааля – Монсальвач; рыцари же, посвятившие себя его охране, из искателей приключений превратились в борцов за справедливость, защитников вдов и сирот, создателей высшей гармонии в грешном мире. Что же касается самого Артурова королевства, то теперь из реальной Британии оно превратилось в мистическую империю без истории, без границ, без конца и края.

Исследователи давно заметили многочисленные черты сходства между циклом Артура и циклом Карла, начиная от мелких частных и до глобальных проблем.

Действительно, в биографиях одного и другого есть много общего. Оба они – отважные воины, оба – непобедимые завоеватели. И у того и у другого – сложности во взаимоотношениях родителей, и у того и у другого – «великий грех»: речь идет о кровосмесительстве (инцесте); оказывается, Артур, как и Карл, «грешил» с собственной сестрой. И результат получился один и тот же: у Карла – племянник (сын) Роланд, у Артура – племянник (сын) Модред. И Роланд и Модред занимают каждый одно из центральных мест в эпосе, с той только разницей, что первый – герой «положительный», второй – «отрицательный» (подобные «перестановки» типичны для смежных жест).

Двор Артура удивительно напоминает двор эпического Карла; и там, и тут присутствует символическое число двенадцать, у Карла – его пэры, у Артура – рыцари Круглого Стола.

Одинакова и посмертная судьба обоих властителей: оба не умирают, но «засыпают» с надеждой для подданных, что они когда-то «проснутся».

И, наконец, самое главное: оба – основатели легендарной империи без конца и края, у Артура – под эгидой Святого Грааля, у Карла – под знаком идеального «Града Божия».

Подобное сходство, говорят нам, не может быть случайным. Ясно, что

с одной или с другой стороны были заимствования. А поскольку эпопея Артура много древнее, чем эпопея Карла, влияние могло идти только от первой ко второй, но никак не обратно. Доводя эту мысль до абсолюта, некоторые ученые безоговорочно утверждают, что Артур был прообразом мифического Карла и последний целиком вырос из первого.

С такой трактовкой согласиться невозможно. Начать с того, что Артур – фигура полумифическая, Карл же – реальный исторический деятель. Соответственно, «подвиги» Артура родились на основе литературного произведения Гальфрида Монмутского, которое и стало прототипом всех последующих сказаний, эпический же Карл вырос не из литературы, а из исторических реалий, зафиксированных в исторических документах, и хотя последующая поэзия сильно деформировала образ, его реальная первооснова везде просматривается.

Это, конечно, ни в коей мере не исключает взаимных влияний обоих циклов, развивавшихся бок о бок на протяжении длительного времени. Нельзя не согласиться и с тем, что влияние цикла Артура на каролингский эпос могло быть много большим, чем обратное, особенно после того, как английская легенда оказалась обработанной на французской почве. И все же, думается, не это главное, и ни о каком «тотальном» заимствовании речи быть не может.

Основа, как нам представляется, состоит в том, что оба сказания в качестве стержня имели единую идею, и эта идея, носившаяся в воздухе Средневековья и отраженная в сочинениях многих Отцов церкви, – идея универсального государства. Исходя из этой идеи, Карл мечтал построить свой «Град Божий». Ту же идею авторы романов Круглого Стола вложили в замыслы легендарного Артура. А существовала эта идея совершенно независимо и от одного, и от другого цикла именно в силу своей универсальности.

Эпилог. В начале было Слово

Дело родилось из Слова. Все началось с Идеи.

Идея же возникла задолго до появления Карла.

Ее колыбелью были труды Отцов церкви – святого Иеронима и святого Августина. Пребывая на грани великих эпох, на стыке мировых цивилизаций, они попытались осмыслить настоящее, прошедшее и будущее. И создали первую универсальную периодизацию истории. Согласно ей весь процесс развития человечества укладывался в рамках четырех следовавших одно за другим государственных образований; то были Ассиро-Вавилонская, Мидо-Персидская, Греко-Македонская и Римская монархии. Последняя являлась завершающей: она не могла погибнуть и должна была существовать до конца мира, а с торжеством христианства ее миссией стало создание «Града Божия» на земле.

Идея была подхвачена и развита последующими представителями средневековой патристики. Исидор Севильский и Бэда Достопочтенный углубили и уточнили ее; жившие в бурный период «варварских» завоеваний, они не желали мириться с мыслью о гибели обновленной Римской империи и выдвинули теорию «translatio» (перенесения). Согласно их мысли христианская империя как символ грядущего «Града Божия» должна переходить от народа к народу, от государства к государству.

И вот эту-то самую идею в силу целого ряда как объективных обстоятельств, так и сугубо индивидуальных особенностей было суждено попытаться воплотить именно Карлу Великому.

Мы видели, что в начале он не имел единого плана и действовал сообразно обстоятельствам. Но по мере завоеваний план вызрел и сформировался. Его вдохновителем явился святой Августин, чье сочинение «О Граде Божьем» стало настольной книгой франкского монарха. И он отдал все свои силы строительству этого Града, как его понимал. Отсюда вся его духовно-реформаторская деятельность. Отсюда и «Новые Афины». Отсюда и translatio империи.

Построил ли он Град?

Нет, не построил. Это было ему не по силам, как не по силам вообще смертному.

Но не достигнув воплощения августиновской идеи, Карл Великий сделал нечто другое, быть может, им самим не вполне осознанное, но от этого не менее важное. Авторитарный и целеустремленный политик,

вольно или невольно своими завоеваниями и унификаторскими мерами он содействовал консолидации тех социально-этнических процессов, которые шли помимо него и привели к образованию ныне существующих государств: Франции, Германии и Италии.

Да, его «Град Божий» не состоялся, но он стал родоначальником чего-то иного, достаточно стабильного и устойчивого.

Империя Александра Великого распалась, но появился эллинистический Восток.

Империя Карла Великого распалась, но появился феодально-католический Запад.

Империя породила Европу.

С ее религией, ее культурой, ее проблемами. И предрекла ее будущее. Действительно, чем пристальнее вглядываешься, тем отчетливее видишь: провиденциализм здесь двойной, поскольку дело Карла не только было предсказано, но и само явилось предсказанием. Спустя двенадцать столетий, пройдя через бесчисленные войны и сокрушительные социальные катастрофы, Западная Европа все же пришла к интеграции, к которой вел ее, хотя и на иной основе, Карл Великий. И ежегодная ахенская премия – ярчайшее свидетельство признания этого факта.

Что же касается идеи *translatio*, у истоков материализации которой (точнее – таковых попыток) опять же стоит он, то это, разумеется, проблема менее значимая для людей XX века; но она совершенно иначе звучала двенадцать столетий назад и даже много позднее – отсюда ее необыкновенная притягательность и живучесть. Ведь именно от Карла Великого идея эта перешла на империю Оттонов, далее на империю Барбароссы, далее на империю Габсбургов, далее на империю Гогенцоллернов. И разве не этой же идеей руководствовались русские государи XV–XVII веков, перенося византийского двуглавого орла, а вместе с ним и феномен империи, на «третий Рим» – Москву?

Конечно, по мере своего продвижения во времени идея выдыхалась и в конце концов вырождалась.

Но это не делает менее значимым Начало.

А он-то ведь был в Начале!...

1

Мир Римский и мир Христа (*лат.*).

2

Комплот (*фр.* complot) – заговор.

3

Солід – золотая монета весом в 3,88 г.

Франкский отряд догнал их у Лейсы и «пощипал» арьергард, из чего официальная летопись сделала «блестящую победу».

5

Heerstelle – стоянка армии (*нем.*).

6

«Погибли, как обры (авары)»

Исключение составляет Каринтия, но она отошла к Франкскому государству вместе с Баварией, как часть Баварского герцогства, к которому была присоединена (вторично) в 772 году.

Граф Гильом, под именем Гильома Оранжского, стал героем цикла героических песен, соперничавших с «Песнью о Роланде».

Речь идет об императрице Ирине.

Императрица Ирина свергла с престола, ослепила и заточила в темницу своего сына, императора Константина VI.

Как раз в это время Карл снова овдовел, потеряв королеву Лиуггарду.

Император, например, прекрасно знал о тайной связи поэта Ангильберта с одной из своих дочерей, но не изменил к нему доброго и дружеского отношения.

При рождении ему дали имя Карломан. Пипином он стал после устранения от прав наследования Пипина-горбуна.

Адоптиане считали, что Христос был Сыном Божиим только по усыновлению; вера их распространилась преимущественно в Испании.

Иконоборчество – борьба против почитания икон в Византии при императорах Исаврийской династии (726–843).

Традиция утверждает, что сам Эйнгард состоял в близости с дочерью Карла Эммой; однако современные источники не знают дочери Карла, носившей такое имя.

Подлинная столица последних Каролингов.

Имя Эггхарда еще раз звучит в его поэтической эпитафии, которая позволяет уточнить и дату события – 15 августа 778 года.

Конечно, серьезные неудачи Карл имел также в Саксонии и у аваров, но в первом случае речь идет о «своих» – саксы были германцами, и, по словам Эйнгарда, в конце концов «составили с франками единый народ», авары же были полностью истреблены и потому не могли оставить о себе памяти у франков.

Генерал Бурмон изменил Наполеону в 1815 году.